

П.Е.СПИВАКОВСКИЙ

**ФЕНОМЕН
А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

П.Е.СПИВАКОВСКИЙ

**ФЕНОМЕН А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД**

(К 80-летию со дня рождения)

Москва 1998

Книга подготовлена в Отделе литературоведения
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
ИНИОН РАН

Редактор – зав. Отделом литературоведения,
кандидат филологических наук – Е.А.ЦУРГАНОВА

© ИНИОН РАН, 1998

Данная публикация не может быть переиздана или воспроизведена любым другим способом без письменного разрешения ИНИОН РАН.

© П.Е.Спиваковский, 1998

ISBN – 5-248-00191-9

СОДЕРЖАНИЕ

Солженицын как художник и мыслитель	5
Онтологическая символика	28
«Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор»: особенности проблематики и художественной структуры	35
Новый вид полифонии («Красное Колесо»)	42
Рассказы 1990-х годов («Эго», «На краях», «Абрикосовое варенье»)	68
Лексическое «расширение»	81
Список литературы	94
ПРИЛОЖЕНИЕ. Краткая библиография сочинений А.И.Солженицына и работ о нем	100

СОЛЖЕНИЦЫН КАК ХУДОЖНИК И МЫСЛИТЕЛЬ

Он среди нас — уже восемь десятилетий. Это много. Но даже и сейчас — что мы, современники, можем сказать о нем? Чего стоят все эти наши казенно-обязательные восторги по поводу якобы лучших в его творческом наследии и с тех пор «непревзойденных» двух ранних рассказов?¹ Но даже если и говорить лишь о рассказах — почему выбраны только «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор»? Чем хуже, например, «Правая кисть»? Только тем, что это произведение не могло быть напечатано в СССР в 1960-е годы и его оказалось труднее переосмыслить в духе популярных в ту эпоху идей «возвращения к ленинским нормам»? А чем хуже солженицынские рассказы 1990-х годов: «Эго», «На краях», «Молодняк», «Настенька», «Абрикосовое варенье»? (см.: 14; 7; 6; 8; 1). Это ведь подлинные шедевры русской прозы XX века.

Но нет, нам удобнее ничего не менять в нашем послушном следовании шестидесятнической догматике. А.И.Солженицын для нас если и терпим, то лишь самый ранний, да еще просеянный сквозь сито советской цензуры. Ну, придется, конечно, что-то сказать и об «Архипелаге» (совершенно очевидно: книга эпохальная). Кто-то (это по желанию) вспомнит о «Случае на станции Кочетовка», перевирая название станции на старый, подцензурно-новомировский лад, кто-то — о романе «В круге первом», кто-то — о повести «Раковый кор-

---

¹ Все жанровые определения произведений А.И.Солженицына принадлежат их автору. Вопрос об использовании им тех или иных жанровых форм очень сложен и требует специального рассмотрения.

пус». Но и только. Дальше идти нам ни в коем случае нельзя. Зами-нировано. Давно ведь уже объявлено и всем известно: не только сказать что-нибудь хорошее о «Красном Колесе», но даже и читать его не следует. Нас упорно и настойчиво предупреждают: ни в коем случае не читайте это произведение! Оно страшно длинное, очень скучное (а зачем же тогда так настойчиво предупреждать?), совсем-совсем малохудожественное, а главное — архиреакционное!²

Впрочем, даже и говоря об «Одном дне Ивана Денисовича» и «Матренином дворе», надо не забыть «главное»: какое впечатление они произвели на советскую общественность когда-то, в 1960-е, ну, а потом — лучше вскользь — как этот писатель нас (таких прогрессивных сторонников «очищенного» ленинизма, или традиций революционной «демократии», или социализма с человеческим лицом, или даже конвергенции социализма и капитализма и т.п.) потом разочаровал.

Однако тут дело не только в политике. Очень часто ранние произведения больших писателей оказываются ближе и понятнее для современников, чем последующие. Так, А.С.Пушкина долгое время считали автором «Руслана и Людмилы» и южных романтических поэм, а Н.В.Гоголя — автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки», да к тому же преимущественно юмористом. И отнюдь не случайно В.В.Набоков не без язвительности замечал: «Когда мне кто-нибудь говорит, что Гоголь «юморист», я сразу понимаю, что человек этот не слишком разбирается в литературе» (56, с. 52). Что же касается Ф.М.Достоевского, то революционно-«демократическая» критика в течение очень длительного времени считала его лишь автором одобренного В.Г.Белинским романа «Бедные люди».

Всякий по-настоящему большой художник является носителем принципиально нового мировосприятия, но глубоко вникнуть в него современникам часто трудно, почти невозможно. И тогда от писателя стараются отделаться: как когда-то от позднего Пушкина, Го-

---

² Вот для сравнения мнение Р.О.Якобсона об «Августе Четырнадцатого» (первом «Узле» «Красного Колеса») и о его авторе: «Солженицын — первый *современный* писатель, оригинальный и великий. Его книги, и среди них особенно «Август Четырнадцатого», являют беспрецедентный творческий сплав всеобъемлющей эпопеи (с трагическим катарсисом) и скрытой проповедью» (85, p. 326). Перевод мой. Здесь и далее все графические выделения в цитируемых текстах принадлежат их авторам. — П.С.

голя, Достоевского, так теперь и от Солженицына. А чтобы отделаться, лучше всего заключить писателя в своего рода гетто из двух его «художественно наиболее совершенных» рассказов (можно выбрать даже и один — «Матрёнин двор»). И потом остается только принять на веру версию В.Н. Войновича, автора знаменитого романа-клеветы на «Москва 2042». Герой этого сочинения, Сим Симиыч Карнавалов, и на Солженицына страшно похож (соли не ест, «глыбы» сочиняет, слова, похожие на солженицынские, употребляет, да всё не к месту), а в то же время и архаист, и ретроград, и монархист, и лицемер — ну, словом, все, как надо. Можно, казалось бы, и успокоиться. Но нет — мешает нам Солженицын. Все время невольно возвращаешься к нему и думаешь: что же это за фигура такая и почему, даже и отвергнув его, — подсознательно ощущаешь величие этого странного человека.

Он — иной. Он не такой, как мы.

Это и раздражает и притягивает.

* * *

Совершенно очевидно: Солженицын не хочет увлекаться тем, чем увлечены мы. Ну а мы-то с вами — люди передовые. Следовательно, он отсталый архаист!

Вот и покойный В.Е. Максимов утверждал еще в 1991 году: даже и «Один день Ивана Денисовича» — произведение «крайне стилизованное», поскольку А.И. Солженицын якобы стремится «конструировать почти всю словесную ткань своих книг из вымерших архаизмов и неподъемных словосочетаний». Вместо этого глубоко современный писатель предложил «освободиться от советского «новояза» <...> по «Сказке о царе Салтане» или, по меньшей мере, по чеховской «Каштанке»» (53). Ирония ситуации, однако, в том, что именно такое восприятие солженицынских текстов и оказывается подлинно архаистским. Не случайно Л.В. Лосев подчеркивал, что «Солженицын сугубый новатор, которого упорно пытаются читать как архаиста» (52, с.71). В сфере художественной формы писатель ориентируется не столько на использование достижений литературы XIX века (к чему так настойчиво призывал его Максимов), сколько на опыт модернистской прозы Е.И. Замятина, М.И. Цветаевой и Д. Дос Пассоса [как известно, об этом неоднократно говорил и сам Солженицын] (см.: 11, т.2, с.434, 446-448).

Что же касается лексики, то, как показывает глубокое и обстоятельное исследование В.В.Карпович, лишь 40% «необычных» слов, используемых писателем, заимствованы им из словаря В.И.Даля, а все остальные являются авторскими новообразованиями (см.: 41, с.249). При этом Карпович подчеркивает, что почти все «необычные» слова употреблены в текстах Солженицына «по одному разу, что указывает на их экспериментальный характер — автор их не навязывает» (там же, с.248).

В то же время использование Солженицыным непривычных сочетаний и известных читателю приставок, корней, суффиксов и окончаний приводит к тому, что смысл почти каждого «необычного» слова оказывается понятен без объяснений (в редких исключениях помогает контекст), причем писатель менее всего стремится «поразить» нас какой-либо словарной экзотикой или архаичностью речи. Не случайно, что даже слова, заимствованные у Даля (формально говоря — архаизмы), Солженицын использует (на функциональном уровне) как неологизмы. Они нужны, за редчайшим исключением, не для создания некоего «аромата старины», но, напротив, — для расширения выразительных возможностей и смыслового обогащения современной литературной речи, для разрушения стилистических штампов и поиска новых красок и смыслов. Писатель смело ломает сковывающие рамки привычной языковой «нормы», но солженицынское новаторство, при всей его необычности, остается в русле многовековой русской языковой традиции (подробнее см. ниже, в разделе «Лексическое “расширение”»). Это очень характерно для Солженицына: сочетание глубочайшей укорененности в национальной «почве» и в то же время — ослепительно яркое и даже дерзкое новаторство. Но вместе с тем оно никогда не является для него самоцелью, а всегда лишь средством для решения новой, неожиданной, небывалой художественной задачи (см.: 11, т.2, с.222-224). Без ясного понимания этого невозможно воспринять творчество Солженицына хоть сколько-нибудь адекватно. А воспринять его нам все равно придется. Мы с абсолютной неминуемостью рано или поздно просто обречены на это. И потому ничего не остается, как только медленно вглядываться в эту странную, отталкивающую своей непонятностью фигуру, пытаясь хотя бы отчасти проникнуть в ее тайну.

А реальный Солженицын совсем не похож на наши представления о нем. И то, что иногда со стороны кажется позой, чудачеством — для него так же естественно, как дыхание. Просто он всю свою жизнь подчинил одной-единственной цели — творчеству, понятому как служение Богу. (Когда в 1954 году, умирая от рака, он начал писать и вдруг болезнь отступила, Солженицын внезапно осознал, что будет жив, только пока пишет³...) Ну, *такое* нам уже и вовсе непонятно: как это — служить не своему любимому «я» и не своему же корпоративному «мы», а трансцендентному «Ты»? Нам непонятно, и мы стараемся переосмыслить ситуацию, представить дело так, как будто не Богу он служит, а себе — себя хочет возвеличить. И цитата, вроде бы, подходящая отыскалась. В книге «Бодался телёнок с дубом» писатель говорит о своем служении: «То и веселит меня, то и утверждает, что не я всё задумываю и провожу, что я — только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговорённый рубить её и разгонять⁴».

О, дай мне, Господи, не переломиться при ударах! не выпасть из руки Твоей!» (2, с.344)⁵.

В этом мы поспешили увидеть самозванное мессианство, даже манию величия, и не заметили только одного: именно здесь Солженицын говорит о своей малости и подчиненности Высшей Воле. Ведь тот же самый меч, выпав из Божьей длани, — мгновенно теряет силу. Сам по себе, без помощи свыше, он ничто⁶. Вместе с тем в Нобелевской лекции Солженицына говорится об особом типе художника, ко-

³ «При моей безнадежно-запущенной остро-злокачественной опухоли это было Божье чудо, я никак иначе не понимал. Вся возвращенная мне жизнь с тех пор — не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель» (2, с.11), — убежден писатель.

⁴ Очевидно, что острейший нравственный и социальный критицизм Солженицына осмысливается им как следование экзорцистской традиции. — П.С.

⁵ Здесь и далее при цитировании текстов А.И.Солженицына сохранены все их орфографические и пунктуационные особенности. В частности, писатель настаивает на сохранении буквы «ё» (см.: 11, т.3, с.524-527).

⁶ Не случайно писатель подчеркивает: «<...> когда я боролся один на один с коммунистическим режимом, я понимал, что это не я борюсь, что я — муравей, чтобы такую борьбу выдержать, что я только орудие в чьих-то руках» (9). Не случайно и то, что Солженицын категорически отказывается от приписываемой ему многими «роли пророка» (11, т.3, с.441). Писатель видит цель своего существования не в самом себе, а в том, чтобы быть послушным велению Божию. И тогда «муравей» может оказаться сильнее тоталитарного Левиафана.

торый «мнит себя творцом независимого духовного мира, и взваливает на свои плечи акт творения этого мира, населения его, объемлющей ответственности за него, — но подламывается, ибо нагрузкой такой не способен выдержать смертный гений: как и вообще человек, объявивший себя центром бытия, не сумел создать уравновешенной духовной системы» (11, т.1, с.7-8). Солженицын здесь резко отвергает не только эгоцентрический тип художника, но и антропоцентризм (эгоцентризм, расширившийся до пределов общечеловеческого «мы»), противопоставляя ему иное, теоцентрическое мировидение. Поэтому принципиально иначе оценивается писателем и роль подлинного художника, который «знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога» (там же, с.8), потому что истинный Мастер — лишь Сам Творец, а человек лишь может попытаться исполнить волю Того, Кто его направляет. Отсюда — исключительная гармоничность духовного мира Солженицына⁷. Он отказывается от роли демиурга, творца своего собственного, автономного мира, подчиненного лишь единой направляющей воле художника. Писатель, по Солженицыну, должен осознавать, что «не им этот мир создан, не им управляется, нет сомнения в его основах», а значит, груз непосильной для человека ответственности слагается с его плеч и ему легче «ощутить гармонию мира» (там же). Отсюда — и стремление Солженицына к почти точному художественному воссозданию подлинной жизненной реальности. Если подлинный Мастер — лишь Сам Бог, бессмысленно пытаться создать что-то лучшее, по сравнению с тем, что создал Он. Казалось бы, такое принципиальное самоограничение в сфере вымысла должно было приблизить Солженицына к эстетике натурализма, однако этого не происходит. Художественный мир Солженицына «вертикален», а, следовательно, радикально отличен от сугубо «горизонтального», позитивистского мира писателей-натуралистов. Солженицын воспринимает мир вещей не как единственно существующий, но как лишь одну из частей многообразной и многоликой жизненной реальности, в которой присутствует не только физическое начало, но и метафизическое (сверхфизическое). И воспринимая бытие принципиально шире и глубже, чем это

---

⁷ См. об этом в интервью П.А.Николаева, которое планируется к публикации в журнале «Литературное обозрение» в конце 1998 года.

доступно для позитивистского сознания, он открывает нам радикально иное восприятие жизни, где каждый человек, независимо от того, сознает он это или нет, постоянно находится в ситуации «вертикального» выбора между Богом и дьяволом, по собственной воле увеличивая или уменьшая в своей душе долю добра или долю зла (см.: 13, т.5, с.124). По Солженицыну, даже безбожник иногда ощущает на себе действие сил, не укладывающихся в прокрустово ложе материалистической картины мира. Но это ощутимее для него не в обычной ситуации, а лишь во время тяжелой болезни, когда такой человек оказывается на грани жизни и смерти, бытия и инобытия. И здесь проявляется определенное сходство между трактовкой такого рода явлений у Достоевского и у Солженицына. В романе «Преступление и наказание» Свидригайлов при первой встрече с Раскольниковым рассказывает ему о своем понимании метафизических феноменов — приведений и т. п.: «— Ведь обыкновенно как говорят? <...>: “Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред”. А ведь тут нет строгой логики. Я согласен, что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе как больным, а не то, что их нет, самих по себе». По мнению Свидригайлова, «привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек <...>. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновенней с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» (32, т.6, с.220-221). Эту теорию Свидригайлова принимал и сам Достоевский (достаточно вспомнить кошмар Ивана Федоровича из романа «Братья Карамазовы», когда тому является черт, а затем выясняется, что Иван заболел белой горячкой). Очевидно, принимает такую интерпретацию метафизических феноменов и Солженицын.

Так, в четвертом томе «Красного Колеса» изображено, как Ленин, находясь из-за тяжелейшего приступа в полубредовом состоянии, пытается читать письмо от Парвуса. Затем сама собой зажигается керосиновая лампа и горит — пустая, без керосина. А стоящий в комнате баул помощника Парвуса Скларца, постепенно растет, раз-

дуается: он уже «с большую свинью», и ручка на нем – перекидывается «с одной стороны на другую – хляп!» Баул распирает изнутри, и из него поднимается «в рост, во всю свою тушу», Парвус: «Стоял – натуральный во плоти <...> – и блеклым, внимательным взглядом рассматривал Ленина. Дружелюбно» (5, т.4, с.168, 171-172). Парвус предлагает Ленину обильную материальную помощь от германского правительства для организации революции в России и захвата власти. Но чудеса для тяжело больного Ленина и на этом не кончились. Он ощущал: его кровать «плыла над миром, беременным революцией, ожидавшим разрешения от них двоих <...> – неслась по тёмному кругу, опять. <...>

Он [Парвус. – П.С.] – презирал мир. Тамошний, далеко внизу, под кроватью» (там же, с.171).

Крупнейший современный исследователь творчества Солженицына Жорж Нива весьма убедительно пишет о том, что эта сцена генетически связана с одним из эпизодов Евангелия, в котором диавол, искушая Христа в пустыне, показывает ему «все царства вселенной во мгновение времени» и, предложив их Иисусу, требует лишь одного – поклонения себе [Мф. 4: 8-10; Лк. 4: 5-8] (см.: 60, с.163).

В то же время, по словам Нива, «за спиной Ленина стоит вдвойне диавольская фигура – еврейско-русско-немецкий социалист Парвус <...>, преуспевающий делец, из которого Солженицын делает тайного сатанинского подстрекателя двух русских революций» (там же, с.162), однако роль Парвуса в этих событиях трактуется Солженицыным в соответствии с результатами авторитетного исторического исследования З.Земана и В.Шарлау (см.:35)⁸, которое историк М.Я.Геллер назвал «отличной биографией» этого «гениального революционера-заговорщика» (29, с.84).

Вместе с тем, подчеркивает Нива, «многие комментаторы отметили странность этой сцены [между Лениным и Парвусом. – П.С.], где на первый план выведен безродный еврей, алчный и чудовищный» (60, с.163). По мнению французского исследователя, «конечно, не случайно, что он [Парвус. – П.С.] еврей на все сто процентов (Ленин – только на четверть...)» (там же, с.162). В то же время сам Нива, го-

---

⁸ Немецкое издание этой книги вышло в Кёльне, в 1964 г., а английское – в Лондоне, в 1965.

воря о Солженицыне, замечает: «Его вторая жена [Н.Д. Солженицына – П.С.] – еврейка по матери <...>» (там же, с.46). Какой же смысл имеет в таком случае обвинение писателя в расизме и подсчеты процентов «еврейской крови» у его персонажей? Ошибочность такого понимания солженицынского текста очевидна. Не случайно автор «Красного Колеса» подчеркивал, что антисемитизм, то есть «пристрастное и несправедливое отношение к еврейской нации в целом», вообще невозможен в подлинно художественном произведении, которое всегда «даёт объёмность, реальность, и никогда не делает пустых обобщений, иначе оно не будет художественным» (11, т.3, с.330).

Израильская публицистика Д.М.Штурман, автор самого серьезного на сегодняшний день исследования солженицынской публицистики, замечает: «Солженицын не антисемит, но и не семитофил. Его Воротынцев в «Красном Колесе» говорит, что не считает возможным относиться к евреям плохо только потому, что они евреи, или хорошо – только по той же причине: отношение к человеку должно зависеть от его, этого человека, действительных качеств. Это позиция и самого Солженицына, бесспорная в совокупности им написанного», – подчеркивает исследовательница. И добавляет: «<...> меня такое отношение удовлетворяет – в отличие от семитофилии, столь же беспочвенной и унижительной, сколь и антисемитизм» (82, с.414).

Однако вместе с тем демонизм Парвуса, явившегося Ленину, также несомненен и требует объяснений. Вообще, здесь слишком много странностей.

Ленин пытается осмыслить происходящее: «Всё было – точно, как в прошлый раз, или это и было – прошлый раз?.. – в комнате бернской мещанки? или в комнате цюрихского сапожника? или – ни в какой комнате? Как будто всё это говорилось уже раз, и вот по второму» (5, т.4, с.174).

Очевидно, что, по Солженицыну, реальная встреча Ленина и Парвуса имела место в Берне, в 1915 году, за год до описываемых событий, происходящих в октябре 1916 года в Цюрихе.

Что же и кого же в таком случае видит Ленин? Парвуса? Кажется бы, да, но этот так таинственно возникший человек полностью или частично повторяет уже сказанное им год назад... К тому же все

эти странно-инфернальные черты его образа скорее указывают на... Да вообще — человек ли это?

В 47-50 главах четвертого тома «Красного Колеса» проявляются черты старинного средневекового жанра видения. В русской литературе к этому жанру обращались и А.С.Пушкин [«Бесы»], и Н.В.Гоголь [«Пропавшая грамота»], и А.А.Блок [«Предвечернею порою...»], и Н.С.Гумилев [«Заблудившийся трамвай»] (см.: 73), и Ф.Сологуб [«Рождественский мальчик»], и другие писатели. В видении обязательно присутствует визионер, которому открывается иная, запредельная, метафизическая жизненная реальность, человеку обычно недоступная. Визионером против своей воли оказывается и Ленин, но искушает его отнюдь не еврей Парвус, а принявший его облик диавол, существо, как известно, интернациональное. Отсюда — демонизм облика и поведения этого лже-Парвуса. Парвус — лишь образ-маска, тот, кого на самом деле рядом с Лениным попросту нет.

Зато его *другой*. И именно он «навязывает, вкачивает» в Ленина «свою бегемотскую кровь» (5, т.4, с.192). Конечно же, здесь речь идет отнюдь не о «вкачивании» «еврейской крови» в тело Владимира Ильича, но именно о «бегемотской крови». Крупный, массивный Парвус сравнивается, в частности, и с бегемотом. Но Бегемот, как известно, — одно из имен диавола (см.: 71, с.49-50). Не случайно это имя использовано в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» и, возможно, именно оттуда оно и попало в поле зрения автора «Красного Колеса», который, как подчеркивает Н.Д.Солженицына, ощущает М.А.Булгакова своим «братом» (72).

Вступая в общение с инфернальным псевдо-Парвусом, Ленин оказывается перед тем же выбором, перед которым оказался в пустыне Иисус. Солженицын замечает: «Почти в самом начале евангельской истории Христу предлагаются одно за другим искушения, и Он одно за другим отвергает их. Человечество не может сделать это так быстро и решительно, но Божий замысел, мне кажется, в том, что через многовековое развитие мы сумеем начать сами отказываться от соблазнов» (11, т.3, с.122).

Солженицынский Ленин, этот новый Фауст, один из представителей человечества XX века, находится в ситуации рокового выбора, но, как справедливо отмечает Нива, «из малодушия, из расслабленности подпольщика, боящегося снять маску <...>, отказывается

наполовину от предложения Искусителя» (60, с.163). Разумеется, Солженицын здесь в большой степени использует возможности художественного вымысла. Вместе с тем из текста «Красного Колеса» не вполне ясно, что говорил Ленину Парвус во время их встречи в 1915 году в Берне. Может быть, то же, что и его демонический двойник, а может быть, и не совсем, поскольку все происходящее мы воспринимаем сквозь искажающую призму болезненного ленинского сознания. Видимо, стремясь к максимальной исторической точности⁹, Солженицын специально избегает излишней конкретизации того, о чем история хотя бы отчасти умалчивает. Ему важнее показать скрытые метафизические истоки революции, которая, по словам писателя, «приоткрывает нам <...> и такие глубины бытия, которые сомнительно назвать просто физическими. И которые донныне услеживаются лишь немногими» (11, т.1, с.537). По-модернистски деформированный художественный мир этих глав – это мир не только диавольских искушений, но и inferнальной игры. В финале разговора Ленина и Парвуса тот, потеряв четкие очертания, «уже больше как облако синева-тое», медленно перетекает в окно: «Утянуло всё дымом, не оставив осадком ни Скларца, ни баула. И шляпа опоздавшая сорвалась со стола – и швырнулась вослед». Причем все это удивительно для нас, но не для Ленина. Чудесную необычайность происходящего он если и замечает, то вскользь, не придавая ей значения. Но для читателя болезненное состояние визионера лишь выявляет потаенный, скрытый демонизм его духовного мира, в обычном, здоровом состоянии заслоняемый земными впечатлениями и ощущениями. В таком понимании Ленина к А.И.Солженицыну близок и С.С.Аверинцев: «Нет, не голос неверующего слышим мы у Ленина; это типичный тон рассерженного ханжи, неподдельная интонация святоши ада» (16, с.42), – считает ученый.

---

⁹ Не случайно Дора Штурман отмечает: «<...> каждое существенное высказывание Ленина в Цюрихе строго документально. Мне удалось найти для них всех аналоги в переписке и сочинениях Ленина» (82, с.414), а покойный историк Д.А.Волкогонов подчеркивал: «Огромное значение для понимания феномена Ленина имеют, как бы я их назвал, историко-художественные произведения Солженицына. Великий писатель смог, продолжая великую традицию Достоевского, заглянуть в подвалы сознания людей, “перевернувших Россию”» (28, кн.1, с.23). Показательно и то, что волкогоновская трактовка исторической роли Ленина весьма близка к солженицынской.

Подобно Солженицыну, он видит в Ленине не атеиста (человека, безразлично относящегося к религии и не верящего в Бога), но именно антитеиста, воинствующего богоборца, вольно или невольно типологически близкого к сатанизму. Но, по Солженицыну, в обычной жизни это явно не проявляется, inferнальные бездны его души скрыты, и только приступ тяжелой болезни приоткрывает нам подлинную духовную суть происходящего.

Цель Ленина в России — свержение монархии, революция, уничтожение «буржуазных» свобод, и, в конечном счете, установление тоталитаризма, который Владимир Ильич называет «демократией». Откуда взялась эта подмена? Здесь ощутимо влияние мощной традиции российского революционно-«демократического» движения, которое, уповая главным образом на радостно ожидаемую крестьянскую революцию, на то, что «только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора»¹⁰, считало себя в то же время «демократическим». Но на каком основании? Разве оно, стремясь навязать населению России «светлое будущее» в том виде, как это движение его понимало, выполняло волю народа? Ничего подобного! Население России в те времена более чем на 80% состояло из крестьян, настроенных однозначно монархически. Это может нравиться или не нравиться — относиться к тогдашнему строю можно по-разному, но факт остается фактом: монархия в России вплоть до момента отречения Николая II была в каком-то смысле демократичной, поддерживаемой подавляющим большинством населения страны. Республиканско-демократическая форма правления основной массой народа в то время отвергалась. Но революционных «демократов» такое положение дел не устраивало: они хотели во что бы то ни стало навязать России свои, в тогдашней ситуации, несомненно, утопические планы преобразования действительности. Не удивительно, что некоторые из этих планов оказались ярко выражены тоталитарными: сам принцип навязывания населению страны того, чего оно в настоящее время не хочет, глубочайшим образом антидемократичен. Парадокс исторического периода со второй половины XIX века и до 1917 года состоит в том, что все без исключения российское революционно-«демократическое» движение было, по

---

¹⁰ Эти слова из герценовского «Колокола» /1860/ Солженицын взял в качестве эпиграфа к первым восьми томам «Красного Колеса» (5, т.1, с.5).

сути, глубоко антидемократично, а ненавидимая ими «недемократическая» монархия, опиравшаяся на поддержку большинства населения, для тогдашней, по преимуществу крестьянской России была самой демократичной формой правления. (Это осознал Пушкин, сделавший основой сюжета «Бориса Годунова» мотив общенародного признания легитимности власти царя.) Солженицын это понял в процессе работы над «Красным Колесом», как понял и то, что революция в России была одна – Февральская. Ни попытку вооруженного восстания в 1905 году, ни Октябрьский переворот 1917 года революциями, по словам писателя, назвать нельзя (см.: 11, т.1, с.494-495; т.3, с.321-322). А февральские события осмысливаются им довольно-таки неожиданно – как революция сверху¹¹...

2 марта 1917 года (по старому стилю) группа думцев во главе с А.И.Гучковым добивается у Николая II отречения от престола. Император отрекается и за себя, и за сына. На следующий день отрекается и брат царя, Михаил Александрович. Оба могли этого не делать. Николая II убедили в том, что его отречение в пользу брата избавит Петроград, в котором взбунтовались запасные батальоны, от кровопролития, а Михаила – в том, что, отрекшись от престола, он якобы исполнит волю народа (а на самом деле – волю прореволюционно настроенной интеллигенции). И оба (абсолютно безответственно и бездумно) согласились. В результате – в течение буквально нескольких дней Россия погружается в пучину почти тотальной анархии. Исчезновение Удерживающего (вне зависимости от его индивидуальных качеств) оказывается губительным для тогдашнего российского социума. Солдаты перестают подчиняться кому бы то ни было. Грабежи и убийства постепенно становятся обычной повседневной и повсеместной реальностью. И только тогда возникают благоприятные условия для Октябрьского переворота, который оказывается не новой революцией, а лишь естественным продолжением февральских событий.

Такова (в самых общих чертах) солженицынская концепция истории России этого периода. Она подтверждается не только многочисленными историческими документами и материалами, использованными писателем в его эпопее «Красное Колесо» (Солженицын опи-

---

¹¹ Термин Н.Я.Эйдельмана.

сывает события Февральской революции буквально по часам, а иногда и по минутам: такого подробного воссоздания этого события нет на сегодняшний день ни в одном историческом труде), но и изысканиями немецкого историка, которого, как свидетельствует С.П.Залыгин, в течение шести лет пытался найти ошибки в этом произведении и не нашел ни одной (см.: 34)¹². Показательно в этом отношении и свидетельство И.А.Бунина. В его сценке «Брань» (авторская датировка — лето 1917 года) изображены два крестьянина — богатый и бедный. Они яростно спорят, очень недовольны друг другом, но в одном сходятся: «Наша держава все равно пропала!», потому что «прежде великому Богу присягали да великому Государю, а теперь кому? Ваньке?» (23, с.282). Этот Ванька, воплощающий тот образ Временного правительства, который сложился в простонародном крестьянском сознании, несомненно, самозванец и в то же время дурак: «У него в голове мухи кипят» (там же). Республиканское правление воспринимается русским крестьянством как неподлинное, не имеющее права на существование. Плохо это или хорошо, но таково «мнение народное», с которым необходимо было считаться не только Годунову и Самозванцу, но и никем не избранному псевдодемократическому Временному правительству.

При этом, описывая революционные события в России, Солженицын не идеализирует и простой народ. В нем немало дикого и жестокого, но вместе с тем есть та простота, естественность и сердечность, которые во многом искупают его отрицательные качества. Однако ситуация почти тотальной анархии ввергает страну во власть бессмысленной и беспощадной народной стихии. И неудивительно, что необразованное крестьянство — а за ним и вся страна — вскоре становятся жертвами ловкой демагогии большевиков.

Можно ли Солженицына назвать монархистом, как это делают некоторые? В его оценке дореволюционной ситуации — отчасти да. Но это отнюдь не тот подлинный, догматический монархизм, который предполагает безоговорочное предпочтение этой формы прав-

---

¹² Н.А.Струве, говоря о «Красном Колесе», также подчеркивал: «<...> ни на одной фактической ошибке Солженицына не поймали, сколько ни пробовали ловить <...>» (74, с.297).

ления любой другой¹³. «Монархизм» Солженицына (если в данном случае вообще правомерно употребление этого термина) можно называть ситуативным и в основе своей, как ни странно это звучит, – демократическим. Писатель предпочитает не мнимо «идеальную» абстракцию (демократию вообще, монархию вообще), но ту форму правления, которая является лучшей в данное время и в данном месте. Солженицын призывает не к поклонению идеализированным схемам, а к трезвой и непредвзятой оценке конкретной исторической ситуации. И если для дореволюционной России самой демократичной формой правления, по Солженицыну, была монархия, то, говоря о нашем времени, писатель однозначно высказывается за демократию¹⁴, категорически отрицая самую идею восстановления российской монархии (опять-таки на том основании, что в современном обществе этот строй не может быть подлинно демократичным). Такая по-своему очень последовательная и в то же время принципиально адогматическая точка зрения вызывала и вызывает раздражение среди представителей самых разных идеологических направлений. Так, с точки зрения догматиков-демократов, республиканское правление абсолютно всегда и во всех случаях лучше для *любого* государства и в *любую* эпоху, а если эта форма власти оказывается для данной конкретной страны губительной, тем хуже для этой «рабской» страны. Не меньшее недовольство высказывают и догматики-монархисты. По их мнению, Солженицын, резко отрицающий самую идею восстановления монархии и современной России, по сути, вообще не монархист (впрочем, последнее верно).

Писатель не случайно подчеркивал, что в области художественной формы он не стремится ни к обязательному поиску «чего-либо нового», ни к столь же обязательному «традиционалистскому» отказу от этого: «<...> я только каждый раз думаю, как эту задачу решить лучше всего, как наиболее рельефно подать читателю этот

---

¹³ Кстати, книга покойного П.Г.Паламарчука «Александр Солженицын: Путеводитель» в общем и целом написана именно с таких, догматически-монархистских позиций. Не удивительно, что ее автор выражает резкое несогласие с Солженицыным, когда заходит речь о роли в предреволюционных событиях императора Николая II, слабость и нерешительность которого писатель осуждает (см.: 65, с.334).

¹⁴ «<...> по всему потоку современности мы изберём несомненно демократию» (11, т.1, с.571), – убежден Солженицын.

материал» (11, т.1, с.325). Точно так же, последовательно адогматически Солженицын подходит и к проблеме соотношения прошлого, настоящего и будущего. Многочисленные идейные противники писателя неоднократно приписывали ему стремление повернуть время вспять, «вернуться» то ли в дореволюционную эпоху, то ли вообще в XVI век (см.: 48), однако Солженицын никогда не призывал ни к чему подобному. Наоборот, изучая историю и стремясь побудить к этому других, он предостерегает как от легкомысленного забвения опыта прошлого (тогда мы будем обречены повторить все ошибки наших предшественников), так и от антиисторических попыток реставрации какой-либо полюбившейся нам эпохи: «<...> ничто в России не может вернуться к дореволюционному бытию» (12, с.184), — подчеркивает писатель. Вместе с тем здоровое и естественное движение вперед невозможно, по Солженицыну, без опоры на лучшее в национальной традиции каждого народа, каждой страны, иначе говоря, новое обязательно должно содержать в себе и преобразованные элементы старого. Таким образом, писатель не соглашается ни с догматизмом радикалов-новаторов, ни с противоположно направленным догматизмом ретроградов, а им это, конечно же, не нравится.

* * *

Адогматизм присущ не только политическому мышлению писателя, но и всему его мировосприятию. Причем адогматично оно не из-за внутреннего убеждения Солженицына в обязательной необходимости именно такого подхода к действительности, но по одной-единственной и очень простой причине. Дело в том, что писатель видит истину в самом бытии, а не в каком-либо человеческом мнении о нем. Даже и собственное мнение Солженицына ни в коем случае не может в его глазах претендовать на полную и окончательную истинность. Не случайно писатель как раз поэтому не любит публицистику: «<...> политическая публицистика отличается от художественного произведения тем, что автор <...> должен принять, выбрать определённую точку зрения <...> и его изложение <...> становится однолинейным. А художественное произведение даёт всегда объёмное представление, даёт не только три измерения, но десятки направлений» (11, т.3, с.285). Публицистикой, говорит Солженицын, «я <...> занимаюсь поневоле, <...> в моей публицистике и в моих интервью

я не могу выразить и одной сотой части того, что есть в моих книгах» (там же, с.135-136).

Иначе говоря, характерное для публицистики прямое и однозначное выражение авторской точки зрения не может адекватно отобразить всю полноту и сложность бытия. Солженицыну обязательно нужны иные точки зрения, иные восприятия действительности, резко отличные от его собственного. Не удивительно поэтому, что писатель в своих крупных эпических произведениях, в частности в эпопее «Красное Колесо», обращается к полифонической композиции, воссоздающей калейдоскопическую многомерность изображаемого.

Солженицынскую полифонию можно назвать *полифонией индивидуальных восприятий*. В ее основе – своего рода деконструкция единого образа автора. Обычно в художественном тексте образ автора един и не меняется в процессе повествования, хотя в разных произведениях одного и того же писателя он может быть различен (см.: 70, с.51-52).

Уже в «Одном дне Ивана Денисовича» А.И.Солженицын, во многом развивая традиции А.П.Чехова, максимально сближает образ автора и главного героя, описывая Шухова извне, но с его же точки зрения (подробнее см.: 26). Образ автора, относящийся к сфере изображаемого, созданного (см.: 18, с.405), при этом резко отделяется от реального автора (самого Солженицына) и становится рупором точки зрения персонажа, его сознания, его индивидуального мировосприятия.

Этот же прием использован Солженицыным и в «Красном Колесе», но здесь единый образ автора отсутствует, распавшись на множество не зависимых друг от друга образов автора, выражающих точки зрения различных персонажей эпопеи¹⁵. В то же время единый образ автора подвергается своего рода деконструкции, которая, однако, далеко не тождественна постмодернистской деконструкции. К тому же Солженицын весьма далек как от концепции «смерти автора», так и от тотального релятивистского обесмысливания бытия,

---

¹⁵ Полифоническая композиционная структура «Красного Колеса» исключительно сложна, поэтому более подробный ее анализ дан в разделе «Новый вид полифонии («Красное Колесо»)».

характерного для постмодернизма. Не случайна и резкая критика последнего (см.: 11, т.3, с.387-388). Однако, при глубочайшем различии между автором «Красного Колеса» и постмодернистами, очевидна и их некоторая типологическая близость в сфере поэтики. Деконструкция единого образа автора, частое использование монтажного стыка, коллажа и ряда других приемов, конечно, не превращают Солженицына в «постмодерниста», но еще раз демонстрируют, что в конце XX века некоторые идеи носятся в воздухе, и вместе с тем окончательно развеивают легенду о писателе-«архаисте» (это с таким-то арсеналом художественных средств?!).

Солженицын подчеркивает: «У меня нет главного героя. <...> для меня главный герой тот, кому посвящена данная глава, и я должен строить всю главу полностью в его психологии, и стараюсь передать его правоту. Больше того, я свой язык – не прямую речь, а свой авторский язык – строю так, чтобы он был верным фоном именно к этому герою, именно в этой главе. <...> у меня столько точек зрения в романе, сколько героев» (там же, с.286). Таким образом, индивидуальные миры персонажей осмысливаются как «авторские», приобретая на страницах «Красного Колеса» равноправие с голосом самого Солженицына, причем решение вопроса о степени истинности или неистинности того или иного личного мнения или восприятия представлено читателю, в глазах которого мнение, номинально исходящее от самого Солженицына, может быть, и весьма убедительно, оспорено персонажем. Так, Л.В.Лосев подчеркивает: «Автор [его голос звучит главным образом во вставных, историко-публицистических главах «Красного Колеса». – П.С.] <...> не обладает в глазах читателя авторитетом большим, чем, скажем, другой персонаж – Варсонофьев» (51, с.310)¹⁶. Художественный мир «Красного Колеса» глубоко плюралистичен: потенциальным правом на обладание истиной здесь наделяются все. Но вместе с тем это не приводит к релятивизации истины, поскольку, как уже говорилось выше, истина, по Солженицыну, находится в самом бытии, а не в каком-либо человеческом мнении о нем. «А истина, а правда во всем мировом течении одна – Божья», – под-

---

¹⁶ Кстати, Павел Иванович Варсонофьев – отнюдь не вымышленный персонаж: его очевидным прототипом является выдающийся русский философ, правовед и социолог Павел Иванович Новгородцев.

черкивает писатель. Поэтому и «многообразие мнений» имеет смысл, только если это помогает «приблизиться» к ней (11, т.1, с.408). Более того, для Солженицына, как для христианина, очевидно: Высшая Истина – это Сам Бог (Ин. 14:6), поэтому не случайно и Его незримое присутствие на страницах эпопеи (см.: ниже, в разделе «Онтологическая символика»). Но человеку доступно обладание лишь маленькими крупинками истины, ее осколками. Однако и сами эти осколки бесценны, а искать их следует везде и у каждого, не ограничивая себя ни предвзятыми установками, ни заранее определенными рамками. Так Солженицын и поступает, и сложнейшая полифоническая художественная система «Красного Колеса» демонстрирует возможности подлинного плюрализма, являющегося для писателя не самоцелью, а лишь средством познания, приближающим нас, если мы этого захотим, – к истине, то есть в какой-то мере и к Богу.

«Но разве сам Солженицын – плюралист? – возразят некоторые. – Ведь давно известно, что в статье «Наши плюралисты» он резко критикует как раз тех, кто выступает за плюрализм!»

Когда идет речь об этом писателе, кажется, нет конца недоумениям и легендам. Чего только ему ни приписывают... Вот и в связи с плюрализмом...

Статья «Наши плюралисты» /1982/ посвящена отнюдь не вопросу о плюрализме, а лишь тем людям, которые, называя себя плюралистами, грубо искажают русскую историю с позиций воинствующего западничества, изображая Россию страной мерзких, гнусных и опасных для всего цивилизованного человечества рабов. Причем именно такая интерпретация осмысливалась «нашими плюралистами» как е д и н с т в е н н о в е р н а я. Солженицын писал об этом: «<...> наши “плюралисты” сперва хотят обстрогать всех в эту единую колодку (так это уже – монизм?) – а внутри неё разрешить – мыслящим личностям? – “плюрализм”» (11, т.1, с.407). Вместе с тем писатель подчеркивает: «Во всей статье я не имею ничего против плюрализма как такового» (там же, т.3, с.317). Это произведение, по словам Солженицына, направлено именно против «*наших* плюралистов» (там же, с.318)¹⁷, в сущности воинствующих монистов, прикрывающихся модным термином. Поэтому абсолютно права Дора Штурман, считающая, что

---

¹⁷ В оригинале это словосочетание взято в кавычки. – П.С.

слово «плюралисты» используется в этой статье лишь в сугубо ироническом осмыслении, позволяющем «все время слышать вокруг этого определения не поставленные автором кавычки» (82, с.395)¹⁸. Солженицын убежден: «<...> если плюрализм – то уж для всех, и никаких границ; иначе надо искать другое слово» (11, т.3, с.318). Вместе с тем «на Западе, – замечает писатель, – есть такая уверенность, что западные ценности есть общечеловеческие ценности. На самом деле, в мире существует интегральный плюрализм, он включает плюрализм многих миров. Среди таких миров можно назвать Россию, Китай, Индию, Японию, мусульманский мир, Африку, Латинскую Америку, и ещё не все. Так вот, у каждого этого мира есть своя традиция, свой многовековой уклад, своя система мироощущения и взглядов, и надо с уважением признавать этот интегральный плюрализм» (там же, с.448). В сущности, в этом вопросе Солженицыну близки идеи мультикультурализма.

Что же касается России, то для нее важно не слепо и бездумно «перенять всё с Запада», но «правильно синтезировать западный опыт со своим национальным» (там же). Писателю одинаково чужды крайности как воинствующего западничества, так и фундаменталистского антизападного изоляционизма. Показательно, например, и то, что, говоря о желательности возрождения традиций земства, существовавшего в России «много веков», Солженицын опирается, в частности, и на опыт Швейцарии (см.: Там же, т.2, с.112), а также США, где, по его словам, «80-85% всех вопросов решаются на месте местными людьми, местным самоуправлением, не ожидая никаких указаний из Вашингтона» (10, с.163). В мировоззрении писателя естественно и неантагонистически сочетаются глубочайший патриотизм (при резком отвержении любых форм шовинизма и национальной гордыни) и... космополитизм.

Солженицын – космополит? Звучит странно, однако это именно так. Будучи противником интернационализма, осознаваемого как пребывание *между*¹⁹ нациями, вне их, как безнациональное бытие²⁰,

---

¹⁸ Точнее, кавычки есть, но не везде. – П.С.

¹⁹ Inter – между (лат.).

²⁰ Не случайно создатели идеологии пролетарского интернационализма К.Маркс и Ф.Энгельс в ответ на обвинения в том, что коммунисты «хотят отменить

писатель является безусловным сторонником космополитизма, который, в его понимании, «объединяет, впитывает в себя все национальные культуры» (11, т.3, с.302).

Очевидно, что солженицынская интерпретация терминов «интернационализм» и «космополитизм» резко отличается от позднесоветской; в то же время писатель здесь весьма близок к выдающемуся русскому философу И.А.Ильину, который писал: «*Интернационализм* отрицает родину и национальную культуру <...>. Интернационалист, будучи духовно *никем*, желает сразу стать «всечеловеком»; и это не удастся ему, ибо всечеловечество есть *духовное* состояние, которое может быть доступно только духовно и национально самоутвердившемуся человеку» (37, т.1, с.209-210). Философ подчеркивал: «<...> только тот может нелицемерно говорить о «братстве народов», кто сумел найти *свою* родину, усвоить ее дух и слить с нею свою судьбу» (там же, т.4, с.255-256). При этом, по словам Ильина, «совершенно неверным» будет мнение о том, что «гражданин вселенной» не может быть *патриотом*; наоборот, «основа нормального правосознания делает человека <...> «гражданином вселенной»». Но «гражданин вселенной» это и есть космополит.

Отчасти следуя за Ильиным, Солженицын отождествляет понятие «космополитизм» с введенным Достоевским понятием «всечеловечество», подчеркивая, что с равным уважением следует относиться не только к различным культурам Европы, но и «к индийской, китайской, японской, русской, каких-нибудь маленьких северных народов заполярных и каких-нибудь Полинезийских островов. <...> если мы с уважением отнесёмся к ним ко всем, это и будет космополитизм» (11, т.3, с.302). Очевидно, что космополитизм в таком осмыслении также весьма близок к мультикультурализму. И тогда снимается пушкинская оппозиция «космополит – патриот» («Евгений Онегин») и оказывается, что космополитом можно и должно быть, оставаясь в то же время и патриотом. Солженицын гармонично и непротиворечиво «вкладывает» одно понятие в другое, и здесь мы подходим к одной из важнейших проблем романа «В круге первом», герой которого, Инно-

---

Продолжение сноски со стр. 24

отечество, национальность», отвечали: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» (55, с.52).

кентий Володин, рисует на песке два круга, один в другом. Меньший круг — отечество; больший — человечество. И само название солженицынского романа в свете этого приобретает, помимо очевидного дантовско-ГУЛаговского, еще и иной смысл: в отечестве, в России (см.: 57, с.33). Проблема соотношения общего и частного — личности и общества, патриотизма и космополитизма — решается Солженицыным на путях добровольного самоограничения при необходимом сохранении равновесия целого. Именно поэтому писатель отвергает как индивидуализм (см. ниже, в разделе «Рассказы 1990-х годов («Эго», «На краях», «Абрикосовое варенье»)), так и коллективизм. Последний, по словам Солженицына, противоречит национальным характерам всех народов Земли, «он противоположен вообще человечеству <...>» (11, т.3, с.31). Вместо этих двух крайностей, каждая из которых основана на отчуждении (в гегелевском смысле) между личностью и обществом, писатель предлагает принципиально иное решение.

Возьмем в качестве примера «общедоступные» произведения Солженицына. Его Матрёна, даже в условиях коллективистского равнодушия общества к каждой конкретной личности, продолжает самозабвенно, подвижнически служить другим, но при этом ее неповторимая человеческая индивидуальность нисколько не стирается. Матрёна ни в малейшей степени не становится обезличенной частью коллективного целого. То же можно сказать и об Иване Денисовиче, несмотря на все усилия лагерных властей превратить его в послушный «винтик» тоталитарной машины под номером «Щ-854» (таково первоначальное авторское название «Одного дня Ивана Денисовича»). Очевидно, что ни Матрёну, ни Шухова нельзя назвать коллективистами или индивидуалистами. Их жизнь, в которой просто и естественно сочетается личное и общественное, соотносена с тысячелетней сокровищницей народного опыта и именно потому наполнена такой глубиной (при наружной непритязательности) и такой сложностью (при внешней простоте).

Для Солженицына принципиально важно показать, что не только интеллигенция, но и крестьянство являются двумя важнейшими слоями общества. Эту мысль, несомненно, разделяемую и самим писателем, высказывает в романе «В круге первом» Авенир, тверской дядюшка Иннокентия Володина. И объясняет — почему: «Крестьяне с землей, с природой общаются, оттуда нравственное берут.

Интеллигенты – с высшей работой мысли» (13, т.2, с.79). Не случайно, конечно, и «хождение» Глеба Нержина «в народ», приобщение человека интеллектуальной элиты к жизненному опыту простого дворника Спиридона. Не случайно, наконец, и то, что сам Солженицын, чьи родители были выходцами из крестьянских семей, естественно и непротиворечиво сочетает в своей человеческой и художественной индивидуальности черты как простонародно-крестьянские, так и интеллигентские. И в том не недостаток его, как думают многие постсоветские снобы, а несомненное преимущество, сила и глубина.

* * *

Что же в конечном счете можно сказать сегодня о феномене Солженицына? Он бесконечно многообразен, неисчерпаемо глубок и, при внешней простоте, исключительно сложен. Так что разбираться, изучать – не хватит жизней и нескольких поколений исследователей.

Один из героев «Красного Колеса», философ Варсонофьев, размышляет о ходе истории, который, вопреки скоропалительным идеям и действиям политиков, «непостижим нашим умам»: «Время, в котором мы живём, имеет бездонную глубину. Современность только плёнка на времени» (5, т.4, с.548-549).

Нечто подобное представляет из себя и феномен Солженицына. Легко доступна лишь внешняя сторона его творчества, провоцирующая поверхностно-сиюминутное восприятие произведений писателя. Совсем иное – на глубине. И только проникнув взглядом туда, можно постепенно осознать подлинный масштаб этого явления, так что потом остается лишь удивляться: да как же мы, современники, могли не замечать всего этого богатства?

Могли.

Пришло время серьезнейшей переоценки и переосмысления всего творческого наследия Солженицына. И если мы не сделаем этого сейчас – следующие поколения будут говорить о нас с презрением.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА

Хорошо известно стремление А.И.Солженицына к документально точному художественному воссозданию подлинной жизненной реальности. Разумеется, нельзя сказать, что писатель полностью отказывается в своем творчестве от художественного вымысла, но все же тенденция очевидна. В то же время попытки объяснения этой важной особенности творческого метода писателя часто недостаточно убедительны. Так, например, В.И.Кулешов обнаружил в произведениях Солженицына «бескомпромиссный натурализм», тот «черствый хлеб истины», который «приемлет перестраивающееся общество» и который может в дальнейшем «подготовить почву для нового расцвета художественной литературы» (46, с.541; см. также с.13). Однако, как известно, мировоззренческой основой натурализма является позитивизм (см.: 17, с.237), иначе говоря, натуралистическая типизация неизбежно связана с созданием сугубо «горизонтальной», внетафизической картины мира, что резко противоречит художественной практике Солженицына.

Стремление писателя к достоверному воссозданию подлинной жизненной реальности порождено не отсутствием у него, как полагал В.Е.Максимов, «достаточно объемного воображения» (53), но принципиальным самоограничением в сфере вымысла. При этом сама эта реальность воспринимается Солженицыным онтологически, а выявление в ней скрытых символических значений позволяет осознать их как выражение высшей сверхсубъективной точки зрения – точки зрения Бога и хотя бы отчасти приблизиться к постижению Его замысла о мире.

Так, например, в рассказе «Матрёнин двор» /1959/ одна из женщин, глядя на обезображенное тело погибшей при переезде через железную дорогу Матрёны (у нее не осталось «ни ног, ни половины туловища, ни левой руки»), замечает: « – Ручку-то правую оставил ей Господь. Там будет Богу молиться...» (13, т.3, с.152). При этом в комментарии, написанном женой писателя Н.Д.Солженицыной, подчеркивается: «Жизнь Матрёны Захаровой и смерть её воспроизведены как были» (там же, с.317), – иначе говоря, религиозно-символическому осмыслению здесь подвергается не вымышленный факт, но подлинное жизненное событие.

Мотив правой руки возникает и в солженицынском рассказе «Правая кисть» /1960/, финал которого перекликается с повестью Б.А.Пильняка «Красное дерево» /1929/, где невооруженные после революции красноармейцы обсуждают разные способы рубить саблей:

« – А как ты рубишь? – ты как большой палец держишь при рубке, согнув или прямо? <...>

– Неправильно ты рубаешь! – крикнул Пожаров. – Я саблю при рубке держу не так, я режу, как бритвой. Дай покажу! – Неправильно ты рубаешь!» (66, с.388).

Этот эпизод как бы «продолжает» сцена из рассказа «Правая кисть», в которой больной раком рассказчик встречает страдающего от водянки бывшего красноармейца, чья правая рука, ослабев от болезни, не в силах даже достать из бумажника справку о том, что ее владелец «в губернском Отряде Особого Назначения <...> своей рукой много порубал оставшихся гадов» (13, т.3, с.192). И рассказчик, глядя на «его правую кисть – такую маленькую, со вздувшимися бурыми венами, с кругло-опухшими суставами», вспоминает «эту моду – как пешего рубили с коня наотмашь, наискосок.

Странно... На полном размахе руки доворачивала саблю и сносила голову, шею, часть плеча эта правая кисть. А сейчас не могла удержать – бумажника... <...>

Ветеран глубоко ушёл в скамью. <...>. Круглый раздутый живот неправдоподобно лежал в сгибе на бёдрах» (там же, с.193).

По смыслу эта сцена близка к главному, по словам Солженицына (см.: 2, с.44), эпизоду его рассказа «Один день Ивана Денисовича» /1959/, в котором бригадир Тюрин рассказывает о том, как устал, что преследовавшие его в 1930 году, как сына кулака, комполка

и комиссар — оба «расстреляны в тридцать седьмом». Перекрестился тогда Тюрин и сказал: «Всё же ты есть, Создатель, на небе. Долго терпишь, да больно бьёшь» (13, т.3, с.61-62).

В то же время вышеприведенный фрагмент рассказа «Правая кисть» воспринимается читателем как своего рода *ответ* Пильняку, но важно при этом учитывать, что, несмотря на очевидный интерес, проявляемый Солженицыным в середине 1990-х годов к творчеству этого писателя, — о чем свидетельствует и очерк из «Литературной коллекции», в котором автор рассказа «Правая кисть» подвергает литературно-критическому разбору роман Пильняка «Голый год» (3), — Солженицын «Красного дерева» вообще не читал. Об этом говорится в его письме к автору данной работы от 3 декабря 1997 г.: «“Красное дерево” многие годы искал — не найти было, теперь имею, — а читать некогда».

Н.Д.Солженицына в комментарии к рассказу «Правая кисть» подчеркивает, что речь здесь идет «об истинном случае» (13, т.3, с.317), иначе говоря, перед нами не собственно литературный ответ Солженицына Пильняку, но принципиально иная ситуация. Повествование в рассказе «Правая кисть» организовано таким образом, что оказывается: Пильняку отвечает не Солженицын и даже не рассказчик. Ему отвечает Бог, причем независимо от воли автора рассказа. Это происходит потому, что художественная система Солженицына, как правило, предполагает теснейшую связь изображаемого с подлинной жизненной реальностью, в которой он стремится увидеть то, чего не замечают другие — действие Промысла в человеческом бытии. Писатель убежден в присутствии Бога «в каждой человеческой жизни <...> и в жизни целых народов» (11, т.2, с.503). По словам Солженицына, мы когда-нибудь поймем и Божий «замысел о Семнадцатом годе» (там же). События этого времени посвящена десятитомная эпопея писателя «Красное Колесо». В этом произведении также чрезвычайно важна документально-онтологическая символика. Например, если продолжить рассмотрение символического осмысления мотива руки у Солженицына, необходимо вспомнить исторически точно воссозданный эпизод убийства П.А.Столыпина террористом М.Г.Богровым (см.: 75, с.174, 191. 200). Одна из двух выпущенных убийцей пуль пробила Столыпину правую руку, вторая, как потом выяснилось, раздробила печень. Увидев у барьера ложи (действие происходит в киевском

оперном театре) Николая II, Столыпин захотел его перекрестить, «но правая рука не взялась, отказалась подняться <...>».

Что же будет с Россией?..

Тогда Столыпин поднял левую руку – и ею, мерно, истово, не торопясь, перекрестил Государя» (5, т.2, с.247).

Очевидно, что это крестное знамение, совершаемой *левой* рукой, глубоко символично. Столыпин хочет благословить Государя, думая при этом не столько о нем, сколько обо всей России. Однако вынужденная замена правой руки на левую радикально меняет символический смысл этого действия. Так, Б.А.Успенский подчеркивает, что «антиповедение, т.е. обратное, опрокинутое поведение <...> может обуславливать мену правого и левого», а также «выражаться в том, что те или иные ритуальные действия совершаются левой рукой» (77, с.320). Можно сказать, что Столыпин, действие которого обусловлено ситуацией, невольно совершает акт окказионального антиповедения (см.: Там же, с.328), а его благословение оказывается по сути антиблагословением.

По Солженицыну, именно Столыпин, с его деятельностью, направленной на создание в России обширного среднего класса, подготавливал возможность плавного эволюционного перехода от монархии к демократии, и поэтому его убийство, да еще при таком слабом, нерешительном и неадекватно воспринимающем происходящее в стране царе, как Николай II, оказывается поистине роковым.

Умиравший Столыпин думает: «И не без Божьей же воли нам послан в т а к и е годы – т а к о й Государь...

Не нам Твой замысел весить» (5, т.2, с.30).

В то же время в невольном (но мистически значимом) акте столыпинского антиблагословения также проявляется действие Промысла. Это становится очевидным, если сопоставить вышеприведенный текст с описанием сна другого персонажа «Красного Колеса», философа и визионера Павла Ивановича Варсонофьева. Варсонофьев видит себя на бирже, а «мимо него входит в зал – мальчик с дивно светящимся лицом, и словно он хочет объявить всем необыкновенную новость. <...> и вдруг в едином жарко-ледяном дыхании, дыблящем волосы, охватывающем весь зал (всех тут!), Варсонофьев понимает, что этот мальчик – Христос, а в руках у него бомба! – ужасного

взрыва для целого мира — и сейчас, через секунду она взорвётся!» (там же, т.8, с.573). И просыпается.

Революция оказывается не только «горизонтальным» феноменом но, и прежде всего, — «вертикальным». А то, что действие в сне Варсонофьева происходит на бирже, по всей видимости, указывает на связь с евангельским эпизодом, в котором Христос изгоняет торговцев из храма. Взрыв (революция) оказывается Божьей карой. В статье «Размышления над Февральской революцией» /1980-1983/ Солженицын подчеркивал: «Это должно было грянуть над всем обезбожившим человечеством. Это имело всепланетный смысл, если не космический» (11, т.1, с.502). А в статье «Черты двух революций» /1984/ писатель отметил: «Приоткрывает нам большая революция и такие глубины бытия, которые сомнительно назвать просто физическими. И которые донныне услеживаются лишь немногими» (там же, с.537).

Глубинный смысл исторической реальности, художественно воссозданной в эпопее «Красное Колесо», — сверхисторический и надполитический. Истинная содержательная сущность этого произведения — изображение онтологической катастрофы, во время которой сложнейшее переплетение разнонаправленных воли и намерений огромного числа людей сочетается с действием Промысла, проявляющимся через мнимо случайные события и символически значимые детали.

Так, например, солдаты во время заседания Совета Рабочих и Солдатских Депутатов слышат такие слова оратора: «— Товарищи солдаты! <...> Враги революции готовят нам ужасное кровопролитие, а мы не видим ваших стройных революционных рядов» (5, т.6, с.134). И вот их реакция (в форме несобственно-прямой речи): «Лево-русионных... И чтой эт' они все на левую руку больше налегают?» (там же).

Это комическое, оксюморонное соединение революционной интеллигентской риторики с наивной народной этимологией символически многозначно. Здесь на языковом уровне сталкиваются две культуры, каждая из которых не способна понять другую. Однако при этом наивно-простонародное истолкование семантического значения слова «революционный» оказывается по-своему верным и даже интеллектуально глубоким.

Во вставной, «обзорной» главе «Красного Колеса», прямо выражающей точку зрения автора, Солженицын указывает на важ-

ную особенность «демократического либерализма на Земле» — своего рода равнение «налево», приводящее, в конечном счете, к капитуляции перед леворадикальными движениями: «Всегда левы их симпатии, налево способны переступить ноги, клеву клонятся головы слушать суждения — но позорно им раздаться вправо или принять хотя бы слово справа».

Если бы кадетский (и всемирный) либерализм имел бы оба уха и оба глаза развитых одинаково, а идти способен бы был по собственной твёрдой линии — он избежал бы своего бесславного поражения, своей жалкой судьбы (и, может быть, с крайнего лева не припечатали бы его «гнилым»).

Труднее всего, — отмечает писатель, — прочерчивать *среднюю* линию общественного развития <...>. Средняя линия требует самого большого самообладания, самого твёрдого мужества, самого расчётливого терпения, самого точного знания» (там же, т.3, с.73-74).

«Леворуционная» революция осмысливается, таким образом, как конечный результат этого одностороннего восприятия действительности. На метафорическом уровне — лишь левым глазом и левым ухом. Но это приводит, в свою очередь, и к столь же односторонним «левым» действиям: метафорически — лишь левой рукой, «лево-руционно».

Однако мотив «лево-руционной» революции имеет, кроме политического, еще и онтологический смысл. Скрытое провиденциальное значение невольного столыпинского антиблагословения левой рукой, имевшего место в подлинной жизненной реальности, состоит в том, что на смену относительно нормальному миру приходит своего рода антимир, где правое заменено левым и наоборот. «Леворуция» оказывается (на метафорическом уровне) торжеством «левшей» — апофеозом антиповедения.

Один из персонажей «Красного Колеса», молодой офицер Ярослав Харитонов, видя в первые недели Февральской революции черты почти повсеместного общественного разложения и анархии, думает: «И — что же нужно было делать? Над их вагоном, над их поездом, над всеми железными дорогами, надо всей Россией была как будто кем-то прочтена разрешительная противомолитва — не от грехов, но ко грехам, отпущенье делать худое и запрет защищаться» (там же, т.8, с.238). Таким образом, в новом «лево-руционном» антимире

именно антиповедение постепенно начинает восприниматься в качестве жизненной нормы.

Итак, анализ мотива руки, типологического для эпических произведений Солженицына 1950-1980-х годов, выявляет важную особенность творческой манеры писателя – сочетание тенденции к достоверному художественному воссозданию жизненной реальности с выявлением в ней скрытых религиозно-онтологических смыслов, позволяющих глубже понять не только историю России, но и бытие как таковое.

«ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И «МАТРЕ́НИН ДВОР»: ОСОБЕННОСТИ ПРОБЛЕМАТИКИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Рассказы «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор» /оба – 1959/ – в настоящее время самые известные художественные произведения А.И.Солженицына, поэтому о них имеет смысл сказать особо.

«Один день Ивана Денисовича» – рассказ исключительно сложный и во многом предвосхищающий художественное новаторство позднего Солженицына. Писатель изображает жизнь советских заключенных, отказываясь при этом от прямого выражения своего собственного индивидуального восприятия лагерного мира, но, наоборот, стремясь «раствориться» в персонаже, увидеть все изображаемое его глазами, проникнуть и «перевоплотиться» в «другого». Поэтому не только к Достоевскому, но и к Солженицыну следует отнести слова Вяч.И.Иванова: «Символ такого проникновения заключается в абсолютном утверждении, всюю волею и всем разумением, чужого бытия: “ты еси”. <...> чужое бытие перестает быть для меня чужим, “ты” становится для меня другим обозначением моего субъекта. “Ты еси” – значит <...> “твое бытие переживается мною как мое” <...>» (36, с.295). Причем «проникновение есть некий *transcensus* [восхождение (лат.), – П.С.] субъекта, такое его состояние, при котором возможным становится воспринимать чужое я не как объект, а как другой субъект. Это – не периферическое распространение границ индивидуального сознания, но некое передвижение в самих определяющих центрах его обычной координации; и открывается возможность этого сдвига толь-

ко во внутреннем опыте, а именно в опыте истинной любви к человеку и к живому Богу, и в опыте самоотчуждения личности вообще <...>» (там же, с.294), – подчеркивал Вяч.И.Иванов.

В «Одном дне Ивана Денисовича» это авторское самоотчуждение и проникновение в другого осуществляется при помощи плавного и органичного «перетекания» преимущественно сказовой речи повествователя (на пространственном уровне – это взгляд на Шухова извне) в несобственно-прямую речь (взгляд изнутри) и обратно. Причем ни идеологическая, ни психологическая, ни фразеологическая (языковая) точки зрения (см.: 78) здесь не меняются и максимально сближены с точкой зрения главного героя рассказа. Благодаря этому у читателя возникает ощущение исключительной близости образа автора и Ивана Денисовича в плане идеологии, психологии и, частично, фразеологии. На это еще в 1965 году обратила внимание Т.Г.Винокур: «Здесь возникает та высшая ступень в слиянии героя и автора [точнее было бы говорить не об авторе, а об образе автора. – П.С.], которая дает ему [А.И.Солженицыну. – П.С.] возможность особенно настойчиво подчеркивать их сопереживания <...>. Эмоциональный эффект этого слияния исключительно действен <...>» (26, с.18), – отмечала исследовательница.

Максимально сближая по точке зрения образ автора и героя, Солженицын отчасти развивает традиции А.П.Чехова, который, как показывает Ю.В.Манн, также обращался к «персональной» форме повествования (см.: 54, с.54-58), однако проникновение в «другого» у Чехова не столь глубоко. Манн замечает: «Легко можно ощутить, где чеховский рассказчик объединяется со своим персонажем в едином лирическом чувстве, в общем смысле понимания вещей, но нелегко при этом определить *до какой черты они идут вместе*. Чехов прячется за своих героев в той же мере, в какой он себя с их помощью открывает» (там же, с.58). Точка зрения персонажа не становится у Чехова точкой зрения образа автора. Именно поэтому «чеховской манере не свойственна множественность авторских ликов» (там же).

Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» отдаляет образ автора от самого себя, делая его рупором точки зрения Шухова. Такой композиционный прием далеко не всеми был понят в 1960-е годы, вследствие чего возникли многочисленные недоразумения. Читатели часто думали, что под именем Ивана Денисовича автор рас-

сказа описывает себя, и что якобы именно поэтому точка зрения Шухова оказывается здесь доминирующей. Однако Н.Д.Солженицына в комментарии к тексту рассказа отмечает: «Образ Ивана Денисовича сложился из солдата Шухова, воевавшего с автором в советско-германскую войну (и никогда не сидевшего), общего опыта пленников и личного опыта автора в Особом лагере каменщиком» (13, т.3, с.317), а Мария Шнеерсон, говоря об Иване Денисовиче, утверждала: «<...> для Солженицына существенно и то, что герой этот ему духовно близок. Не потому ли в рассказе о эске Щ-854 голоса автора и Шухова чаще всего сливаются <...>» (81, с.63). С этим мнением исследовательницы невозможно согласиться, поскольку писатель использует тот же прием и в других своих произведениях, в частности в эпосе «Красное Колесо», где образ автора «вбирает» в себя точки зрения не только «духовно близких» Солженицыну героев, но и таких его антагонистов, как П.Г.Курлов, М.Г.Богров, В.И.Ленин, и всякий раз писатель старается «передать» их субъективную «правоту» (11, т.3, с.286) [подробнее см. в разделе «Новый вид полифонии («Красное Колесо»)»]. Вместе с тем очевидна чрезвычайная близость «Одного дня Ивана Денисовича» и «Красного Колеса» на уровне повествовательной структуры, однако сходство этих произведений не ограничивается лишь нарративной сферой. И в рассказе и в эпосе постоянно используется поэтика монтажного стыка. Солженицын использует этот кинематографический по своему происхождению прием для художественного воссоздания резко убыстрившегося в XX веке темпа жизни. Кроме того, поэтика монтажного стыка позволяет сталкивать на сравнительно малом отрезке текста абсолютно разноплановый материал, добиваясь не только концентрированного сгущения содержания, но и особого выразительного эффекта: по словам писателя, монтажный стык в его прозе художественно значим и «сам по себе <...>, это как бы четвёртое измерение, ещё новое восприятие» (там же, с.181). Эта особенность композиции «Одного дня Ивана Денисовича» обусловлена внутренним сюжетом, то есть постоянной сменой мыслей, чувств и впечатлений в сознании главного героя. И хотя внешний сюжет организован здесь по хроникальному принципу, внутренний сюжет развивается прерывисто, он калейдоскопически изменчив, лишен целостности, центробежен, разомкнут вовне, в бытие как таковое. Вследствие этого даже на небольшом по объему отрезке текста

соседствуют и сталкиваются между собой самые разнородные темы и проблемы. А задача осмысления всего этого многообразия ложится на читателя, который должен выбрать, под каким углом зрения он хочет воспринять текст «Одного дня Ивана Денисовича», то есть интересуют ли его лагерные порядки, вера в Бога, действие Промысла в жизни каждого отдельного человека, история России, судьбы конкретных лагерников, проблема выживания в нечеловеческих условиях, межнациональные взаимоотношения, «чистое» искусство, тирания, культурный «барьер» между крестьянством и интеллигенцией или что-либо иное. Каждая из этих и других тем и проблем не раскрывается в каком-нибудь одном месте рассказа, но рассеяна по небольшим фрагментам текста, и степень ее выявления зависит лишь от встречной активности читателя, от круга его интересов. «Один день Ивана Денисовича» – подлинная энциклопедия жизни советского каторжного лагеря начала 1950-х годов, и для сколько-нибудь адекватного восприятия исключительного содержательного многообразия этого произведения необходимо одновременное использование самых разных подходов и методов анализа, поскольку лишь таким образом мы сможем приблизиться к постижению многомерного смысла солженицынского рассказа во всей его глубине и сложности.

Рассказ «Матрёнин двор», в отличие от «Одного дня Ивана Денисовича», – произведение гораздо более традиционное в плане художественной формы. По жанру это рассказ романного типа. Здесь предельно концентрированно и сжато показана вся жизнь Матрёны: романная фабула изложена в рамках небольшого по объему рассказа. Использование этой жанровой разновидности для Солженицына отнюдь не случайно: его поздние произведения – «На краях» /1994/ и «Настенька» /1993, 1995/ – тоже рассказы романного типа. Возможно, писатель не прошел мимо художественного опыта И.А.Бунина, который в одном из самых известных своих рассказов («Легкое дыхание»), – а впрочем, и не только в нем – также обратился к жанровой разновидности рассказа романного типа. «<...> Бунин мне не близок, – замечает Солженицын, – но я не могу не восхищаться его работой» (4, с.160).

Вместе с тем в «Матрёнинном дворе» присутствуют черты художественного очерка – документально точное воссоздание жизнен-

ной реальности и особое внимание к социальной и нравоописательной проблематике. Однако эти жанрообразующие признаки сочетаются здесь с глубоким религиозно-философским проникновением в скрытую сущность происходящего, что в целом выводит данное произведение за жанровые рамки художественного очерка, для которого характерно отсутствие онтологической перспективы.

В то же время в «Матрёнинном дворе» есть и черты жанра жития, однако Солженицын весьма далек от следования агиографическому канону. Изображая жизнь деревенской праведницы, писатель нисколько не идеализирует свою героиню, показывая ее не только в качестве православной христианки, но отчасти и как язычницу, что для жанра жития абсолютно невозможно. Нет здесь и политико-мировоззренческой идеализации Матрёны: достаточно вспомнить советский плакат в ее избе, изображавший «грубую красавицу», которая «постоянно протягивала» рассказчику «Белинского, Панфёрова и ещё стопу каких-то книг» (там же, с.129). Этот рублевый плакат и другой такой же – «об урожае» – были повешены «для красоты» (там же, с.127). Очевидно, что и художественный вкус Матрёны не идеализирован. Поэтому невозможно согласиться с В.А.Чалмаевым, который утверждает, что у А.И.Солженицына якобы «родилась <...> воля к идеализации Матрёны, никого не обидевшей» (80, с.85). Или (в это трудно поверить) исследователь считает, что в русской деревне середины 1950-х годов не было подлинных праведников?

В рассказе дана яркая картина обнищания советской деревни, издевательств начальства и бесправия колхозников. При этом в центре проблематики оказываются мотивы неузнанного и непонятого праведника, а также нравственного разложения и медленной гибели русского крестьянства. И лишь одна физически немощная и нищая Матрёна оказывается тем столпом, который удерживает окружающий ее деревенский мир от окончательного саморазрушения из-за алчности и взаимного недоброжелательства. Т.А.Лопухина-Родзянко подчеркивает: «<...> не то важно, что Матрёна названа праведницей, а то, что без таких, как она “...не стоит, село. Ни город. Ни вся земля наша”. По этой причине был всемирный потоп. И поэтому не устояли библейские города Содом и Гоморра. В них не оказалось и десяти праведников, только один Лот с женой и дочерьми <...>» (50, с.21-22; см. также: Быт. 18:32). В свете этого остродраматическая гибель пра-

ведницы осмысливается не только как изображение ее личной судьбы, но и как грозное предвестие надвигающейся катастрофы и для города, и для села, и для всей России.

Рассказ «Матрёнин двор» скрыто мистичен. Злое, потаенно-инфернальное начало в наибольшей степени проявляется здесь в образе Фаддея Григорьева, бывшего жениха Матрёны, одержимого корыстью и жадной мести. Дети главной героини рассказа один за другим умирают, и это – так считают все в деревне – вызвано «порчей». И когда Матрёна погибает, рассказчик вспоминает давнюю угрозу Фаддея убить ее за то, что та не стала его женой: «Сорок лет пролежала его угроза в углу, как старый тесак, – а ударила-таки...» (13, т.3, с.152), – замечает Игнатич. Матрёна гибнет после того, как у нее кто-то крадет котелок со святой водой, и она, не имея возможности причаститься в слишком далеком от ее деревни храме, оказывается беззащитной перед мистическими силами зла. О.А.Лекманов считает, что «главная беда», по мысли писателя, «состоит даже не в том, что старая Россия гнивает снаружи. Гораздо более печально то, что “советское” (читай – лживое) проникло *внутрь* Матрёниного дома. <...> Плакатная “советская” красавица еще отплатит Матрёне за гостеприимство <...>» (47), – добавляет исследователь. И приводит цитату: «Нет Матрёны. Убит родной человек. <...> Разрисованная красно-жёлтая баба с книжного плаката радостно улыбалась» (13, т.3, с.151). Сначала зло (ложь) исподволь проникает внутрь замкнутого пространства Матрёниной избы, а затем и само это пространство насильственно размыкается, когда Фаддей добивается, чтобы Матрёна *еще при жизни* отдала бревна от своей горницы, завещанные ею дочери Фаддея Кире. И на эту горницу, по словам рассказчика, «легло проклятие с тех пор, как руки Фаддея ухватились её ломать» (там же, с.155). Матрёна просила отдать бревна от горницы лишь после своей смерти. Так и случилось: сельская праведница погибла *до того*, как эти бревна оказались у Фаддея...

Лекманов обращает внимание на то, что «больше всего» Матрёна боялась поезда: «– Как мне в Черусти ехать, с Нечаевки поезд вылезет, глаза здоровенные свои вылупит, рельсы гудят – аж в жар меня бросает, коленки трясутся. Ей-богу правда! – сама удивлялась и пожимала плечами Матрёна» (там же, с.136). «Нужно ли говорить, – добавляет исследователь, – что поезд сбивает Матрёну как раз на полпути к Черустям?» (47).

После ее гибели тело Матрёны превращается в кровавое месиво, однако лицо сельской праведницы «целёхонькое, спокойное, больше живое, чем мёртвое», да чудом уцелевшая правая рука оказываются знаками особой отмеченности героини. Разумеется, все это не случайно. Все вышеперечисленные детали не просто свидетельствуют о «вертикальности» художественного мира солженицынского рассказа. Для творческого метода писателя, как уже было отмечено, в высшей степени характерно сочетание документальной точности в посоздании подлинной жизненной реальности с глубоким метафизическим ее осмыслением. Благодаря этому мистические мотивы в творчестве Солженицына обретают особую значимость и подлинно онтологическую весомость.

НОВЫЙ ВИД ПОЛИФОНИИ («КРАСНОЕ КОЛЕСО»)

Проблема полифонии в крупных эпических произведениях А.И.Солженицына актуальна давно. Еще 23 июня 1967 года в 25 номере журнала «Посев» было напечатано интервью, в котором писатель, в частности, указал на то, что считает наиболее интересным жанром «полифонический роман, точно определённый во времени и пространстве. Без главного героя». По словам Солженицына, «автор романа с главным героем поневоле больше внимания и места уделяет именно ему». При этом полифонизм писатель определил так: «Каждое лицо становится главным действующим лицом, когда действие касается именно его. Тогда автор ответственен пусть даже за тридцать пять героев. Он никому не даст предпочтения. <...> Однако ему нельзя терять почву под ногами» (цит. по: 44, с.155). В 1984 г. в беседе с Н.А.Струве А.И.Солженицын подчеркнул: «Полифоничность, по мне, метод обязательный для большого повествования. Я его придерживаюсь и буду придерживаться всегда» (11, т.3, с.264).

В 1970-е годы в научной литературе о Солженицыне среди исследований, посвященных поэтике его произведений, стали появляться работы о полифонии. Наиболее детально эту проблему исследовал Владислав Георгиевич Краснов, защитивший в 1974 году в Университете Вашингтона (Сиэтл, США) докторскую диссертацию на тему: «Polyphony of "The First Circle": A Study in Solzenitsyn's Affinity with Dostoevskij» («Полифония <романа> «В круге первом». Исследование сходства Солженицына с Достоевским»). Главы из нее печатались по-русски в виде статей, а в 1980 году Краснов выпустил монографию (86), в которой дополнил материал своей диссертации ана-

дилом «Ракового корпуса» /1963-1967/ и первоначальной, однотомной, редакции «Августа Четырнадцатого» /1937, 1969-1970/ — первого «Узла» «Красного Колеса» /1937, 1969-1990/.

По мнению Краснова, и «В круге первом» /1955-1968/, и «Раковый корпус», и «Август Четырнадцатого» — полифонические романы, в художественной структуре которых исследователь находит чрезвычайно много общего с поэтикой романов Ф.М.Достоевского и поэтому считает возможным применить к ним бахтинскую концепцию полифонического романа. Так, Солженицын, по мнению Краснова, использует в «Августе Четырнадцатого» «подлинную полифонию идеологических голосов, разнообразных, ясных и фактически независимых от него самого» (Ibid, p. 194; перевод мой. — П.С.), — полифонию, основанную на диалоге (см.: Ibid, p.179-180), однако, по справедливому замечанию Ж.Нива, «солженицынская полифония решительно лишена драматизма театра Достоевского, той почти равной напряженности сталкивающихся голосов, того невыносимого равновесия pro и contra, которые возникают, по-видимому, независимо от воли самого автора» (59, с.319), а это означает, что описанный М.М.Бахтиным полифонический диалог, который Краснов приписывает всем трем вышеупомянутым произведениям Солженицына, в сущности, к творчеству писателя отношения не имеет. Это означает и то, что солженицынская полифония построена на каких-то иных принципах, сильно отличающихся от тех, которые описал Бахтин²¹.

Весьма интересные соображения о солженицынской полифонии были высказаны Жоржем Нива. Французский исследователь считает, что, в отличие от Достоевского, «речи у Солженицына играют роль намного менее важную», а «настоящая полифония выражается у него не во внешних, а во внутренних речах (там же, с.328-329). Ж.Нива отмечает тяготение писателя к несобственно-прямой речи: «<...> постоянное впечатление, будто это не автор говорит, размышляет, иронизирует, возмущается, а кто-то из персонажей. <...> эта неизменная окрашенность «устной речью» может быть определена как поли-

---

²¹ В связи с этим, говоря о солженицынской полифонии, имеет смысл отказаться от терминологической оппозиции «полифоническое — монологическое». Как будет показано ниже, не всякая полифония основана на диалоге. Таким образом, оппозиция «диалогическое — монологическое» может «совмещаться» с оппозицией «полифоническое — гомофоническое» лишь в частном случае.

фонический сказ, т.е. скрещение голосов различных рассказчиков, среди которых автор делает, конечно, свой выбор, но не в большей мере, чем автор телепередачи «с места событий», который должен *немедленно* выбрать между тремя или четырьмя одновременными планами» (там же, с.311-312).

Важно подчеркнуть особую значимость для поэтики Солженицына внутренней речи персонажей, однако, если обратиться к идее Нива о «полифоническом сказе», то, очевидно, сказ никак не может быть основой солженицынской полифонии, поскольку писатель использует этот тип повествования лишь при изображении «простонародных» персонажей (в «Красном Колесе» это Арсений Благодарев, Терентий Чернега, Козьма Гвоздев, Тимофей Кирпичников и другие), а они в эпопее Солженицына сравнительно немногочисленны.

Проблема полифонии в творчестве Солженицына современным литературоведением до сих пор не решена. Вместе с тем следует отметить, что именно в эпопее «Красное Колесо» полифонизм художественного мышления Солженицына проявился наиболее последовательно, ярко и полно. При этом необходимо учитывать, что поэтика «Красного Колеса» весьма необычна. По словам В.М.Живова, это произведение «получает структуру, совершенно отличную от традиционного реалистического романа», а «формальная новизна» солженицынской эпопеи до сих пор продолжает «приводить в смятение критиков» (33, с.249). Средства сценарной драматургии («экран»), монтажи газетных материалов²², главы, состоящие из фрагментов (каждый в несколько строк), смелое языковое новаторство (см. ниже в разделе «Лексическое “расширение”») и многие другие черты модернистской²³ (и иногда и постмодернистской²⁴) художественной структуры сочетаются в «Красном Колесе» не с характерной для модернизма деформированной картиной мира и тем более не с абсолютно чуждым Солженицыну постмодернистским тотальным обесмысливанием бытия (см. 11, т.3, с.387-388), но со стремлением к правдивому изображению действительности. Показательны слова писателя в его Нобелевской лекции:

---

²² Оба приема заимствованы у Д.Дос Пассоса (см.: 11, т.2, с.434).

²³ Не случайно писатель отмечал влияние на его творчество прозы Е.И.Тютюмина и М.И.Цветаевой (см.: Там же, с.446-448).

²⁴ См. выше, в разделе «Солженицын как художник и мыслитель».

ции /1971-1972/: «ОДНО СЛОВО ПРАВДЫ ВЕСЬ МИР ПЕРЕТЯНЕТ» (там же, т. 1, с. 25). Причем правда понимается Солженицыным не только и даже не столько как сугубо идеологическая категория, но, прежде всего – как следование единственно существующей невымышленной реальности (отсюда – и стремление писателя к документально точному воспроизведению истории). В то же время именно потому что многие особенности полифонической композиции «Красного Колеса» обусловлены тем, что в этом произведении писатель соединяет активное использование элементов нереалистической художественной структуры с преимущественно реалистической картиной мира, полифонию солженицынской эпопеи было бы неверно рассматривать лишь в контексте поэтики XIX века, к чему явно тяготеет Краснов. Солженицын создал принципиально *новый вид полифонии*, и попытки воспринять художественную структуру его произведений лишь как своего рода «продолжение» реалистической поэтики XIX века иногда приводят к довольно-таки «странным» результатам.

В 1971 году в нью-йоркской газете «Новое русское слово» была напечатана статья историка Николая Ульянова «Загадка Солженицына». Ее автор, перечислив все области «действительной жизни», в которых Солженицын обнаруживает удивительную осведомленность, в конце концов, утверждал: «Произведения Солженицына не написаны одним пером. Они носят на себе следы трудов многих лиц разного писательского вкуса и склада, разных интеллектуальных уровней и разных специальностей» (76; цит. по: 60, с. 50). Ульянов высказал мнение, что никакого Солженицына вообще не существует и что он «сфабрикован» литературной мастерской КГБ «в целях выколачивания валюты». Один человек, по мнению Ульянова, столько реальности вместить не способен (там же).

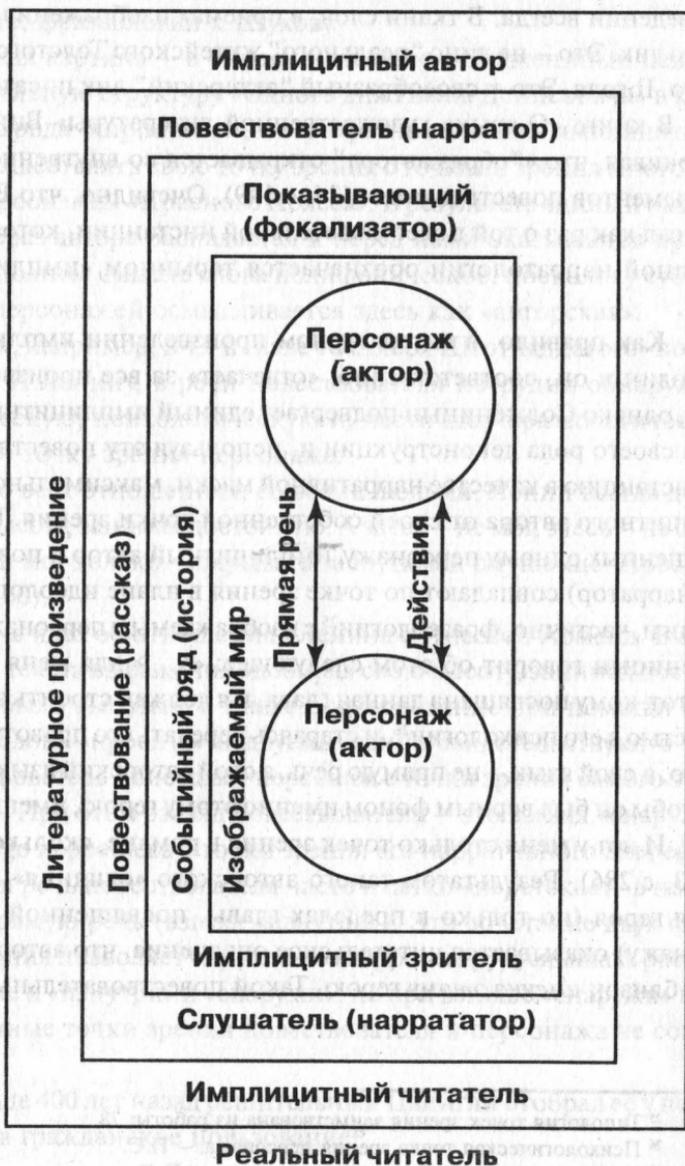
Разумеется, это мнение (образца 1971 года) анекдотично. Но столь наивное прочтение сочинений писателя имеет и свои преимущества. Оно указывает на важнейшую особенность нарративной структуры крупных эпических произведений Солженицына – *отсутствие в каждом из них единого имплицитного автора*.

Имплицитный автор, или абстрактный автор, – это образ автора, не воплощенный в художественном тексте в виде персонажа-рассказчика. Этот образ возникает лишь в сознании читателя. В то же время имплицитный автор – это повествовательная инстанция, ко-

торая по представлениям нарратологии вместе с соответствующей ей парной коммуникативной инстанцией, *имплицитным читателем* (то есть образом «идеального» читателя, правильно понимающего все авторские интенции), обеспечивает художественную коммуникацию всего произведения в целом (см.: 70, с.51). Для того чтобы лучше представить систему повествовательных уровней, лучше всего воспользоваться схемой. С нарратологической точки зрения повествовательные уровни «вложены» друг в друга, наподобие матрешек. *Персонажи (акторы)*, действуя в *изображаемом мире*, создают *событийный ряд (историю* – в нарратологическом смысле). *Показывающий (фокализатор)*, изображая этот событийный ряд под тем или иным углом зрения, создает материал для *повествования (рассказа* в нарратологическом смысле), которое и осуществляет *повествователь (нарратор)*, причем в рамки повествования (рассказа) включается не только речь повествователя, но и речь персонажей (с нарратологической точки зрения повествователь цитирует их дискурсы). И наконец, организует все элементы повествования *имплицитный автор*, от которого они и зависят (с точки зрения читателя).

В процессе художественной коммуникации на каждом из повествовательных уровней участвуют как отправитель, так и получатель сообщения: *показывающему (фокализатору)* соответствует *имплицитный зритель*; *повествователю (нарратору)* – *слушатель (нарратор)*; а *имплицитному автору*, как уже говорилось выше, – *имплицитный читатель* (см.: Там же, с.102-105). В то же время, как известно, имплицитный автор в разных произведениях *одного и того же писателя* может быть различным (см.: Там же, с.51-52). По словам Бахтина, «всё, что стало образом в произведении <...>, является созданным, а не создающим. “Образ автора”, если понимать под ним автора-творца, является *contradictio in adjecto*; всякий образ – нечто всегда созданное, а не создающее» (18, с.405), – подчеркивал исследователь. Таким образом, повествовательные инстанции *реального автора (автора-творца)* и *имплицитного автора* оказываются четко разграниченными. Первый является реальным *создателем* художественного текста, второй – лишь *созданием*, образом в самом тексте. А следовательно, как и любой другой образ, он находится во власти автора-творца и может быть преобразован в соответствии с художественными намерениями последнего.

Реальный автор (автор-творец)

В связи с этим заслуживают внимания слова В.В.Виноградова из его письма 1927 года к Н.М.Виноградовой-Малышевой: «Я поглощен мыслями об образе писателя. Он сквозит в художественном произведении всегда. В ткани слов, в приемах изображения ощущается его лик. Это – не лицо “реального” житейского Толстого, Достоевского, Гоголя. Это – своеобразный “актерский” лик писателя» (25, с.205). В книге «О языке художественной литературы» Виноградов подчеркивал, что «“образ автора” открывается во внутренней связи всех элементов повествования» (24, с.149). Очевидно, что Виноградов писал как раз о той повествовательной инстанции, которая в современной нарратологии обозначается термином «имплицитный автор».

Как правило, в литературном произведении имплицитный автор один и он, соответственно, «отвечает» за все произведение в целом, однако Солженицын подвергает единый имплицитный образ автора своего рода деконструкции и, используя эту повествовательную инстанцию в качестве нарративной маски, максимально удаляет имплицитного автора от своей собственной точки зрения. В главах, посвященных одному персонажу, имплицитный автор и повествователь (нарратор) совпадают по точке зрения в плане идеологии, психологии и, частично, фразеологии²⁵ с изображаемым персонажем. Сам Солженицын говорит об этом следующее: «<...> для меня главный герой тот, кому посвящена данная глава, и я должен строить всю главу полностью в его психологии²⁶, и стараясь передать его правоту²⁷. Больше того, я свой язык – не прямую речь, а свой авторский язык – строю так, чтобы он был верным фоном именно этому герою, именно в этой главе²⁸. И вот у меня столько точек зрения в романе, сколько героев» (11, т.3, с.286). Результатом такого авторского «слияния» с точкой зрения героя (но только в пределах главы, посвященной данному персонажу) оказывается читательское ощущение, что автор чрезвычайно близок *именно этому* герою. Такой повествовательный прием

---

²⁵ Типология точек зрения заимствована из работы: 78.

²⁶ Психологическая точка зрения персонажа. – П.С.

²⁷ Идеологическая точка зрения персонажа. – П.С.

²⁸ Фразеологическая (языковая) точка зрения персонажа. – П.С.

был использован Солженицыным еще в рассказе «Один день Ивана Денисовича» /1959/, но там имплицитный автор был един и максимально приближен по точке зрения в плане идеологии, психологии и, частично, фразеологии к Шухову.

Иная картина — в «Красном Колесе». Солженицын использует нарративную структуру «Одного дня Ивана Денисовича» в качестве своего рода «кирпичика», многократно заставляя имплицитного автора отождествлять свою точку зрения с точками зрения многочисленных персонажей «Красного Колеса». В результате единый имплицитный образ автора распадается и перед нами оказывается произведение в полном смысле слова полифоническое, поскольку субъективность персонажей осмысливается здесь как «авторская».

Так, например, в 43-й главе «Октября Шестнадцатого» посвященной В.И.Ленину, в речи повествователя нетрудно обнаружить идеологическую, психологическую и, частично, фразеологическую (языковую) точку зрения персонажа:

«Во всех отношениях, со всеми людьми, Ленин всегда добирал свою высоту, занимал достойную. А здесь — не мог, здесь — не было высоты. Он мог только — скрывать за шутками смущение. Просить» (5, т. 4, с.100).

Речь идет об отношениях Ленина с Инессой Арманд. В этом фрагменте текста выражения «добирал свою высоту, занимал достойную», «не было высоты», а также подчеркивание при помощи парцелляции слова «просить» недвусмысленно свидетельствуют о том, что повествователь описывает персонаж с точки зрения самого этого персонажа. При этом взгляд повествователя — это взгляд «снаружи»: взгляд на его персонажа с точки зрения его нарративного alter ego. В то же время речь повествователя часто и легко «перетекает» в несобственно-прямую речь (взгляд «изнутри»). Это сочетание двух форм повествования позволяет слушателю (нарратору) услышать рассказ о персонаже и «изнутри» и «снаружи», но при взгляде «снаружи» пространственные точки зрения повествователя и персонажа не совпадают:

«Еще 400 лет назад решительный Цвингли отобрал её у попов и передал в гражданское пользование²⁹.

---

²⁹ Речь идет о церкви Вассеркирхе в Цюрихе. — П.С.

Вот и сам он стоял впереди реквизированной церкви, на черном мраморе в несколько постаментов, со вздёрнутым носом, с книгой и мечом, упёртыми между ног. Всегда на него Ленин покашивался с одобрением. Правда, — книга та — библия³⁰, а всё-таки для XVI века превосходная решимость, сегодняшним социалистам бы подзаянть. Отличное сочетание: книга — и меч. Книга, продолженная мечом» (там же, с.95). Здесь несобственно-прямую речь сменяет речь повествователя, а затем снова дается несобственно-прямая речь. Столь «легкий» переход от одного типа повествования к другому объясняется тем, что на протяжении каждой главы, посвященной одному персонажу, точка зрения остается неизменной. В целом неизменным остается и тип дискурса — речевая маска, связанная с данным персонажем. Все это и порождает феномен имплицитного автора, совпадающего с персонажем по точке зрения в плане идеологии, психологии и, частично, фразеологии. Иначе говоря, объект изображения получает права субъекта, «независимого» от реального автора (автора-творца), а субъективность персонажа поднимается на ауториальный уровень (уровень имплицитного автора).

По мнению Нива, «неоспоримо, что Солженицын вкладывает частицу самого себя» в образ Ленина, «в этого противника, которого он называет своим главным героем и от которого не отходит ни на шаг. Не оттого ли, что, парадоксальным образом, ленинское презрение к «либералу» близко ему самому? А иначе — зачем это, вроде бы незаметное, сравнение Ленина с великими реформаторами, с Цвингли, на статую которого перед церковью в Цюрихе Ленин бросает одобряющий взгляд?» (60, с.161).

В то же время, вопреки утверждению Нива, писатель решительно отрицает приписываемое ему психологическое «родство» с Лениным: «Я собирал о нём каждую мелочь, и моей единственной целью было воссоздать его живым, какой он был. Конечно, ни один персонаж художника не создаётся без вклада автора. Какая-то доля автора вдыхается в самого враждебного героя: нельзя отразить ничьё тело, если в него не вдохнуть душу. Если я описал за это время двести человек, в каждом из двухсот что-то от меня есть обязательно. Одна

---

³⁰ Слово «библия» не случайно дано здесь со строчной: идеологическая точка зрения персонажа подчеркивается, таким образом, и графически. — П.С.

ко я думаю, что, сравнивая нас, поддаются внешним несущественным признакам» (11, т.2, с.338-339)³¹. Что же касается утверждения Нива, согласно которому Солженицын якобы считает Ленина своим главным героем, то писатель, говоря о «Красном Колесе», неоднократно подчеркивал: «У меня ведущего героя вообще нет. И чем дальше, тем больше это будет выясняться» (там же, т.3, с.267). Кроме того, невозможно согласиться с мнением Нива, который считает, что Солженицыну близко ленинское «презрение к либералу»: из написанного в 1979 году предисловия писателя к выпущенной под его редакцией книге В.В.Леонтовича «История либерализма в России» недвусмысленно следует, что Солженицын отнюдь не склонен с презрением относиться к либерализму. Писатель лишь выступает против весьма распространенной подмены либерализма революционным радикализмом: «<...> слишком долго в русских XIX-XX веках второй [радикализм. — П.С.] называл себя первым [либерализмом. — П.С.], и мы принимали его таким, — и радикализм торжествовал над либерализмом на погибель русскому развитию» (там же, с.506), — подчеркивает Солженицын.

И наконец, вызывает возражение интерпретация солженицынского сравнения Ленина с Ульрихом Цвингли, которого Нива уважительно называет великим реформатором: отношение писателя к воинствующему секуляризму выдающегося швейцарского протестанта, превратившего храм в библиотеку, явно не может быть положительным. Это следует, в частности, из текста Темплтоновской лекции /1983/ Солженицына, где говорится о «тонко-ядовитом ветерке секуляризма» (там же, т.1, с.449). Очевидно, что, по мнению автора «Красного Колеса», существует определенная преемственность между религиозным революционером Цвингли и революционером-антиклериком Лениным, однако эта преемственность имеет негативный смысл.

И все же Нива прав, когда считает, что автор с симпатией относится к Цвингли, да и к самому Ленину. Прав и тогда, когда говорит, что автор психологически и идеологически напоминает Ленина.

---

³¹ Заслуживает внимания сопоставительный анализ убеждений, деятельности и психологии Ленина и Солженицына, проведенный Дорой Штурман. Израильская исследовательница весьма убедительно и аргументировано показывает глубочайшее несходство между этими двумя людьми (см.: 82, с.419-421).

Только этот автор – не реальный автор (А.И.Солженицын как автор-творец), а имплицитный автор глав, посвященных Ленину, совпадающий с ним по точке зрения в плане идеологии, психологии и, частично, фразеологии и, как и сам Ленин, симпатизирующий антицерковным действиям Цвингли. Как видим, недостаток анализа французского исследователя состоит в том, что он имплицитного автора смешивает с реальным автором. Писатель, говоря о полифонии в «Красном Колосе», не случайно подчеркивал: «<...> я сочувствую каждому тому герою, которого я описываю в данной главе» (там же, т.3, с.267). Очевидно, что при этом речь идет и о сочувствии персонажам, которые идеологически, психологически и фразеологически весьма далеки от реального автора. Н.Д.Солженицына справедливо замечает: «На самом деле он пишет каждую главу как бы изнутри того персонажа, которому посвящена глава. У него мгновенно меняется языковой фон. <...> Глава с генералом Алексеевым не имеет ничего общего ни синтаксически, ни лексически с главой о Керенском, ни с главой об императоре или с главой о Милюкове. Если вы заметили, во многих главах не называется вначале имя персонажа, о котором идет речь. Довольно длинный речевой пассаж идет как бы анонимно, и тем не менее вы сами угадываете героя, – по языковому фону, по синтаксису и энергии речи, присущей только данному персонажу. <...> Автор дает возможность выразить себя каждому» (72).

Эта возможность «выразить себя» в полной мере предоставляется героям эпопеи в главах, каждая из которых посвящена одному персонажу (таких глав в «Красном Колесе» подавляющее большинство). При этом имплицитным автором может быть и женщина (в главах, посвященных Ликоне, императрице, Вере Воротынцевой, Ольде Андозерской и другим). В этом случае нарративная маска «имплицитного автора – женщины» порождает интереснейший феномен «женской» прозы у Солженицына. Так, например, художественная структура глав, посвященных Ликоне, обнаруживает некоторое сходство с художественной структурой прозы Цветаевой: «С тех пор как он³² уехал – будто затормозили время: то оно несло, а то – поползло. <...>

Всякое письмо – как разговор в темноте, лица не видно.

---

³² Волжский купец Гордей Польшиков, в которого влюблена Ликоня. – П.С.

И сама бы рада писать ему каждый день. Только боязнь навязываться.

Хочу — благодарить!

Не благодарить — всё равно что и не получать» (5, т.9, с.231-232).

Постоянная смена настроения, повышенная эмоциональность, хрупкость внутреннего мира, женственность — всё это черты молодой влюбленной Ликони, но эти же черты присущи и той женщине, которая является имплицитным автором глав, посвященных этому персонажу.

А вот другая женщина — жена А.Ф.Керенского Ольга Львовна, встретившая в первые дни Февральской революции на балу в Екатерининском зале Таврического дворца в Петрограде 72-летнего Германа Лопатина, друга К.Маркса и Ф.Энгельса, члена Совета 1-го Интернационала, переводчика «Капитала»: «— Ны-не от-пу-щаеши... — сказал он проникновенно, медленно, густо, смотря даже не на Ольгу Львовну, а на кружение этих голов, из которых не всем, не всем дано было понять всё значение акта. <...>

Ровно стоял. И всё смотрел через малые на нём очки — на зал, на зал, на собеседницу редко. И говорил тихо, отчётливо, не наклоняясь к ней:

— Вот — день, которому я принёс в жертву всё, с ранней молодости.

Стоял, иногда закрывая глаза.

— Теперь я могу и умереть. Счастливей — я уже не буду.

Ещё закрыл глаза. Открыл.

— Хотя нет. Теперь — хочется пожить ещё немного. Посмотреть, как скоро всё устроится. И Россия заживёт, наконец. Счастливой, свободной жизнью.

Расцветёт наша Россия как цветок в прекрасном саду.

Они нашли потом, где сесть. Уступили им кресло и стул. И сидели рядом молча.

Переполненные счастьем» (там же, т.5, с.566).

Широко известно критически-ироническое отношение Солженицына к Февральской революции и ее деятелям, однако в данном отрывке нет и тени иронии. Февральские события изображены здесь как начало «золотого века» в истории человечества, и в то же время их восприятие окрашено мягкой женственностью, исходящей от им-

плицитного автора (показательно, например, сравнение России с цветком).

Конечно, читатель «Красного Колеса» понимает, что надежды Ольги Львовны и Германа Лопатина несбыточны, но само достижение этого понимания возможно лишь при сопоставлении различных *перцептивных*³³ миров персонажей. Находясь лишь в перцептивном мире Ольги Львовны, этого понять невозможно. Наоборот, в ее индивидуальном мире имплицитный читатель — пусть временно, пусть частично — неизбежно поддается обаянию революционной романтики, ощущает эйфорию тех дней как свой собственный душевный настрой.

Писатель использует имплицитного автора для того, чтобы «раствориться» в персонаже, пережить чужое бытие как свое собственное, поэтому все те слова Вяч.И.Иванова (см.: 36, с.294-295), которые были процитированы выше, в разделе «“Один день Ивана Денисовича” и “Матрёнин двор”»: особенности проблематики и художественной структуры», с неменьшим основанием должны быть обращены и к «Красному Колесу».

Для Солженицына столь глубокое «погружение» в перцептивный мир персонажа отнюдь не является чисто формальным приемом, но связано с убежденностью писателя в том, что «вселенная имеет столько центров, сколько в ней живых существ. Каждый из нас — центр вселенной, и мироздание раскалывается, когда вам шипят: “Вы арестованы!”» (13, т.5, с.13). По Солженицыну, каждое живое существо, и в частности каждый человек, — перцептивный центр мира. Если аксиологический антропоцентризм писатель отвергает (см. ниже, в разделе «Рассказы 1990-х годов («Эго», «На краях», «Абрикосовое варенье»)» то перцептивный персоналистический биоцентризм лежит в основе его полифонического мышления, иначе говоря, человек понимается Солженицыным не как высшая ценность бытия (он не может быть поставлен выше Бога), но как неповторимо индивидуальный центр мировосприятия. И в этом человек, с точки зрения писателя, похож на любое живое существо.

---

³³ Или, как, вероятно, сказал бы сам Солженицын, «восприятных».

Восприятие имплицитного читателя «Красного Колеса» складывается из взаимоисключающих перцептивных миров персонажей, объединенных общей — одной из всех — жизненной реальностью, с которой все эти миры так или иначе, соотносятся. Именно поэтому реальный автор (А.И. Солженицын) часто прибегает к сопоставлению различных индивидуальных восприятий одного и того же события, к полифоническому столкновению нескольких перцептивных артефактов, создающему стереоскопический эффект. Так, например, убийство П.А. Столыпина в «Августе Четырнадцатого» показано через восприятие его убийцы — М.Г. Богрова, самого Столыпина, враждебного Столыпину генерала П.Г. Курлова и Николая II.

В то же время каждое индивидуально-субъективное «авторское» искажение жизненной реальности само оказывается частью этой реальности, поскольку принадлежит персонажу, так или иначе вовлеченному в действие, в историю, в бытие.

До сих пор речь шла о главах, посвященных одному персонажу, однако в «Красном Колесе» есть главы, каждая из которых посвящена нескольким персонажам. В этих главах смена персонажа в качестве объекта читательского внимания влечет за собой смену повествователя, причем все, что говорилось выше о единстве идеологической, психологической и, частично, фразеологической точек зрения персонажа и повествователя, имеет прямое отношение и к данным главам. Однако это единство не поднимается здесь на повествовательный уровень имплицитного автора, присутствие которого более всего проявляется на уровне фокализации, показа событийного ряда (истории — в нарратологическом смысле), а не на уровне повествования (рассказа — в нарратологическом смысле), поскольку в рассматриваемых главах, как и в главах, каждая из которых посвящена одному персонажу, налицо акториальный гетеродиегетический нарративный тип (см.: 70, с.73-74), иначе говоря, центром читательской ориентации здесь является персонаж, а повествователь не участвует в диегесисе (о диегесисе см.: 64, с.78).

Так, например, в 22-й главе «Августа Четырнадцатого» (см.: 5, т.1, с.205-227) поочередно сменяют друг друга три повествователя, каждый из которых совпадает по точке зрения в плане идеологии, психологии и, частично, фразеологии с одним из трех персонажей — с Лениным, с Ганецким и с Крупской. Схему смены пар «повествователь

– персонаж» можно изобразить так: Ленин – Ганецкий – Ленин – Крупская – Ленин – (немой диалог Крупской и Ленина) – Ленин. При этом каждая неразрывная и единая по точке зрения пара «повествователь – персонаж» выражает целостный перцептивный мир данного персонажа. Именно поэтому невозможно согласиться с утверждением Жоржа Нива о том, что «полифонический роман Солженицына не столько полифоничен, сколько полископичен <...>. В нем сталкиваются, – по мнению французского исследователя, – несколько экранов, индивидуальных полей зрения» (59, с.328).

Визуальная точка зрения персонажа – лишь часть его перцептивного мира. К примеру, в рассматриваемой главе мысли Ленина о Плеханове, Мартове, Богданове, Красине и т.д. (см.: 5, т.1, с.214) никак не связаны с тем, что Ленин в это время видит. Точнее, он не видит и не воспринимает ничего вокруг, целиком погруженный в себя. Вытеснение чисто визуального начала из перцептивного мира героя здесь очевидно, и такой прием весьма характерен для изображения солженицынских персонажей.

В главах, каждая из которых посвящена нескольким персонажам, сталкиваются несколько перцептивных миров, несколько пар «повествователь – персонаж», однако столкновения между этими парами, как правило, не переходят в прямое диалогическое противостояние, характерное для романов Достоевского, но приобретают скрытую форму. Именно поэтому Солженицын предпочитает немой диалог «обычному». Например, тот же прием использован и в 26 главе «Октября Шестнадцатого» (см.: Там же, т.3, с.409-418). Немой диалог позволяет персонажу высказать то, что в «обычном» диалоге неизбежно остается произнесенным, иначе говоря, форма немой диалога намного полнее раскрывает внутренний мир персонажа. Если Достоевскому необходимо было доводить своих героев до крайней, почти неправдоподобной степени эмоционального напряжения, чтобы добиться от них самораскрытия в диалоге, то Солженицын избирает иной путь. В художественном мире «Красного Колеса» важно раскрытие перцептивного мира каждого персонажа, а в какой форме это будет сделано – через имплицитного автора, через повествователя или при помощи немой диалога – не столь существенно.

В главах, состоящих из коротких фрагментов, даны сжатые и динамичные зарисовки революционных событий. Эти главы лише-

ны индивидуального центра читательской ориентации (нейтральный нарративный тип). Здесь точка зрения имплицитного автора близка точке зрения реального автора (А.И. Солженицына), однако проявляется она скрыто, неявно из-за подчеркнуто-нейтрального дискурса повествователя, а сами главы выполняют в «Красном Колесе» художественную функцию фона, передавая атмосферу жизни тех дней.

Кроме «чисто художественных» глав, на страницах «Красного Колеса» присутствуют и «обзорные» историко-публицистические главы, написанные в жанре художественного исследования. Здесь повествователь совпадает по точке зрения в плане идеологии с имплицитным автором этих глав, а номинально — с реальным автором. Однако *полностью идеологическую позицию реального автора выражает лишь все произведение в целом*. Так, Солженицын, говоря о своей приверженности центристской идеологии, замечал: «<...> ещё больше мой центризм сказывается в общей полифоничности, когда я сам равновешу между всеми, всеми вообще точками зрения — всеми, которые изложены» (11, т.3, с.267-268). Совершенно иная картина — в историко-публицистических главах «Красного Колеса». В отличие от «чисто художественных» глав, в которых господствует полифоническое начало, «обзорные» главы гомофоничны. Они выражают не всю многомерную сложность солженицынского восприятия этих событий, но лишь историко-публицистическую «проекцию» точки зрения реального автора. Их особая, вставная функция подчеркивается, в частности, тем, что номера этих глав снабжены штрихом, а в одной из «обзорных» глав сказано прямо: «Автор не разрешил бы себе такого грубого излома романной формы, если бы раньше того не была грубо изломана сама история России, вся память её, и перебиты историки» (5, т.2, с.167). В.М. Живов справедливо отмечает, что, в отличие от исторических глав в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, «исторические главы Солженицына создают не дополнительное пространство, а совсем отдельное, не продолжающее, а наискось пересекающее пространство» «чисто художественных» глав. «Поскольку же пространства не совпадают, — продолжает исследователь, — перед читателем возникает задача сопоставить их друг с другом, выяснить, как кривизна одного пересчитывается в кривизну другого» (33, с.248). Очевидно, что слово «кривизна» у Живова в данном контексте означает субъективное искажение реальной картины мира. Имплицитный

читатель ставится перед необходимостью принять или отвергнуть то или иное индивидуальное восприятие событий, в том числе и восприятие, номинально исходящее от реального автора. Последнее не имеет в «Красном Колесе» статуса «единственно правильного». Л.В.Лосев подчеркивает: «<...> тот, кто представлен автором <...> «Августа Четырнадцатого» [то есть самим Солженицыным. – П.С.] как Автор («Автор не разрешил бы себе такого грубого излома романной формы...»³⁴), независимо от намерений автора, не обладает в глазах читателя авторитетом большим, чем, скажем, другой персонаж – Варсонофьев. С первых же слов монолога Автора («Не все дают себе труд...»³⁵) мы видим, что он полемичен, пристрастен, запальчив, т.е. проявляет в своем «историческом очерке» все качества, противопоставленные историку. Таким образом, подлинный автор, скрытый *deus* повествования как бы приглашает нас относиться к данному монологу не то что критически, но брать его в сопоставлении с другими высказываниями на ту же тему в романе» (51, с.310). По Л.В.Лосеву, «Автор» (с прописной) – это имплицитный автор, лишь *номинально* выражающий точку зрения реального автора (которого исследователь называет «автор», со строчной), а вся полнота и сложность солженицынской мысли в принципе не может быть выражена в прямолинейной историко-публицистической форме. И сам писатель это очень ясно и отчетливо осознает. Не случайно он именно поэтому не любит публицистику (подробнее см. в разделе «Солженицын как художник и мыслитель»). Но вводя в текст «Красного Колеса» вставные историко-публицистические «обзорные» главы, Солженицын оказывается вынужден мириться с их неизбежной «однолинейностью». В частности, и поэтому он не стремится к внешней «объективности» дискурса имплицитного автора этих глав, проявляя очевидную личную вовлеченность, заинтересованность в описываемых событиях. Кроме того, писатель подчеркивает, что у него «есть <...> манера свои убеждения высказывать уверенно» (там же, с.441), ни в коей мере не претендуя на выражение некоей «окончательной» истины. Истина в понимании Солженицына по самой своей природе онтологична, а не перцептивна (подробнее см. в разделе «Солженицын как художник и

---

³⁴ Выше эта цитата была приведена полностью. – П.С.

³⁵ См.: 5, т.2, с.167. – П.С.

мыслитель»). Именно поэтому мнение имплицитного автора, номинально выражающего точку зрения самого писателя, может быть, и несъема убедительно, оспорено персонажем, Л. Лосев замечает: «Солидарный со своим героем, Столыпиным, Автор «исторического очерка» очень рационально показывает, как можно было выправить русскую историю, а на это из середины романа [«Август Четырнадцатого». — П. С.] доносится возражение Варсонофьева <...>» (51, с. 310). И далее исследователь приводит цитату: «— История — иррациональна, молодые люди. У неё своя органическая, а для нас может быть непостижимая ткань. <...>»

— История растёт как дерево живое. И разум для неё топор, разумом вы её не вырастите» (5, т. 1, с. 406).

Как видим, решение вопроса о степени истинности обоих мнений предоставлено читателю, который может или присоединиться к одному из них, или, отбросив крайности и объединив оба подхода, попытаться создать намного более сложную интеллектуальную целостность. Полифоническая композиция «Красного Колеса» провоцирует саморазвитие мысли читателя, предоставляя ему возможность самостоятельного выбора между множеством самых различных точек зрения. Именно поэтому не только «обзорные» главы, но и нечастые вкрапления в «чисто художественные» главы фрагментов текста (ничуть не менее художественных), в которых повествователь номинально совпадает по точке зрения в плане идеологии с реальным автором, несколько не ослабляют полифонизма «Красного Колеса» в целом. Идеологическая точка зрения, номинально представляющая в солженицынской эпопее мнение реального автора, обладает такими же правами на истину, как и идеологическая точка зрения любого из персонажей, а критерием истинности или ложности того или иного субъективного восприятия событий оказывается не соответствие или несоответствие этого восприятия точке зрения реального автора, что, к примеру, характерно для гомофонического художественного мира Л. Толстого, но *соответствие или несоответствие подлинной жизненной реальности*. Причем решение вопроса о степени адекватности того или иного перцептивного мира миру реальному предоставлено читателю. Точка зрения на эту проблему самого Солженицына (реального автора) ощутима в произведении лишь опосредованно — через проявляющуюся время от времени ироническую окраску текста, посвя-

щенного тому или иному персонажу. Дискурсивная маска имплицитного автора в этом случае частично сдвигается³⁶ и иронический дискурс, выражающий точку зрения реального автора, вступает с дискурсом имплицитного автора (выражающего точку зрения персонажа в плане идеологии, психологии и, частично, фразеологии) в диалогические отношения³⁷.

Однако часто точка зрения реального автора почти неопределима. По словам И.Б.Роднянской, прочитав «Апрель Семнадцатого» (четвертый, последний «Узел» «Красного Колеса»), мы убеждаемся «в полном отказе Солженицына от знаменитого толстовского всеведения, от, пользуясь термином Бахтина, «авторского избытка» по отношению к сознанию и кругозору персонажей. <...> Автора не видно нигде — ни на романых «небесах», над взаимодействием лиц, ни в щелях между обрывками газетных сообщений и документальных цитат <...>». При этом исключением «оказывается одно-единственное появление автора». Но как... биографического автора, когда Солженицын упоминает в скобках о своей встрече с 95-летним В.В.Шульгиным в 1960-х годах (см.: 5, т.10, с.144). И это, замечает Роднянская, лишь «подчеркивает отсутствие авторской фигуры во всех прочих ситуациях» (69, с.11). К похожим выводам относительно проблемы авторского присутствия в «Апреле Семнадцатого» пришел и Ж.Нива: «Я долго и даже отчаянно — искал <...> в этом лабиринте зеркал точку зрения автора. К моему удивлению, — добавляет французский исследователь, — я понял, что ее нет, что она почти исчезла. Каждый раз, когда я ее улавливал, она ускользала. И приходилось приписывать ее одному из персонажей» (58, с.289). Жоржу Нива хотелось бы более прямого выражения точки зрения реального автора, однако, солженицынская полифония основана на равноправии индивидуальных точек зрения, которые борются за первенство в сознании имплицитного читателя, поэтому наличие или отсутствие дискурса, прямо выражающего точку зрения реального автора, не имеет принципиального значения для общей полифонической картины. Наличие такого

---

³⁶ Т.Г.Винокур еще в 1965 году обратила внимание на использование подобного приема в «Одном дне Ивана Денисовича» (см.: 26, с.17-18).

³⁷ На наличие диалога между голосом Солженицына и голосами персонажей «Красного Колеса» указал А.М.Ранчин (см.: 68, с.180-184).

дискурса означает, что писатель использует прием метапозиции – рассмотрения своей собственной точки зрения на равных правах с иными точками зрения (см.: 67, с.353). Метапозицию мы встречаем, в частности, и у Достоевского. Так, А.Н.Хоц отмечает, что у Достоевского «авторский смысл в полифоническом столкновении – первый среди равных» (79, с.38), и это нисколько не мешает полифоническому взаимодействию идей.

Вместе с тем необходимо уточнить смысл самого понятия «полифония» применительно к творчеству Достоевского, поскольку это понятие весьма часто трактуется сугубо релятивистски. Идеологическое «равноправие» в романах писателя отнюдь не свидетельствует об авторской «нейтральности» или безразличии к происходящему. Так, например, по словам сотрудницы ИРЛИ (Пушкинского Дома) Н.Ф.Будановой, «внимательный читатель романа «Братья Карамазовы» понимает, что в итоге автор на стороне Алеши и Зосимы, а не на стороне Ивана и Великого инквизитора, хотя и у Ивана есть своя правда» (22, с.7). При этом «основное несогласие» исследовательницы вызывает «вывод М.М.Бахтина о «равноправии» в романе Достоевского «голоса» автора и «голосов» его героев. «Равноправие» <...>, – по мнению Будановой, – состоит лишь в том, что автор (Достоевский), согласно своей художественной установке («рожу сочинителя» не показывать), нигде прямым «монологическим» вмешательством эти голоса не заглушает и предоставляет им полную свободу. Однако «голос» автора тверже и авторитетнее «голосов» его раздвоенных героев <...>» (там же).

Вероятно, точнее было бы сказать так: «равноправие» между идеологическими точками зрения Достоевского и его героев на начальном этапе развертывания текста все же существует. Писатель дает возможность своим героям-идеологам высказать и обосновать свои идеи с максимальной степенью убедительности. Но затем, по удачному выражению Ю.В.Манна, «в глубинах» повествовательной системы Достоевского «возникает подспудное и определенным образом направленное течение, нечувствительно увлекающее мысль и воображение читателя» (54, с.46). Невозможно не согласиться с Т.И.Орнатской и В.А.Тунимановым, которые считают, что «<...> в «диалогизированном» творчестве Достоевского исключительно велика роль авторской точки зрения, которая является в конечном счете определяющей и

торжествующей, хотя она и не навязывается прямо, публицистически, а сложным, диалектическим, иногда «прикровенным» образом художественно проводится и утверждается» (63, с.175). В свете этого весьма важным является уточнение В.В.Кожина: «<...> в художественном мире Достоевского равноправен с героями именно *голос автора*³⁸, а отнюдь не сам *автор*³⁹, не Ф.М.Достоевский, который создал всех этих героев и которому всецело принадлежит смысл художественного мира «в его последней инстанции» — смысл, соотносимый с *бытием*, а не с сознаниями героев» (43, с.254). Поэтому, по мысли Кожина, «последний, конечный смысл художественного мира, созданного Достоевским, относится к *бытию*, а отнюдь не к “равноправным *сознаниям*” героев, которые представляют собою всего лишь отдельные порождения бытия» (там же, с.253-254). И это, считает исследователь, опровергает широко распространившееся представление о принципиальном релятивизме художественного мира Достоевского (см.: Там же, с.252). Такое понимание полифонии в творчестве Достоевского Кожин выводит из различных высказываний Бахтина, подчеркивая, что «согласно точке зрения» последнего, «в художественном мире Достоевского, взятом в его глубоком и целостном существе, нет никакого релятивизма» (там же, с.255).

Однако тексты Бахтина не позволяют говорить об этом столь однозначно. Как известно, первооткрыватель полифонии отрицал релятивность художественного мира романов Достоевского (см.: 19, с.276), но вместе с тем утверждал, что диалог для писателя есть «самоцель»: «Всё средство, диалог — цель» (там же, с.473). Очевидно, здесь мы сталкиваемся с неразрешимым противоречием, поскольку, если диалог — самоцель, то аксиологический релятивизм абсолютно неизбежен. Именно такое понимание творческого наследия Бахтина и привлекло к нему постструктуралистов, деконструктивистов и постмодернистов (см.: 45; 39, с.128; 38, с.113, 184). Вместе с тем, возможно, Бахтин вполне сознательно несколько «релятивизировал» свою концепцию, чтобы таким образом снять вопрос о конечном и высшем смысле использования Достоевским полифонической композиционной структуры. По свидетельству С.Г.Бочарова, Бахтин на склоне лет го

---

³⁸ Точнее было бы сказать: голос *образа автора*. — П.С.

³⁹ То есть реальный автор (автор-творец). — П.С.

ворил, что в своей книге о Достоевском он, находясь в условиях жесточайшей советской цензуры, «оторвал форму от главного. Прямо не мог говорить о главных вопросах», то есть «о том, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим» (21, с.71-72). Трудно сказать, как именно выглядела бы теория полифонического романа в творчестве Достоевского, если бы Бахтин имел возможность выражать свои идеи абсолютно свободно, но в то же время, очевидно, что его концепция полифонии нуждается в определенных уточнениях и антирелятивистских коррективах. Хочется надеяться, что в ближайшее время появится научная работа, в которой это будет сделано.

Общеизвестны слова Достоевского о том, через какое «большое горнило сомнений» прошла его вера (32, т.27, с.48). В этом писатель видел доказательство ее неслучайности и онтологической оправданности. И полифония в романах Достоевского проводит читателя через точно такое же горнило сомнений, где в полную силу и с максимальной убедительностью говорят не только герои-идеологи, но иногда и отнюдь не метафорические *бесы*, чтобы читатель, видя страшные, подлинно трагические последствия этих сомнений, отшатнулся от разверзающейся перед ним духовной бездны и смог бы *сам* внутренне все эти сомнения преодолеть. Можно сказать, что, показывая гибельные последствия притяия тех или иных искушений, писатель использует метод доказательства от противного. Но при этом он не «давит» на читателя и не пытается навязать ему сторону Бога, а не дьявола. Просто *само бытие* в романах Достоевского свидетельствует о тупиковости «бесовского» пути для человечества и о глубинной онтологической правоте христианства. Сама художественная реальность оказывается здесь мощным противовесом псевдорелятивному равноправию в сфере идей. Достоевский, таким образом, может быть назван создателем нерелятивистского, созидательного плюрализма, цель которого — не бесконечное диалогическое саморазвитие идей (это всего лишь средство), но стремление побудить читателя свободно и добровольно выбрать лично для себя приближение к Высшей Истине, то есть ко Христу.

Очевидно, что полифония Достоевского и полифония Солженицына значительно отличаются друг от друга. Полифония Достоевского — это *полифония идей*. Центральные герои романов Достоевского — герои-идеологи, и, по словам Бахтина, «если отмыслить от

идею, в которой они живут, то их образ будет полностью разрушен. Другими словами, образ героя неразрывно связан с образом идеи и неотделим от него» (19, с.293). Образы этих персонажей – во многом порождение диалогически расщепленных интериндивидуальных и интересубъективных идей. Именно поэтому индивидуальные дискурсы героев-идеологов Достоевского столь мало дифференцированы (см.: Там же, с.294, 300-301, 395). Совершенно противоположная ситуация в «Красном Колесе» Солженицына, где, как отмечает рецензент парижской газеты «Монд» Филипп-Жан Катенши, литературный материал столь дискурсивно разнороден, что французские переводчики были вынуждены разделить текст в зависимости от своих индивидуальных возможностей: «Тот занимается уличными сценами и толпою, этот – подлинно шекспировскими фигурами царя и его близких. Словно одно перо не могло, не сглаживая, выразить всю фактуру и силу контраста, которыми энергия и жизненная сила автора наделяют литературный шквал «Красного Колеса»...» (42), – добавляет французский рецензент. И это, конечно же, не случайно. Глубочайшая дискурсивная неоднородность этого произведения порождена его аукториальной неоднородностью, поскольку, в отличие от полифонии идей у Достоевского, солженицынская полифония – это *полифония перцептивных миров* (или, иначе, *полифония индивидуальных восприятий*) и полифоническое столкновение происходит здесь главным образом не на идеологическом уровне, а на уровне сопоставления взаимоисключающих субъективно-индивидуальных миров персонажей, существующих в одной и той же жизненной реальности. Причем перед имплицитным читателем стоит задача не только воссоздать реальную картину, всякий раз искаженную индивидуальным восприятием данного конкретного персонажа, но и осознать каждое субъективное искажение реальности как часть самой этой реальности, поскольку поведение персонажей во многом обусловлено именно субъективными особенностями их перцептивных миров. Таким образом, полифоническое многоголосие, имманентное художественной структуре «Красного Колеса», позволяет изобразить события начала XX века во всей их сложности и противоречивости, и используемый Солженицыным прием метапозиции дает возможность писателю, не отказываясь от выражения своей точки зрения, сопоставить ее с иными точками зрения, выраженными столь же убедитель-

но и тоже как «авторские» (точки зрения имплицитных авторов). И это, по замыслу Солженицына, позволяет приблизиться к постижению жизненной реальности во всей ее сложности и глубине (в частности, и метафизической).

В статье «Размышления над Февральской революцией» /1980-1983/ Солженицын, говоря о феномене революции, подчеркивал: «Э т о должно было грянуть над всем обезбожившим человечеством. Э т о имело всепланетный характер, если не космический» (11, т.1, с.502). А в статье «Черты двух революций» /1984/ писатель отметил: «Приоткрывает нам большая революция и такие глубины бытия, которые сомнительно назвать просто физическими. И которые доныне услеживаются лишь немногими» (там же, с.537).

Подлинный глубинный смысл жизненной реальности, изображенной в солженицынской эпопее, сверхисторический и надполитический. Истинная содержательная сущность этого произведения – изображение онтологической катастрофы. И релятивизм, к которому отчасти тяготеет всякая полифония, преодолевается в «Красном Колесе» онтологически: над всеми без исключения точками зрения персонажей стоит не точка зрения реального автора, «самая правильная», но – точка зрения Бога, которая ощутима в символической значимости самой жизненной реальности, воссозданной в этом произведении. И эта, лишь частично умопостигаемая точка зрения Творца – только она – оказывается заведомо выше любой субъективности.

По словам писателя, «мы не разговариваем с Богом, мы только ощущаем его присутствие, Господь всё время посылает нам энергию жизни» (там же, т.3, с.435). «Каждый из нас получает духовную поддержку ежедневно, – говорит Солженицын, – и тот, кто чувствителен к этому, эту поддержку слышит. Доступно каждому её слышать. У всех у нас эта поддержка есть» (там же, с.192). Писатель убежден: ощущение, что ты находишься «как бы под взглядом Бога», в принципе «доступно каждому человеку. Если он не даёт себя замотать суетой ежедневной жизни» (там же, с.191).

В свете этого бесосновательным представляется утверждение Жоржа Нива о том, что, начиная с «Марта Семнадцатого», третьего «Узла» «Красного Колеса», «в солженицынском мире начинается уход сакральности из космоса, ее замыкание в храме» (58, с.288). Французский исследователь считает, что здесь «потеряно ощущение «вер-

тикальности» истории» (там же, с.289) и «властвует парадокс: гипертрофия документального и атрофия символического» (там же, с.287). Однако дело в том, что сама оппозиция «документальное – символическое» применительно к творчеству Солженицына теряет смысл. Выше, в разделе «Онтологическая символика» было показано, как писатель обнаруживает глубинную метафизическую значимость самой жизненной реальности, которую он стремится воссоздать со скрупулезной точностью. Солженицын принципиально расширяет границы художественности, заставляя нас видеть в документально точном повествовании не только позитивистскую «горизонталь», но и религиозно-онтологическую «вертикаль». В то же время сегодняшнее «традиционное» читательское восприятие заведомо не предполагает наличие художественности и метафизической глубины в тексте, ориентированном на максимально точное воссоздание подлинной жизненной реальности. Отсюда – широко распространенное предвзято-негативное отношение к столь непонятному для многих художественному новаторству Солженицына. К сожалению, этого не избежал даже и такой знаток творчества писателя, как Жорж Нива.

«Красное Колесо» буквально переполнено онтологической символикой, которая свидетельствует о существовании в подлинной жизненной реальности Высшей Силы, наивысшей точки отсчета. В отличие от полифонии Достоевского, художественная реальность «Красного Колеса» не является плодом авторского вымысла и поэтому ее антирелятивистская художественная функция не оказывается столь прямо связана с идеологической точкой зрения реального автора. Поэтому противовесом сложнейшему псевдорелятивистскому многоголосию становится здесь не вымышленная художественная реальность, а сама жизнь во всей ее сложности и многообразии, и это позволяет Солженицыну добиваться подлинно эпического эффекта писательского самоустранения, на который так или иначе указали И.Б.Роднянская и Ж.Нива.

В «Красном Колесе» религиозно-онтологическая перспектива оказывается столь важной еще и потому, что, при все более усиливающемся писательском самоустранении, центробежной композиционной структуре и калейдоскопической смене множества имплицитных авторов, выражающих точки зрения персонажей, особое значение приобретает существование единой точки отсчета, а следови

тельно, и единой «шкалы», если воспользоваться термином из Нобелевской лекции Солженицына (см.: 11, т.1, с.13-15). И этой высшей точкой отсчета является в художественном мире Солженицына отнюдь не автор-творец, не создатель художественного текста, а лишь Сам Бог – Тот, Кто сотворил ту самую жизненную реальность, которую писатель частично воссоздает в своих произведениях.

Генрих Бёлль еще в 1969 году сравнивал художественную структуру романа Солженицына «В круге первом» с собором и с готической розеткой (см.: 20, с.229, 231). Несколько видоизменив эти сравнения, можно было бы сказать, что на композиционном уровне «Красное Колесо» напоминает внутреннюю структуру готического собора, где множество линий, казалось бы не зависимых друг от друга, соединяются в наивысшей точке храма, в замке свода. Все они связаны между собой «вертикально». Нечто подобное мы видим и в солженицынской эпопее: всех героев «Красного Колеса» объединяет скрытая онтологическая перспектива – предстояние перед Богом. Субъективно ощущаемое или не ощущаемое, оно, по замыслу Солженицына, имманентно бытию как таковому. И полифоническая свобода персонажей от диктата реального автора не означает их свободы ни от жизненной реальности, ни от ответственности перед Богом. Именно поэтому глубинным смысловым ядром «Красного Колеса» является не познание имплицитным читателем мыслей реального автора и тем более не постмодернистская свобода в игре, которую приписывает Солженицыну Виктор Живов (см.: 33, с.248), но познание соотносительности в бытии человеческой свободы и Промысла. И это не случайно: сочетание псевдорелятивной «свободы» персонажей и глубинной онтологической осмысленности и религиозной иерархичности художественного мира является важнейшим формообразующим признаком полифонии как таковой.

РАССКАЗЫ 1990-х ГОДОВ («ЭГО», «НА КРАЯХ», «АБРИКОСОВОЕ ВАРЕНЬЕ»)

Александр Исаевич Солженицын уже давно, с 1966 года не публиковал новых рассказов. Писателю, целиком и полностью поглощенному работой над грандиозной по замыслу и исполнению эпопеей «Красное Колесо», было явно не до малой эпической формы, некогда столь им любимой. И вдруг – через 29 лет – в 1995-1996 годах в журнале «Новый мир» и в «Литературной газете» снова появились рассказы, в которых необыкновенная яркость и нетривиальность языка, виртуозное владение словом свидетельствуют о высочайшем уровне писательского мастерства. Вот, например, отрывок из рассказа «Эго» /1994/:

«...После пролёта боя лежит убитый, головой в ручье. А лошадь – печально стоит, часы, возле мёртвого хозяина... А по травмам перескакивает трясогузка...» (14, с.17).

В этом описании эпизода гражданской войны даже неясно, кто убит, представитель какого «лагеря». Просто смерть. И тишина. И непонятно – то ли в действительном ручье лежит голова убитого, то ли это ручей из его собственной крови. И тихое подрагивание хвостика трясогузки...

Но когда мы говорим о художнике масштаба А.И.Солженицына, не всегда хочется специально выделять мастерство, язык и т. п. Слишком значительно то, о чем он пишет: психологическая и философская глубина этой прозы не позволяет подойти к ней с эстетской «меркой».

“Два рассказа” – “Эго” и “На краях” /1994/ – это мини-цикл о феномене человеческого «я», о месте «я» в истории и о преломле-

нии истории в «я». Оба произведения тесно взаимосвязаны. Первые части каждого из них повествуют почти об одном и том же — об Антоновском восстании 1920-1921 гг. Но видим мы его с двух диаметрально противоположных жизненных позиций — глазами скромного земца-кооператора и народника Павла Васильевича Эктова («Эго») и всемирно прославленного советского маршала Георгия Константиновича Жукова («На краях»). При этом повествовательная структура в обоих рассказах та же, что и в «Одном дне Ивана Денисовича»: образ автора совпадает с главными героями по идеологической, психологической и, частично, фразеологической (языковой) точке зрения (см. выше, в разделе «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор»: особенности проблематики и художественной структуры), что позволяет полнее и глубже проникнуть в индивидуальные миры обоих персонажей, чья субъективность становится «авторской», ибо исходит не только от них самих, но и от образа автора. И конечно, то, как Эктов и Жуков воспринимают крестьянское восстание, говорит о них самих ничуть не меньше, чем об этом событии. Историческая реальность здесь одна, только вот люди — разные.

Первоначально Солженицын собирался включить изображение Антоновского восстания в «Красное Колесо» (см.: 5, т.10, с.684-689, 693), но затем отказался от своего замысла. А уже написанные главы, посвященные этому историческому событию, со временем трансформировались в рассказы. Причем автор не только не затушевывает их связь с «Красным Колесом», но сознательно ее подчеркивает: в рассказе «Эго» в качестве участников восстания упоминаются герои эпопеи — Петр Токмаков, Терентий Чернега и Арсений Благодарёв (см.: 8, с.16). И как раз близость этих двух солженицынских рассказов «Красному Колесу» демонстрирует ошибочность идеи Владимира Новикова, который в своей в целом весьма убедительной рецензии на рассказы «Эго» и «На краях» утверждает, что «от тугих идейных “узлов” “Красного Колеса”, от политической глобальности писатель вдруг повернул к конкретным человеческим переживаниям» (10). «Конкретных человеческих переживаний» в «Красном Колесе» не меньше, и проблема соотношения человеческого «эго» и истории там стоит так же остро, как и в «двух рассказах».

Главный герой первого из них оказывается в рядах восставших крестьян. Всегдашнее сочувствие народной боли, нуждам народ-

ным естественно приводит его к такому выбору. Человек образованный и интеллигентный, Павел Васильевич не может не видеть, что повстанцы обречены, и поэтому, думая о будущем, выбирает себе псевдоним. Выбирает случайно, по созвучию: Эктов — Эго. Но, и это очень характерно для художественного мира Солженицына, «случайное» оказывается провиденциально значимым. И когда Эго попадает в руки чекистов, а те шантажируют его угрозой расправы над женой и дочерью, Павел Васильевич не выдерживает и соглашается предать восставших крестьян ради спасения своей семьи.

«Пожертвовать женой и Маринкой, переступить через них — разве он мог?»

За кого ещё на свете — или за что ещё на свете? — он отвечает больше, чем за них?

Да вся полнота жизни — и были они» (8, с.24).

Полнота его жизни. Изначальная мотивация предательства оказывается в конечном счете эгоистической: служение себе, своему человеческому «эго», точнее, стремление к счастью. И здесь возникает тема очень важная для Солженицына и всего его творчества. Еще в 1978 году в Гарвардской речи писатель подчеркивал опасность восходящей к возрожденческому гуманизму концепции, согласно которой для человека нет «задач выше земного счастья». Эта концепция основана, по Солженицыну, на ренессансном представлении «о человеке как го центре существующего», на признании автономности «человека от всякой высшей над ним силы. <...> Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободно» (11, т. 1, с.324). В рассказе «Эго» показано, как безрелигиозно-гуманистическое сознание главного героя оказывается источником предательства. Но показано это не прямо, а в скрытой, завуалированной форме. И действительно, если исходить из концепции, согласно которой высшей задачей и смыслом существования человека является обретение земного счастья, то угроза телесной гибели делает счастье недостижимым, что бы мы ни понимали под ним. Получается, что с безрелигиозно-гуманистической точки зрения предательство Эго неизбежно и даже оправданно.

А за предательством следует катастрофа. Эктов соглашается «быть проводником при кавалерийской бригаде знаменитого Григо-

рия Котовского» и затем, выдавая котовцев за восставших против коммунистического правления казаков, добиться их «соединения» с еще не разгромленным большевиками отрядом антоновцев, которым командует Иван Сергеевич Матюхин, бывший соратник Эго. И когда Павел Васильевич под бдительной охраной чекистов приводит отряд Котовского в лагерь повстанцев, а затем встречается с Матюхиным и обменивается с ним рукопожатием, эта сцена приобретает особый, символический смысл.

«Иудина ломота в руке! Кто эти муки оценит, если не испытал?...» (14, с.26). Мотив предательства Иуды здесь возникает отнюдь не случайно. Душа Павла Васильевича не может выдержать того, на что согласился рассудок. И когда чекисты и котовцы внезапно начинают расстреливать «союзников», Эктов мечтает уже лишь о скорой смерти, «хоть из нагана, хоть саблей» (там же, с.27). Душа (индивидуальность) не выдерживает бремени «эго» (личности): волей-неволей герой начинает ощущать, что есть вещи более значительные, чем счастье.

В начале рассказа вскользь упоминалась точка зрения Эго на «отвлекающую» проповедь «сельских батюшек» (там же, с.12). Гораздо важнее, по мысли героя, помощь крестьянину «в любой реальной форме», например в форме кредитной кооперации (там же). Вскользь упоминалось и о том, что «Павел Васильевич всем своим воспитанием и гуманистической традицией был всегда всей душой против всякого кровопролития» (там же, с.15), но теперь, когда следование этой традиции привело его к роли Иуды, возникает естественный вопрос, а не была ли «проповедь сельских батюшек» той самой *реальной* помощью, без которой герой попадает в капкан собственного мировоззрения. Ведь с христианской точки зрения высшая задача и смысл существования человека – отнюдь не земное счастье, но спасение души через покаяние и духовное возрастание. Эго об этом, конечно, не думает, но душа, как говорил Тертуллиан, по природе христианка.

Тяжкое душевное состояние Эго усугубляется еще и тем, что его предательство оказывается вдобавок ко всему – бессмысленным. Выясняется, что матюхинцы собирались напасть на концлагерь, где содержатся семьи повстанцев, и освободить их, а следовательно, и семью Эктова. Получается, что Эго погубил и свою семью и себя (постепенно до его сознания доходит, что, как только он перестанет быть

нужным чекистам, те его, скорее всего, просто убьют). Однако открытый финал рассказа не оставляет ощущения мрака и безысходности. Пока Этков жив (а о его дальнейшей судьбе мы так ничего и не узнаём), для него открыт путь покаяния, путь «нравственного возвышения», и именно в этом, а вовсе не в достижении земного счастья, как подчеркивал Солженицын в Гарвардской речи, подлинный смысл и цель человеческого существования (см.: 11, т.1, с.327).

Рассказ «На краях» так же, как и рассказ «Эго», посвящен взаимодействию личности и истории. Но если в «Эго» большее внимание уделено религиозно-нравственной проблематике, то в «На краях» подробнее выписаны психологические детали портрета главного героя. В то же время Жуков показан на широком историческом фоне. В рассказе использовано огромное количество исторических реалий, у всех персонажей есть конкретные прототипы. В этом проявляется характерный и для других произведений писателя документализм, особое доверие к реальности и особое понимание места человека в истории. По Солженицыну, не столько история формирует человека (хотя есть и это), сколько человек сам в соответствии со своими склонностями находит себе историческую нишу и живет в ней. Для Жукова таким местом оказалась армия, но нашел он эту нишу не сразу.

«Ёрка Жуков, сын крестьянский, с 7 лет поспевал с граблями на сенокосе, дальше — больше в родительское хозяйство, в помощь, но и три года церковно-приходской кончил, — потом его отдали в саму Москву к дальнему богатому родственнику, скорняку, мальчиком-учеником. Там он и рос — и в прислуге, и в погонках, и в работе — так, помалу, определился к скорняжьему делу. (Кончив учение — снялся в чёрном костюме чужом и в атласном галстуке, послал в деревню: “мастер-скорняк”!)» (7, с.28).

Так начинается рассказ «На краях». Этот текст напоминает начало чеховского рассказа «Ванька»: Ванька и Ёрка Жуковы здесь явно сопоставляются. Они оказываются в близкой ситуации, причем оба писателя видят беду своих героев в том, что мальчиков отдали в город учиться ремеслу. Но если А.П. Чехов беду Ваньки видит в его социально угнетенном положении, то А.И. Солженицын беду Ёрки видит в отрыве его, сына крестьянского, от крестьянства. К тому же если у писателя XIX века основное внимание сконцентрировано на безыс-

ходности ситуации, то писатель XX века видит и будущее героя. Конечно, Ёрке было трудно, но в конце концов он и сам стал мастером.

«<...> Я очень люблю Чехова, очень» (4, с.160), — подчеркивал писатель в беседе с Витторио Страдой. С Чеховым позднего Солженицына сближает нелюбовь к прямому высказыванию авторской позиции. В то же время мировоззренчески Солженицыну близок не Чехов, а скорее Достоевский, поэтому скрытая полемика с Чеховым здесь неувидительна.

В 19 лет Ёрку призывают на германскую войну, и вдруг обнаруживается, что именно война — его призвание. В 1918 году Жуков был мобилизован в Красную армию, и эта ниша оказывается для него опять-таки вполне подходящей. А затем начинается стремительное возвышение. Герой рассказа занимается главным образом «ликвидацией банд», иначе говоря, борьбой с восставшими против правления большевиков крестьянами. Происходит удивительное: он, «сын крестьянский», совершенно искренне не понимает, почему эти мужики «так схватились против своей же советской власти» (7, с.29). Ни тени сочувствия крестьянам, ни понимания их жизни у Жукова к тому времени не осталось. «Пробандиченные деревни сжигали нацело. Оставались остовы русских печей да пепел» (там же, с.30).

Через весь рассказ проходит мотив предательства. Сначала Ёрка Жуков, сын крестьянский, предает крестьян, затем крестьяне под угрозой расстрела выдают повстанцев, а командарм Тухачевский, поляк, приезжает подавлять Антоновское восстание, «только что расквитавшись с Польшей» (там же, с.31)... Одно предательство громоздится на другое, они растут, как снежный ком, как лавина, но Жуков не обращает на это внимание. Он, как и его любимый командарм Тухачевский, жаждет славы и власти. И когда приходит подписанный Тухачевским приказ, согласно которому восставших крестьян, прячущихся в лесах, предписывается уничтожать ядовитыми газами, реакция героя рассказа показательна: «Слишком крепко? А без того — больших полководцев не бывает» (там же, с.33).

И на этой дерзкой, властной и гордой ноте первая часть рассказа заканчивается.

А дальше — мы видим Жукова в отставке, в жизненном поражении. «Славы — как не бывало. Власти — как не бывало» (там же, с.45). Он, всемирно прославленный полководец, остался «на краях»

и того и другого. «Считается, что с семидесяти лет вполне уместно и прилично писать воспоминания. А вот досталось: начал на семь лет раньше» (там же, с.34).

Здесь очевидна символика чисел: Ёрка начал помогать родителям с семи лет, а время вынужденного бездействия пришло к Георгию Константиновичу за семь лет до «нормативного» библейского срока человеческой жизни. «Дней наших семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет» (Пс. 89: 10). Период активной жизнедеятельности героя рассказа ограничен с двух сторон, с двух временных «краев» сакральным числом семь.

И именно сейчас Жуков с особой остротой ощущает, как тяжело, когда тебя предают... Но как раз в этой, столь мучительной для него ситуации раскрываются лучшие черты Жукова-человека: бесхитростная прямота, честность, верность в дружбе, способность прощать обиды.

Жуков работает над мемуарами, не держа зла ни на кого, стараясь писать только «истинную правду». Но дело в том, что и *сама правда*, с точки зрения героя рассказа, «как-то с течением времени неуклонно и необратимо меняется» (там же, с.48). Для Жукова, убежденного коммуниста, это естественно, но его верность партии оборачивается конформизмом, что проявляется и при написании мемуаров: «<...> не сам ты пишешь, что на сердце, – а что *пройдёт*» [через цензуру. — П.С.] (там же, с.49). Сознание героя рассказа противоречиво. Так, например, Жуков всегда ощущал себя бесхитростным и прямодушным солдатом, но к настоящим, действительным солдатам был безжалостен (научился у Сталина не считаться с людскими потерями). Вообще, Сталин для Жукова, как и для большого числа его современников, был и остался объектом преклонения (показательны прописные буквы: Он, Ему, Его). В частности, и в этом проявляется историзм солженицынского повествования.

В обоих рассказах, вопреки устоявшемуся мнению о Солженицыне как о морализаторе, нет каких бы то ни было авторских деклараций или оценок происходящего. Более того: автор «от себя» вообще не говорит ни слова. В обоих произведениях безраздельно господствует точка зрения главного героя, и соотносится эта точка зрения не с солженицынской оценкой происходящего, а с исторической реальностью, в которой герою приходится существовать. Такое автор

ское самоограничение особенно характерно для позднего периода творчества Солженицына (начиная с «Красного Колеса»). Показательна в этом смысле раздраженная реакция Жоржа Нива, который упрекает писателя за то, что в четвертом «Узле» эпопеи «Красное Колесо» невозможно определить, что думает о происходящем сам автор (см.: 58, с.289). Французскому исследователю хотелось бы прямого и определенного выражения авторской позиции, однако Солженицын доверяет подлинной жизненной реальности куда больше, чем какой бы то ни было человеческой точке зрения, даже своей. Именно поэтому писатель не дает «от себя» никаких оценок, в частности и той нескончаемой веренице предательств, которая изображена в этих двух рассказах. А Жуков, во многих отношениях столь симпатичный, — Жуков, так никогда и не осознавший того, что он крестьян предал, — Жуков, которого многократно предавали самого: и Сталин, и Хрущев, и многочисленные бывшие соратники, маршалы и генералы, — Жуков, больной, почти всеми покинутый и преданный, в финале рассказа «На краях» сокрушается о том, что в свое время не решился на военный переворот, не решился предать Хрущева...

Круг замкнулся.

Теперь, казалось бы, все ясно. Однако мотив военного переворота осмысливается Солженицыным еще и в историческом контексте...

Жуков вспоминает, как в свое время некоторые генералы «подступали» к нему, да и «не один раз», и спрашивали: «Так не пришла ли пора, Георгий Константиныч...?»

Он, конечно же, отказался: разве такое допустимо, «если ты коммунист?» (7, с.46). Но и теперь, в конце жизни, возвращаясь к мысли о несостоявшемся перевороте, бывший министр обороны СССР видит в этой упущенной им возможности изменить ход отечественной истории лишь одно: новый виток с о б с т в е н н о й, и без того блестящей карьеры. Вот ведь «коллега-Эйзенхауэр» тоже после войны был главнокомандующим (тогда с ним у Жукова «завязалась как бы дружба»), а потом — «ишь ведь, уже Президент!» (там же, с.43, 45). Советскому маршалу даже и в голову не приходит, что он мог бы попытаться освободить Россию из тоталитарного коммунистического плена... Да и зачем? Ведь он — коммунист!

Никакого другого, более высокого смысла, чем личное воз-

вышение, Жуков в идее насильственного захвата власти попросту не видит, но зато этот смысл очевиден для Солженицына. В книге «Бодался телёнок с дубом» писатель, вспоминая вечер в ЦДЛ 20 октября 1965 года, на котором чествовали Жукова, замечает: «При всяком упоминании его имени, а это было раз пять-шесть, в зале вспыхивали искренние аплодисменты. Московские писатели демонстративно приветствовали опального маршала! Струйка общественной атмосферы... Но к добру ли она льётся? Несостоявшийся наш де Голль сидел в гражданском чёрном костюме и мило улыбался. Мило-мило, в холоп, как все маршалы и все генералы. До чего же пала наша национальность: даже в военачальниках — ни единой личности» (2, с. 129), — с горечью заключает писатель. На роль «нашего де Голля» Жуков явно не подходил. Очевидно, что понятие «выдающаяся личность» связано для Солженицына с осознанием личной ответственности за собственные действия, за то, что происходит вокруг, и в особенности — за судьбу России. Но как раз этой-то ответственности советскому маршалу, по мысли писателя, и не хватало. Отсюда — бескомпромиссная жесткость солженицынской оценки личности Жукова в мемуарно-публицистической книге «Бодался телёнок с дубом».

Иная, куда более сложная и намного менее однозначная картина — в рассказе «На краях». Художественно воссоздавая в этом произведении *почти всю жизнь* советского маршала (перед нами рассказ романного типа), писатель сознательно отказывается от прямолинейно-одномерных публицистических характеристик, показывая своего героя в различных ситуациях со многих сторон и постепенно выявляя все новые и новые грани его внешне простой, но, на самом деле, исключительно сложной и противоречивой индивидуальности. Нельзя не согласиться с Владимиром Новиковым, что «главный итог рассказа «На краях» <...> в том, что Жуков на наших глазах становится не «хуже» и не «лучше» — он становится ближе читателю» (61). Солженицын — поистине уникальный мастер исторического портрета, и в рассказе «На краях» это проявляется в полной мере.

Стоит обратить внимание и на то, что публикуя «Эго» и «На краях» в одном номере журнала, писатель снабдил их общим заголовком: «Два рассказа». У Солженицына не бывает случайных названий. Показательно, что даже и пространственная картина в этом мини

цикле организована параллельно. В первых частях обоих рассказов художественное пространство разомкнуто (это связано с ощущением свободы героев — Эктов и Жуков сами выбирают свои жизненные пути). Затем во вторых частях этих *двучастных рассказов* (термин А.И.Солженицына) художественное пространство замыкается и замедляется ощущение времени. Это связано с жизненным поражением, в результате которого Эктов оказывается в заключении, а попавший в отставку Жуков — на своей даче. При этом замкнутость личного пространства тягостна для обоих. Вырванный из активной жизни, из истории, каждый из них остается наедине со своей душой, со своим «эго». Это время горьких раздумий и попыток переосмысления своего жизненного пути.

Затем художественное пространство снова размыкается, но уже как чуждое и несвободное (Эктова везут для того, чтобы он предал матюхинцев, а опальный Жуков все более и более ощущает свою оторванность от всего, что происходит вокруг). Разомкнутость художественного пространства в солженицынском мини-цикле ассоциируется с пребыванием в истории, с историческим бытием, а значит — и с темой ответственности за совершаемое.

Но конечно, объединяет этот мини-цикл не только структура художественного пространства. С острой болью пишет Солженицын о страшной и горькой судьбе русской деревни. Это одна из важнейших, стержневых тем в творчестве писателя.

Неудивительно, что и в рассказе «*Абрикосовое варенье*» /1994/ Солженицын обращается к теме раскулачивания — уничтожения в советскую эпоху лучшей части русского крестьянства. И здесь символом растоптанной крестьянской культуры становится раскидистое абрикосовое дерево, на котором — «туча абрикосов каждый год». Но принадлежало это дерево семье «кулаков», так что «раскулачники» его и «порубали» (1, с.26). И когда герой рассказа, умирающий от непосильной работы, болезней и истощения в запредельных, абсолютно античеловеческих условиях «тылового ополчения», отправляет письмо знаменитому советскому Писателю (его прототип А.Н.Толстой) с просьбой прислать «посылку продуктовую» (там же, с.29), — оказывается, что того интересует в этом последнем крике погибающего человека лишь одно: богатый, первозданный, непридуманый русский язык.

И только.

А на столе у Писателя – чудесное абрикосовое варенье (не с того ли самого срубленного дерева?), и таким, как это варенье, с его «прозрачной янтарностью», «неожиданным цветом», где каждый плод лежит, «как сгущённое солнце» (там же, с.33-34), – именно таким и должен быть, по словам Писателя, литературный язык. Только варенья такого больше не будет: «кулацкое» абрикосовое дерево уже срублено (это символическая деталь). И языка такого тоже не будет: раскулаченному крестьянину, молившему Писателя о помощи, жить осталось, по словам врача, не больше двух недель. Перед нами символическая картина разрушения самих бытийных основ русской культуры и русской жизни – ни больше и ни меньше.

Остальное, казалось бы, достаточно просто и ясно: Солженицын осуждает бесчеловечное эстетство Писателя, декларирующего свою приверженность канонам социалистического реализма, и сочувствует одному из последних носителей уникальной культуры гибнущей *крестьянской Атлантиды*⁴⁰. Несомненно, так. Но не только.

Дело в том, что этот Писатель, автор *трилогии о Гражданской войне*, по всему складу своего художественного дарования удивительно напоминает самого Солженицына, создателя *тетралогии о революции*. Как и автор «Красного Колеса», Писатель является сторонником глубоко новаторской, незаштампованной русской речи, воспринять которую может «только ухо, не забитое книжностью» (там же, с.34). Даже у Тургенева Писатель обнаруживает «перелицованный французский» (там же, с.33) и, в противоположность этому, стремится к подлинно национальной колоритности русской речи. Его интересует «язык, на котором русские говорят уже тысячу лет, но никто из писателей не использовал» (там же) [как это похоже на Солженицына!].

Однако это соцреалистическое «языковое почвенничество» имеет и свою оборотную сторону. Вот что говорит Писатель своим гостям – профессору киноведения Василию Киприановичу и высокопоставленному литературному критику, бывшему рапповцу, Ефиму Мартыновичу (прототип последнего – Осип Мартынович Бескин):

---

⁴⁰ Выражение принадлежит Е.Б.Скороспеловой.

«Язык произведения – это просто всё! Если бы Лев Толстой мыслил так ясно, как товарищ Сталин, – он не путался бы в длинных фразах. Как стать ближе к языку народа? <...> знаете, что вывело меня на дорогу? Изучение судебных актов XVII века и раньше. При допросах и пытках обвиняемых дьяки точно и сжато записывали их речь. Пока того хлестали кнутом, растягивали на дыбе или жгли горящим венником – из груди пытаемого вырывалась самая оголённая, нутряная речь. И вот это – дымящаяся новизна!» (там же).

Писатель действительно талантлив и хочет, чтобы его творчество было подлинно национальным, народным, вот только народной боли он ни в малейшей степени не ощущает. Человеческое страдание для него лишь необходимое условие, чтобы извлечь «из груди пытаемого» бесценную «языковую находку» (там же, с. 34). Таким образом, Писатель оказывается целиком и полностью на стороне палачей, а его «приближение» к истязаемому народу превращается в бессердечное и безжалостное исследование народных воплей и стонов.

Но Солженицын отнюдь не ограничивается простым осуждением этой антинародной «народности». Увидев в Писателе черты, близкие к своей художественной индивидуальности, автор рассказа, не без некоторого внутреннего содрогания и ужаса, осознает происходящее как, увы, вполне реальную альтернативу собственной судьбе, от которой его спас лишь арест в 1945 году. Он, Александр Солженицын, тоже мог бы стать *советским* писателем, и тогда...

В книге «Архипелаг ГУЛАг» Солженицын писал: «И перед ямой, в которую мы уже собрались толкать наших обидчиков, мы оттанавливаемся, оторопев: да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они» (13, т.5, с.124). Говоря о своем «офицерском пути» и раскаиваясь в собственной гордости и высокомерии (см.: Там же, с.120-124), автор замечает: «Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был – вполне подготовленный палач. И попади я в училище НКВД⁴¹ при Ежове – может быть у Берии я вырос бы как раз на месте?..» (там же, с.124) – с горькой иронией

---

⁴¹ Туда в 1938 году звали Солженицына наряду с другими студентами Ростовского университета. Большинство отказалось, но некоторые согласились. «Думаю, что если б очень крепко нажали, – замечает Солженицын, – сломили б нас и всех» (13, т.5, с.119-120).

добавляет Солженицын. В частности, поэтому он и произносит такие, казалось бы, очень странные слова: «Благословение тебе, тюрьма, что была в моей жизни!» (там же, т.6, с.412). Солженицын благословляет ту самую неволю, которая уберегла его и от другой, внешне такой благополучной судьбы – стать элитарным советским писателем⁴², радостно прославляющим каждое слово Вождя, но зато слепоглухонемым, когда нужно написать хоть слово о нечеловеческих страданиях и медленной гибели того самого русского народа, который тебе, вроде бы, так дорог...

В заключение хочется сказать следующее. Новые рассказы Солженицына не просто дополняют наше представление о его творчестве. Писатель создал новую жанровую разновидность *двучастного рассказа*, продемонстрировав неожиданные художественные возможности этого жанра. Владимир Новиков отмечает: «Тематически эти рассказы связаны с прошлым, но по сути своей адресованы будущему.

Возвращаясь от солженицынских рассказов к основному потоку современной журнальной прозы, – продолжает Новиков, – ощущаешь вдруг ее фатальную устарелость. Всюду щеголяние стилем, всюду потуги на раскрытие своего собственного внутреннего мира. Только вот и стиль получается вроде как один на всех, и внутренний мир предельно стандартизирован <...>. Приходит естественный конец эгоцентрической прозе <...>. Новую же глубину сулит нелегкое искусство перевоплощения, упорного погружения в чужое “я”» (61), – подчеркивает критик, и с ним нельзя не согласиться.

Очевидно, что именно такой, подлинно эпический подход к чужому «эго» особенно близок Солженицыну. Перевоплощаясь в *другого*, ощущая чужое «эго» как свое собственное, писатель совершает этически чрезвычайно важный для него акт личного самоограничения, самостеснения. Это и оказывается дорогой в будущее.

---

⁴² «Страшно подумать, что б я стал за писатель (а стал бы), если б меня ни посадили», – подчеркивает Солженицын (2, с.10).

ЛЕКСИЧЕСКОЕ «РАСШИРЕНИЕ»

Лексика Солженицына удивляет. Быть может, первое, что бросается в глаза при знакомстве с любым произведением писателя – это появление большого количества «странных» слов. Вероятно, впервые на необычность солженицынской лексики указала (еще в 1965 году) Т.Г.Винокур, подчеркнувшая особую значимость работы писателя над словом (см.: 26). Уже тогда радикальный отход А.И.Солженицына от «общеобязательной» языковой «нормы» обратил на себя внимание. В то же время у читателя консервативного столь очевидный разрыв с языковыми «стандартами» мог вызвать (может вызвать и ныне) непонимание, даже раздражение. Показательна в этом смысле реакция А.И.Кондратовича, в 1961 году второго заместителя главного редактора «Нового мира», на рукопись «Одного дня Ивана Денисовича», тогда еще – «Щ-354»: «Взял Кондратович, и с первых же строк понял, что безымянный (подписана фамилия не была, тем я как бы замедлял враждебный ход событий) тёмный автор лагерного рассказа даже расстановки основных членов предложения толком не знает, да и слова-то пишет какие-то дикие. Пришлось ему карандашом исчеркать первую, вторую, пятую, восьмую страницу, возвращая подлежащие, сказуемые да и атрибуты на свои места. Но рассказ оказался весь до конца неграмотный, и Кондратович с какой-то страницы работу эту бросил» (2, с.25).

Возникает вопрос: почему Кондратович, человек, вне всякого сомнения, весьма просвещенный, столь грубо ошибся? По всей видимости, причина – не столько в его личных качествах, сколько в том, что солженицынская поэтика требует особого, обостренного восприятия, освобожденного от расхожих стереотипов языковой «нор-

мы». И тот порядок слов, та лексика, которые показались «дикими» второму заместителю главного редактора, необходимы. Они являются неотъемлемой частью авторского стиля, придают ему особую гибкость и динамизм, привносят уникальную, только Солженицыну присущую выразительность.

Данное исследование посвящено анализу «необычной» лексики эпопеи «Красное Колесо»⁴³. Вместе с тем лексическое «расширение», используемое в тексте тетралогии, характерно для художественной структуры всех без исключения произведений писателя. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению «необычных» слов солженицынской эпопеи, следует сказать о работе ее автора над лексикой современного русского литературного языка.

Сама ориентация Солженицына на «расширение» возможностей лексики отнюдь не случайна. Она связана с тем, что активный словарный запас современного русского языка сокращается. Некоторая «компенсация» за счет заимствования иностранных (главным образом английских) слов не только не смягчает остроту проблемы, но лишь засоряет язык, привнося в него морфемы, чуждые русской речи. Если против заимствования названий технический устроитель или научной терминологии возражать не приходится, то такие слова, как «уик-энд», «брифинг», «консенсус», «масс-медиа», «андерграунд», не только чужды русскому языку по звучанию, но и практически не вносят в него новой семантики. И особенно тревожно то, что нынешний наплыв такого рода неологизмов сопровождается стремительным сокращением синонимического богатства современной устной и письменной речи. Все это грозит крайним обеднением лексики, тотальным господством штампованного «новояза», грозит, наконец, самому существованию художественной литературы, которая в высшей степени *зависима от языка* и вне живого многообразия лексики существовать не может. Для России это особенно важно: русская культура литературоцентрична, а следовательно, находится под тем большей угрозой.

---

⁴³ Необходимо упомянуть о весьма распространенной ошибке: слово «Колесо» в названии эпопеи в большинстве работ, посвященных этому произведению, дано со строчной, однако сам А.И. Солженицын пишет его через прописную (проверено по наиболее авторитетным парижским и московским изданиям сочинений писателя).

Эта проблема волнует Солженицына давно. Еще будучи в изгнании, писатель в 1990 году выпустил в свет «Русский словарь языкового расширения» /1947-1988/. Это итог сорокалетней работы, направленной на возрождение лексического богатства современного русского языка. «Повышенное внимание, – указывал Солженицын в предисловии, – я уделял наречиям и отглагольным существительным, ценя их энергию. Я опирался на личное звуковое чутьё⁴⁴, примеряя, какие слова ещё не утратили своей доли в языке или даже обещают гибкое применение. <...> В этом словарном расширении мы встречаем слова сотен новых оттенков, непривычного числа слогов и ещё никем не употреблённых рифм» (15, с.4).

В основе солженицынского словаря – самая разнообразная лексика, в частности заимствованная из словаря В.И.Даля, но лишь та, которая, по мнению писателя, «имеет право жить» (там же, с.3), способна обогатить современный русский литературный язык семантически и стилистически. Кроме того, как отмечал Солженицын, здесь использован «словарный запас других русских авторов, прошлого века и современных (желающие могут ещё много найти у них, и словарь значительно обогатится); также исторические выражения, сохраняющие свежесть; и слышанное мною самим в разных местах, – но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» (там же, с.3).

«Лучший способ обогащения языка, – замечает Солженицын, – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств. Так и французы в начале XIX века (Ш.Нодье и др.) пришли к этому верному способу: восстанавливать старофранцузские слова, уже утерянные в XVIII веке» (там же).

Вера Валентиновна Карпович (Нью-Йоркский университет), автор самого серьезного и научно обоснованного исследования, посвященного солженицынской лексике (см.: 41; 83; 84), в связи с этим отмечает, что среди лексики, привносимой Солженицыным в современный русский литературный язык, не встречается иностранных слов» (41, с.255). А это, по мнению Б.О.Унбегауна, сближает язык Солженицына с «Языком Предельной Ясности», на котором пытается говорить один из героев солженицынского романа «В круге пер-

---

⁴⁴ Для Солженицына характерно повышенное внимание именно к звучанию каждого слова. – П.С.

вом» Сологдин (его прототип – Д.М.Панин). Сологдин стремится заменить *все* заимствованные слова – русскими, вводя в свою речь множество экзотично звучащих церковнославянизмов (см.: 97, р.93-94). В.В.Карпович, ученица Б.О.Унбегауна (см.: 41, с.263), убедительно показала, что подход Солженицына к лексике резко отличен как от «Языка Предельной Ясности», так и от аналогичных попыток В.И.Даля, который предлагал, например, автомат называть «живулей», а атмосферу – «колоземицей» (см.: там же, с.255). У Солженицына отсутствует свойственная Далю нетерпимость к иностранной лексике, отмечает Карпович, «он не отрешивается от иностранных слов, но и не злоупотребляет ими» (там же). Писатель стремится не к радикальной ломке уже существующего языка, к чему, в сущности, призывал Даль (см.: 40, с.52), а к осторожному словарному расширению, которое, подчеркивает Карпович, весьма далеко от языковых крайностей Даля и Сологдина (см.: 41, с.255).

В.Карпович опубликовала свое исследование в середине 1970-х годов, поэтому множество текстов писателя, появившихся с тех пор, ей не было известно. И тем не менее ее работы не устарели⁴⁵. Семантический, морфологический и словообразовательный анализ солженицынской лексики, проведенный Карпович, весьма ценен. И то же время исследовательница почти не затронула ряд важных вопросов, связанных с «необычной» лексикой Солженицына (стилистическая мотивация того или иного словоупотребления и многое другое). Поэтому здесь особое внимание уделено тем проблемам, которые не были освещены В.В.Карпович.

Ввиду того что количество «необычных» слов, встречающихся в эпопее «Красное Колесо», весьма велико и нет возможности рассмотреть их хотя бы с минимальной степенью полноты, нам придется ограничиться анализом лексики лишь первого «Узла» тетралогии, «Августа Четырнадцатого», причем и здесь невозможно охватить все «необычные» слова из-за их слишком большого числа, поэтому им

---

⁴⁵ Возражение вызывает лишь то, что Карпович, не найдя у Даля того или иного слова, употребленного Солженицыным, смело записывает такое слово в «новообразования» (см.: 41). Помимо словаря Даля писатель пользовался множеством других источников, в частности лексикой 26-ти русских писателей (от А.С.Пушкина и Ф.И.Тютчева до В.Г.Распутина и В.П.Астафьева) (см.: 15, с. 8). Без учета всех этих источников вопроса о новообразованиях не решить.

ет смысл выбрать лишь те, которые наиболее адекватно отражают особенности художественного метода А.И.Солженицына.

Всю «необычную» лексику «Августа Четырнадцатого» можно разделить на три группы:

1. Лексика, в современном русском литературном языке отсутствующая (этих слов нет ни в одном из словарей современного русского языка). Такие слова в данной работе подчеркнуты точечным пунктиром.

2. Лексика, присутствующая в современном русском литературном языке, но малоупотребительная. Эти слова подчеркнуты штрихпунктиром⁴⁶.

3. «Обычные» слова, переосмысленные Солженицыным и несущие новую семантику или новый семантический оттенок (подчеркнуты прерывистой линией).

Уже с самого начала повествования, с первой главы, где Саня Лаженицын (его прототип – отец писателя) уезжает на войну, с первых же строк – необычность авторской лексики обращает на себя внимание:

«Они выехали из станицы прозрачным зорным утром, когда при первом солнце весь Хребет, ярко белый и в синих углубинах, стоял доступно-близкий, видный каждым своим изрезом, до того близкий, что человеку непривычному помнилось бы докатить к нему за два часа.

Высился он такой большой в мире малых людских вещей, такой нерукотворный в мире сделанных. За тысячи лет все люди, сколько жили, доотказным раствором рук неси сюда и пухлыми грудями складывай всё сработанное ими или даже задуманное, – не поставили бы такого сверхмыслимого Хребта» (5, т.1, с.7).

В приведенном отрывке налицо все три вида «необычной» лексики; впрочем, нас сейчас интересует другое – что нового вносят все эти слова в солженицынский текст? Какова стилистическая мотивация именно такого словоупотребления? И здесь необходимо ос-

---

⁴⁶ Историзмы здесь не рассматриваются, поскольку их использование в текстах писателя достаточно традиционно.

тановиться на еще одной особенности трактовки слова, на особом «слышании» лексики, свойственном автору «Красного Колеса»).

Так, «з^ор^ное утро» – это не только утренняя заря (или народно-поэтическое: зоря), но слово «з^ор^ный» указывает на дальний обзор, а само словосочетание «з^ор^ное утро», кроме несомненной народно-поэтической окраски, приобретает еще и пространственное «измерение»: паронимастические коннотации весьма характерны для художественного мышления писателя⁴⁷.

Показательна в этом смысле интерпретация семантики слова «острог» в книге «Архипелаг ГУЛаг»: «Ах, доброе русское слово – *острог* – и крепкое-то какое! и сколочено как! В нём, кажется, – сама крепость этих стен, из которых не вырвешься. И всё тут стянуто в этих шести звуках – и строгость, и острога́, и острога́ (ежовая острога, когда иглами в морду, когда мёрзлой роже метель в глаза, острога затёсанных кольев предзонника и опять же проволоки колючей острога), и осторожность (арестантская) где-то рядышком тут прилегает, – а *рог*? Да рог прямо торчит, выпирает! прямо на нас и наставлен!» (13, т.5, с.326). При помощи паронимастических коннотаций писатель выявляет в слове «острог» пять дополнительных семантических значений: «строгость», «острога́», «острога́», «осторожность» и «рог», причем все они выражают психологическую точку зрения заключенного. Иначе говоря, Солженицын демонстрирует здесь не только принципиальную коннотативную многозначность слова «острог», но и использует прием своеобразного художественного «расширения» его образного значения.

Вернемся теперь к словосочетанию «з^ор^ное утро». Р.Б.Гуль, известный писатель и литературный критик первой русской эмиграции, выпустил в 1971 году брошюру, в которой, критикуя язык “Августа Четырнадцатого”, утверждал, в частности, что это словосочетание абсурдно, «ибо заря с утром во времени не совпадают, а одно переходит в другое. Занимается заря, встает солнце – и зари уже нет, началось утро. Так что “зорное утро” – такая же бессмыслица, как “утренний вечер” или “вечернее утро»» (30, с.8).

---

⁴⁷ Возможно, это связано с влиянием прозы М.И.Цветаевой, на которую указывал и сам А.И.Солженицын (см.: 11, т.2, с.446-447).

Итак, по Гулю, утро – это то, что приходит на смену утренней заре, однако «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает иное определение. Утро – это «часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня» (62, с.874). Таким образом, если заря (по Гулю) предшествует утру, то она должна быть частью ночи: не «зорное утро», а «зорная ночь», что, вне всякого сомнения, абсурдно. Утренняя заря возможна, ночная – непредставима.

В 1972 году Н.А. Струве, возражая Р.Б. Гулю, также обратил внимание на словосочетание «зорное утро». «<...> Роман Гуль, – пишет Н. Струве, – отвергает словосочетание «прозрачное зорное утро» на том основании, что, мол, «зорное» происходит от «заря» и тем самым противоречит утру. Упрек этот не только несправедлив, но и невежествен: «зорное» (смотри у Даля!) означает «очищенное» (в применении к маслу, например) и прекрасно дополняет и поясняет «прозрачное», совершенно не противореча «утру» <...>» (74, с.277).

Интерпретацию Н. Струве невозможно признать справедливой. Конечно, есть у Даля и «зорное масло» (очищенное), но есть и «зорный» как «к заре относящийся» [и тут же дан пример: «зорные сумерки» (31, т.1, с.628)], есть и «зорный» как «к зрению относящийся» (там же, с.693), однако, в отличие от двух последних значений, слово «зорное» (в смысле «чистое» без словаря понять трудно, поскольку в современном русском языке отсутствует глагол «зорить» (очищать). Н. Струве прав лишь в том смысле, что Солженицын стремится возродить и это, ныне забытое значение слова «зорный», но писатель совершенно определенно связывает его именно с маслом, а не с утром. Не случайно поэтому в «Русский словарь языкового расширения включено словосочетание «зорное масло»⁴⁸, а слову «зорный» Солженицын дает лишь два определения: «относящийся к зрению» и «относящийся к заре, заревой» (15, с.82).

В словосочетании «в синих углубинах» мы снова сталкиваемся с паронимическим «расширением» семантического значения слова. «Углубины» – это не только углубления, но и глубина, глубь бездонная, а кроме того – острые углы скал. И всё – в одном слове.

---

⁴⁸ Очевидно, Солженицын рассчитывает на то, что семантика данного слова станет ясна из контекста. – П.С.

В то же время — стилистическая окраска данного слова определяется не только его семантической «многослойностью», но и тем, что ударение падает на букву «у», тем самым по звучанию это слово сближается со словом «глубь», приобретая от него поэтическую окраску.

Что же касается других «необычных» слов приведенного отрывка, то их семантика достаточно очевидна: «изрез» — рубец, морщина, борозда и т.п.; «помнит^{ся}» — показаться, привидеться (В.И.Даль); «доотказный» — доведенный до отказа, до предела возможного; «раствор» — угол, образуемый раздвинутыми концами чего-либо [расширительная трактовка семантики по сравнению с нормативной: в «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой — не «чего-либо», а «какого-нибудь инструмента» (62, с.688)]; «сверхмыслимый» — невообразимый, превосходящий все мыслимое.

Можно с уверенностью сказать, что смысл каждого из вышеперечисленных слов понятен без каких-либо пояснений. Семантика здесь напрямую зависит от морфемной структуры. Важно подчеркнуть, что в основном именно по этому принципу — принципу «живых» морфем составлен и «Русский словарь языкового расширения»⁴⁹, по этому же принципу отобраны почти все «необычные» слова, которыми пользуется писатель в «Красном Колесе». Исключения есть, и их появление вызвано причинами, о которых необходимо сказать особо. Для этого нам придется выйти за пределы «Августа Четырнадцатого» и обратиться к другим «Узам» «Красного Колеса».

В «деревенских» глазах «Октября Шестнадцатого», второго «Узла» солженицынской тетралогии, — в главах, посвященных жизни тамбовских крестьян, мы — в полном противоречии с тем, что говорилось выше о «живых» морфемах — внезапно встречаем большое количество диалектизмов, причем диалектизмов, для читателя абсо-

---

⁴⁹ Необходимо отметить еще одну особенность. Из более ста рассмотренных автором этой работы «необычных» слов «Красного Колеса» — в «Русском словаре языкового расширения» упомянуты лишь пять: «зеленоухлый», «зорный», «испоконь», «отсутственный», «раздорожье». Очевидно, что словарь ориентирован не «вовнутрь» на лексику солженицынского творчества, а «вовне»: на использование слов, не вошедших в произведения писателя, *другими*. По всей видимости, Солженицын отстаивает не столько отдельные конкретные слова, сколько сам принцип лексического «расширения».

лютно непонятных. Без словаря они непередаваемы (см.: 5, т.3, с.534-535).

Например, «кырка» — больной, хворый (от глагола «кырк-нуть») (31, т.2, с.230); «дѣжка» — кадка, в которой квасят и месят тесто (там же, т.1, с.425-426); «отымалка» — тряпица, которой снимают горшок с пылу (там же, т.2, с.741); «стебень» — тот, кто много шьет, чинит (от глагола «стебать») (там же, т.4, с.320) и т.д. Рассчитывал ли Солженицын, что читатель, наткнувшись на эти и им подобные слова, станет определять их семантику по словарю? Нет, конечно. Цель писателя, очевидно, иная: показать, что деревня — это особый мир, особый космос, отличный от городского и лишь с очень большим трудом постигаемый извне. И читательское затруднение при чтении «деревенских» глав — необходимо. Оно само по себе, без каких-либо специальных объяснений и деклараций показывает, что, при всей красоте, этот мир коммуникативно изолирован, оторван от основной струи языка. А это, как вскоре выяснится — опасно.

Но подобную коммуникативную изолированность мы наблюдаем и на противоположном социальном «полюсе», в рафинированной среде европейски образованной интеллигенции. Особенно это заметно в главах, посвященных лидеру кадетской партии П.Н.Милукову.

Такие выражения, как «*Punctum saliens!*»⁵⁰ (5, т.6, с.230), «*Cui bono?*»⁵¹ (там же, т.8, с.430), «*bête noire*»⁵², «*omnium consensu*»⁵³ (там же, с.431), а также «абдикация»⁵⁴ (там же, т.6, с.494), «конstellляция»⁵⁵ (там же, с.621), и т. п., не просто окрашивают речь Павла Николаевича стилистически, но у современного читателя, как правило не слишком хорошо владеющего иностранными языками, а тем более латынью, вызывают затруднение при чтении. Читатель в этих местах «спотыкается». Что и соответствует авторскому замыслу. Потому эти иноязычные выражения и оставлены без перевода (как якобы всем понят-

⁵⁰ *Важное обстоятельство!* (лат.). — П.С.

⁵¹ *Кому от этого польза?* (лат.). — П.С.

⁵² *Предмет ненависти* (фр.). — П.С.

⁵³ *С общего согласия* (лат.). — П.С.

⁵⁴ От *abdication* — отречение (лат.) — П.С.

⁵⁵ От *constellatio* — здесь ситуация, сложившаяся в данный момент времени (лат.). — П.С.

ные)⁵⁶. Происходит то же, что и в «деревенских» главах: без каких-либо специальных объяснений и деклараций читатель сам, на собственном опыте ощущает коммуникативную изолированность, «герметичность» этого элитарно-интеллигентского мира. И главное: интеллигенция и крестьянство, — по Солженицыну, два важнейших слоя общества (см.: 13, т.2, с.79), в этот опаснейший момент русской истории не могут договориться. Не могут уже хотя бы потому, что говорят, по сути, *на разных языках*. Семиотическая изолированность оказывается роковой.

Вернемся теперь к «необычной» лексике «Августа Четырнадцатого». Весьма интересна сцена встречи молодого социал-демократа прапорщика Ленартовича с генералом Самсоновым. Саша Ленартович, ненавидящий эту «отсталую», «свинскую» страну, этих непонятных ему крестьян, ставших солдатами, оказывается рядом с генералом Самсоновым, трагическая безысходность последних дней жизни которого накладывает особый отпечаток, проливает особый свет на все вокруг.

«Он близко уже наезжал, а прапорщик Ленартович не поспешил посторониться, он глаз не мог оторвать от этого зрелища, радостных глаз! А-а-а, вот как с вами надо! — и какие ж вы сразу становитесь добренькие. А-а-а, вот когда вы смякаете, иконостасные, — когда вас трахнут хорошо по лбу! По-до-ждите, подождите, ещё получите!

Так он смотрел с зачарованной ненавистью — а командующий ехал прямо на него» (5, т.1, с.431).

Обращает на себя внимание употребление слова «иконостасный» не в прямом его значении — «относящийся к иконостасу», а в очень необычном. «Иконостасные» в устах Саши Ленартовича — привославные, «реакционному» иконостасу поклоняющиеся. Вся сила презрения «беспочвенного» интеллигента-антипатриота к своей стране, к простому народу сконцентрирована *в одном слове*. Тут не просто полисемия — тут скрежет зубовой. И «зачарованная ненависть» во взгляде юного прапорщика лишь подчеркивает культурно-идеологическую пропасть между ним и окружающими, ее непреодолимость.

---

⁵⁶ В то же время, например, в «военных» главах «Августа Четырнадцатого», там, где это необходимо, Солженицын в сносках дает перевод с немецкого и польского.

А рядом – Самсонов: «<...> тёплый, вспоминающий свет прошёл по его лицу <...>». Здесь тоже полисемия, но стилистическая окраска – прямо противоположная, лирико-поэтическая. И воспоминание о «славных черниговцах» освещает лицо генерала изнутри. А затем:

«Конь его тоже как будто закивался, глубоко опустил шею.

И в широкую спину ещё больше был похож командующий на богатыря из сказки, понуро-печального перед раздорожьем: «вправо пойдёшь... влево пойдёшь...» (там же, с.432).

Очень важно в этом эпизоде, что внутреннее противостояние двух героев (которого, кстати, Самсонов даже и не замечает, настолько он погружен в *иное* – суэта этого мира уже не доходит до сознания) возникает не по «линии» «пораженчество – патриотизм», а в совершенно ином, метафизическом измерении, где важно не политическое, а духовное. Поэтому не случайна фольклорно-поэтическая окраска лексики, не случайно сходство командующего с богатырем из сказки, не случайно и слово «раздорóжье» (развилка дорог), как будто из сказки взятое. Бытие «врастает» в фольклорный эпос.

Важно подчеркнуть принципиальную художественную незаменимость «необычных» слов, используемых Солженицыным. Стоит только попытаться вставить вместо них «обычные» – немедленно обнаруживается, что множество семантических и стилистических оттенков исчезает невозвратно.

Но «необычная» лексика «Красного Колеса» отражает и временные соотношения, например в главе, посвященной П.А.Столыпину, где автор освещает особенности существования крестьянской общины в допетровские времена:

«И ещё как надо вникнуть, чтоб разошёлся романтический туман: мир⁵⁷ – был на Руси испоконь, но принудительного земельного поравнения ещё и до XVII века не было. Мир был – церковный приход, он содержал церковь, выбирал на священство, и добрых людей судных целовальников – правду стеречи, и ведал помощью сиротам

⁵⁷ «Мир» в значении «вселенная», а также – «крестьянская община» Солженицын пишет через «і», а «мир» в значении «отсутствие войны» – через «и», но лишь в тех случаях, когда семантика этого слова не очевидна из контекста. В остальных случаях «мир», независимо от значения, пишется через «и». Об особенностях солженицынской орфографии и пунктуации см.: 11, т.2, с.7-12; т.3, с.524-539.

и вдовам, но не было принуждения равнять или переделывать участки. а: куда топор, коса и соха ходили – тою заимкой крестьянский двор владел, и продавал, и завещал» (5, т.2, с.167).

В этом отрывке обращают на себя внимание редкие формы достаточно известных слов: не «испоко́н», а «испоконь», не «стерéчь», а «стеречй»⁵⁸. Оба эти слова в такой архаической форме в современном русском языке отсутствуют. В то же время они есть в словаре Даля. Необходимость использования именно этих, безусловно устаревших форм продиктована тем, что речь идет о глубокой древности, что и подчеркивается лексически.

Здесь, однако, встает вопрос: насколько основательно высказываемое иногда мнение, что вся «необычная» лексика «Красного Колеса» якобы служит целям «архаизации» текста? (см., напр.: 49, с.139).

С этим невозможно согласиться.

Конечно, есть случаи (крайне редкие), когда Солженицын нуждается в действительной архаизации речи для подчеркивания древности описываемого (как в только что приведенном отрывке о прошлом общины), но тогда и лексика подбирается соответствующая задаче (уже упомянутые «испоконь», «стеречй» с переносом ударения на непривычное для современного уха место).

Вспомним, однако, что на страницах тетралогии речь идет о событиях начала XX века, эпохе отнюдь не стародавней. В то же время немалая часть «необычной» лексики «Красного Колеса» должна быть отнесена (формально) к архаизмам⁵⁹. В чем же дело? Дело в том, что «архаизмы» использованы в этом произведении, как правило, не с целью придать тексту «аромат старины», но – с прямо противоположной. На функциональном уровне Солженицын употребляет эти «архаизмы» так, как если бы они были неологизмами. Их цель – оживление речи, придание ей повышенной гибкости, художественной выразительности, расширение семантических и стилистических возможностей современной русской лексики, а кроме того, как уже было

---

⁵⁸ Ударение – по словарю В.И.Даля.

⁵⁹ Согласно подсчетам В.В.Карпович, 40% «необычных» слов, используемых писателем, заимствованы им из словаря Даля, а остальные отнесены исследовательницей к «авторским новообразованиям» (41, с.249).

показано выше, некоторые слова содержат в себе несколько семантико-стилистических «слоев», выделяемых при помощи паронوماзии (прием скорее модернистский и уж совсем не «архаистский»).

Лишь в редких случаях, когда художественно-стилистические задачи требуют действительной архаизации текста, лексика подбирается подчеркнуто архаическая, в целом для «Красного Колеса» не характерная.

И что еще очень важно, почти все морфемы «необычных» слов — «живые»⁶⁰, из современной речи не выпавшие⁶¹, поэтому лексика, привносимая Солженицыным в современный русский литературный язык, не только обогащает его семантически и стилистически, но составляет с ним органически единое целое. Кстати, именно поэтому индивидуально-стилистические неологизмы, используемые автором «Красного Колеса», ни семантически, ни стилистически от слов, заимствованных, например, из словаря Даля, неотличимы. Налицо новаторство, и очень смелое, базирующееся, однако, на тысячелетней «почве» русской языковой традиции.

На основании всего этого можно сказать, что в эпосе «Красное Колесо» налицо «расширение» семантико-стилистических возможностей лексики современного русского литературного языка, обретение им новых художественных возможностей и новой содержательности.

---

⁶⁰ Видимо, не случайно и то, что другой вариант названия «Русского словаря языкового расширения» — «Живое в нашем языке» (15, с.3).

⁶¹ Исключение составляют, как уже говорилось выше, диалектизмы «деревенских» глав.

Список литературы

1. Солженицын А.И. Абрикосовое варенье // Новый мир. – М., 1995. – № 10. – С.25-34.
2. Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки лит. жизни. – М.: Согласие, 1996. – 688 с.
3. Солженицын А.И. «Голый год» Бориса Пильняка: Из «Лит. коллекции» // Новый мир. – М., 1997. – № 1. – С.195-203.
4. Солженицын А.И. «Исторически и мировосприятно православие для нас на первом месте» // Москва. – М., 1995. – № 9. – С.157-161.
5. Солженицын А.И. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках: В 10 т. – М.: Воениздат, 1993-1997. – Т. 1-10.
6. Солженицын А.И. Молодняк // Новый мир. – М., 1995. – № 10. – С.3-9.
7. Солженицын А.И. На краях // Там же. – № 5. – С.28-50.
8. Солженицын А.И. Настенька // Там же. – № 10. – С.9-25.
9. Солженицын А.И. Научиться держать жизнь в собственных руках: Александр Солженицын отвечает на вопросы калужан // Общая газ. – М., 1998. – 4/10 июня. – № 22. – С.8.
10. Солженицын А.И. По минуте в день. – М.: Аргументы и факты, 1995. – 172, [1] с.
11. Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. – Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995-1997. – Т. 1-3.
12. Солженицын А.И. Россия в обвале. – М.: Рус. путь, 1998. – 203, [3] с.
13. Солженицын А.И. [Собрание сочинений]: [В 8 т.]. – М.: Центр «Новый мир», 1990. – Т. 1-8.
14. Солженицын А.И. Эго // Новый мир. – М., 1995. – № 5. – С.12-27.
15. Русский словарь языкового расширения / Сост. А.И.Солжени-

цын – М.: Наука, 1990. – 272 с.

16. Аверинцев С.С. Мы и наши иерархи – вчера и сегодня // Новая Европа. – М., 1992. – № 1. – С.39-55.
17. Авессаломова Г.С. Натурализм // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С.237-238.
18. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
19. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского; Проблемы поэтики Достоевского. – Киев: NEXТ, 1994. – 508, [1] с.
20. Бёльль Г. Четыре статьи о Солженицыне // Иностранная лит. – М., 1998. – № 8. – С.228-237.
21. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое лит. обозрение. – М., 1993. – № 2. – С.70-89.
22. Буданова Н.Ф. Ответы на вопросы анкеты // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск: Изд-во Витебск. ун-та, 1994. – № 1. – С.6-8.
23. Бунин И.А. Брань // Бунин И.А. Собрание сочинений: В 8 т. – М.: Моск. рабочий, 1995. – Т.4. – С.281-283.
24. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: ГИХЛ, 1959. – 652, [3] с.
25. Виноградов В.В. “...Сумею преодолеть все препятствия...”: Письма Н.М.Виноградовой-Малышевой // Новый мир. – М., 1995. – № 1. – С.172-213.
26. Винокур Т.Г. О языке и стиле повести А.И.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” // Вопр. культуры речи. – М.: Наука, 1965. – Вып. 6. – С.16-32.
27. Винокур Т.Г. С новым годом, шестьдесят вторым...//Вопр. лит. – М., 1991. – № 11/12. – С.48-69.
28. Волкогонов Д.А. Ленин: Политический портрет: В 2 кн. – М.: Новости, 1994. – Кн. 1-2.
29. Геллер М.Я. Александр Солженицын: (К 70-летию со дня рождения). – Л.: ОРИ, 1989. – 117 с.
30. Гуль Р.Б. Читая “Август Четырнадцатого” А.И.Солженицына. – Нью-Йорк: Rausen publ., 1971. – 30 с.
31. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1973-1980. – Т. 1-4.
32. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т. 1-30.
33. Живов В.М. Как вращается “Красное Колесо” // Новый мир. – М., 1992. – № 3. – С.246-249.
34. Залыгин С.П., Золотусский И.П. “Природа единственна и не ре-

- волюционна”: Диалог // Лит. газ. – М., 1992. – 28 окт. – № 44. – С.5.
35. Земан З., Шарлау В. Парвус – купец революции. – Нью-Йорк: Телекс, 1991. – 330 с.
36. Иванов Вяч. И. Достоевский и роман-трагедия // Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С.282-311.
37. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Рус. кн., 1993-1998. – Т. 1-7.
38. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
39. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 253, [2] с.
40. Канкава Н.В. В.И.Даль как лексикограф. – Тбилиси: ЦОДНА, 1958. – 353, [3] с.
41. Карпович В.В. Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына // Грани. – Frankfurt a/M., – 1974. – № 94. – С.236-263.
42. Катенши Ж.Ф. Колесо цвета крови: К выходу французского перевода третьего тома третьего узла “Красного Колеса” // Рус. мысль. – Париж, 1998. – 12/13 февр. – № 4209. – С.7. – Перевод статьи из парижской газеты “Монд” от 30 янв. 1998 г.
43. Кожинов В.В. Размышления о русской литературе. – М.: Современник, 1991. – 524, [2] с.
44. Краснов В.Г. Многоголосость героев в романе Солженицына “В круге первом” // Грани. – Frankfurt a/M., 1977. – № 103. – С.155-175.
45. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6, Филология. – Изд-во Моск. ун-та, 1995. – № 1. – С.97-124.
46. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 623, [1] с.
47. Лекманов О.А. “От железной дороги подале, к озёрам...”: О том, как устроено пространство в рассказе А.И.Солженицына “Матрёнин двор” // Рус. мысль. – Париж, 1998. – 7/13 мая. – № 4221. – С.13.
48. Лерт Р.Б. Хотим ли мы вернуться в XVI век? // Лерт Р.Б. На том стою: Публикации “самиздата”. – М.: Моск. рабочий, 1991. – С.32-54.
49. Лерт Р.Б. Этика и история в романе “Август Четырнадцатого” / Там же. – С.136-165.
50. Лопухина-Родзянко Т.А. Духовные основы творчества Солже-

нищина. — Frankfurt a/M.: Посев, 1974. — 178, [2] с.

51. Лосев Л.В. Великолепное будущее России: Заметки при чтении “Августа Четырнадцатого” А.Солженицына // *Континент*. — Мюнхен, 1984. — № 42. — С.289-320.
52. Лосев Л.В. Солженицынские евреи // А.И.Солженицын и его творчество. — Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. — С.70-88.
53. Максимов В.Е. Год Солженицына: Анкета “ЛГ” // *Лит. газ.* — М., 1991. — 20 марта. — № 11. — С.10.
54. Манн Ю.В. Об эволюции повествовательных форм (вторая половина XIX в.) // *Известия Российской Академии наук. Сер. лит. и яз.* — М.: Наука, 1992. — Т. 51, № 1. — С.40-59.
55. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. — М.: Политиздат, 1966. — 68, [2] с.
56. Набоков В.В. Николай Гоголь // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. — М.: Независимая газ., 1996. — С.29-134.
57. Немзер А.С. Рождество и Воскресение: О романе Александра Солженицына “В круге первом” // *Лит. обозрение*. — М., 1990. — № 6. — С.31-37.
58. Нива Ж. Поэма о “разброде добродетелей” // *Континент*. — М.; Париж, 1993. — № 75. — С.286-295.
59. Нива Ж. Слово и взгляд у Солженицына // Там же. — Мюнхен, 1978. — № 18. — С.309-338.
60. Нива Ж. Солженицын. — М.: Худож. лит., 1992. — 189, [2] с.
61. Новиков Вл.И. С чужого “я” Начнется литература XXI века // *Общая газ.* — М., 1995. — 18-24 мая. — № 20. — С.10.
62. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ Ltd, 1992. — 960 с.
63. Орнатская Т.И., Туниманов В.А. Достоевский // *Русские писатели. 1800-1917: Биограф. словарь*. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. — Т.2. — С.165-177.
64. Пави П. Словарь театра. — М.: Прогресс, 1991. — 480, [1] с.
65. Паламарчук П.Г. Александр Солженицын: Путеводитель // Паламарчук П.Г. Москва или Третий Рим?: Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. — М.: Современник, 1991. — С.258-364.
66. Пильняк Б.А. Третья столица: Повесть и рассказы. — М.: Рус. кн., 1992. — 443, [2] с.
67. Пятигорский А.М. Избранные труды. — М.: Шк. “Языки рус. культуры”, 1996. — 590 с.

68. Ранчин А.М. Летопись Александра Солженицына // Стрелец. – Париж; М.; Нью-Йорк: Третья волна, 1995. – № 1. – С.176-192.
69. Роднянская И.Б. Уроки четвертого узла // Роднянская И.Б. Литературное семилетие. – М.: Кн. сад, 1995. – С.6-16.
70. Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США: Концепции. Школы. Термины. – М.: Интрада, 1996. – 317, [2] с.
71. Соколов Б.В. Энциклопедия булгаковская. – М.: Локид: Миф, 1996. – 586 с.: ил.
72. Солженицына Н.Д. Писатель должен быть силой объединяющей, а не разъединяющей / Беседа с К.Кедровым // Известия. – М., 1992. – 23 июля. – № 168. – С.3.
73. Спиваковский П.Е. “Индия Духа” и Машенька: “Заблудившийся трамвай” Н.С.Гумилева как символистско-акмеистическое видение // Вопр. лит. – М., 1997. – № 5. – С.39-54.
74. Струве Н.А. Православие и культура. – М.: Христианское изд-во, 1992. – 337 с.
75. Убийство Столыпина: Свидетельства и документы / Сост. А.Серебренников – 2-е изд. – Нью-Йорк: Телекс, 1989. – 333, [1] с.
76. Ульянов Н.И. Загадка Солженицына // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1971. – 1 авг. – № 22328. – С.2.
77. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. – Т. 1. – М.: Гнозис, 1994. – С.320-332.
78. Успенский Б.А. Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Шк. “Языки рус. культуры”, 1995. – С.7-218.
79. Хоц А.Н. Пределы авторской оценочной активности в полифоническом “самосознании” героя Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. – Л.: Наука, 1991. – Т.9. – С.22-38.
80. Чалмаев В.А. Александр Солженицын. Жизнь и творчество: Кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1994. – 285, [2] с.
81. Шнеерсон М. Александр Солженицын: Очерки творчества. – Frankfurt a/M.: Посев, 1984. – 297 с.
82. Штурман Д.М. Города и миру: О публицистике А.И.Солженицына. – Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. – 432 с.
83. Саpович V.V. Slovarnye osobennosti iazyka Solzhenitsyna: (Novoobrazovaniia i dalevskaia leksika) = Lexical peculiarities of the Solzhenitsyn's language: (Neologisms a. Dahl's vocabulary). – Ann

Arbor (Mich.): Univ. Microfilms, 1973. – 244 p. – Докторская диссертация, написанная под руководством проф. Б.О.Унбегауна (Нью-Йоркский ун-т, 1973). Микрофильм имеется в Библиотеке Конгресса (США).

84. Carpovich V.V. Solzhenitsyn's peculiar vocabulary: Russian-English glossary = Trudnye slova u Solzhenitsyna: Russko-angliiskii tolkovyi slovar'. – N.Y.: Technical Dictionaries co, 1976. – 335 p.
85. Jakobson R. Note on August 1914 // Aleksandr Solzhenitsyn: Crit. essays a. documentary materials. – Belmont (Mass.): Nordland publ. co, 1973. – P. 326-327.
86. Krasnov V. Solzhenitsyn and Dostoevsky: A study in the polyphonic novel. – Athens (Ga): Univ. of Georgia Press, 1980. – 226, [1] p.
87. Unbegaun B.O. The "Language of Ultimate Clarity" // Melbourne Slavonic studies. – Melbourne, 1971. – № 5/6. – P. 91-94.

Приложение

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ СОЧИНЕНИЙ А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА И РАБОТ О НЕМ

Очевидно, что серьезное исследование творчества любого писателя затруднительно без достаточно широкого библиографического «фундамента». В полной мере это относится и к библиографии работ, посвященных А.И.Солженицыну и его произведениям. В то же время литература о писателе и его творчестве столь обширна, что сколько-нибудь адекватно охватить все ее многообразие в небольшой по объему библиографии практически невозможно. Более или менее полный перечень текстов, посвященный Солженицыну, очевидно, должен состоять из многих томов, поэтому составитель заранее просит прощения у тех авторов, чьи работы не вошли в данную краткую библиографию. Нечего и говорить о том, что этот список ни в малейшей степени не претендует на какую бы то ни было полноту.

Вместе с тем из библиографии сознательно удалены антисолженицынские материалы, выход которых был инспирирован советскими властями, организовавшими выпуск как в СССР, так и за границей целой «библиотечки» клеветнической литературы, посвященной писателю и его творчеству. В качестве примера можно назвать сборник статей «Пресса о Солженицыне» (М.: Изд-во АПН, 1972), книгу сотрудничавшей с советскими властями первой жены писателя Н.А.Решетовской «В споре со временем» (М.: Изд-во АПН, 1975), а также книгу Т.Ржезача «Спираль измены Солженицына» (М.: Прогресс, 1978). Кстати, поистине чудовищная клевета, содержащаяся в последней из вышеперечисленных книг, взята на вооружение и по

которыми нынешними «разоблачителями» Солженицына (см., напр.: Бушин В.С. Александр Исаевич Ветров, Нобелевский лауреат // Шпион. — М.: Мистикос, 1994. — № 3. — С.74-86).

Цель данной краткой библиографии — представить основной корпус сочинений А.И. Солженицына, а также наиболее примечательные (главным образом в литературоведческом плане) работы о нем и его произведениях. При этом особое внимание уделялось текстам на русском языке, наиболее доступным отечественному читателю.

Составитель благодарит сотрудницу *Русского общественного фонда Александра Солженицына* Надежду Григорьевну Левитскую за предоставление ценнейших библиографических материалов. В настоящее время Надежда Григорьевна завершает работу над самой полной на сегодняшний день библиографией изданий на русском языке, посвященных А.И. Солженицыну и его творчеству. Хочется надеяться, что эта работа в скором времени станет достоянием как отечественной, так и зарубежной аудитории.

Если у кого-нибудь из читателей возникнет желание помочь Надежде Григорьевне в ее трудной, но такой важной и нужной работе, они могут присылать свои материалы по адресу: 103009, Москва, ул. Тверская, д.12, строение 8, кв.169. Русский общественный фонд Александра Солженицына. Левитской Н.Г.

Составление полной библиографии сочинений А.И. Солженицына и работ о нем, учитывающей публикации хотя бы только на всех основных европейских языках, — пока что дело весьма отдаленного будущего, но чем раньше это будет сделано, тем скорее мы сможем приблизиться к пониманию этого удивительного писателя и, возможно, хотя бы частично разгадать загадки его творчества.

I. Сочинения и интервью А.И.Солженицына

1. Собрание сочинений: [В 20 т.] – Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1978-1991. – Т.1-20.
2. [Собрание сочинений]: [В 8 т.] – М.: Центр “Новый мир”, 1990. – Т.1-8.

***

3. Автобиография А.Солженицына: (Написана для Нобелевского комитета) // Левитская Н.Г. Александр Солженицын: Библиогр указ. Авг. 1988-1990. – М., 1991. – С.9-11.
4. Бодался телёнок с дубом: Очерки лит. жизни. – М.: Согласие, 1996. – 688 с.
5. Всё равно // Лит. газ. – М., 1995. – 16 авг. – № 33. – С.5.
6. Выступление на торжественном заседании // Сборник докладов IV Международных Рождественских образовательных чтений. – М., 1996. – С.11-26.
7. “Голый год” Бориса Пильняка: Из “Лит. коллекции” // Новый мир. – М., 1997. – № 1. – С.195-203.
8. Два рассказа: Эго; На краях // Там же. – 1995. – № 5. – С.12-50.
9. Двучастные рассказы: Молодняк; Настенька; Абрикосовое варенье // Новый мир. – М., 1995. – № 10. – С.3-34.
10. Демократия в России ещё не начиналась / И.Шевелев // Общии газ. – М., 1998. – 28 мая/3 июня. – № 21. – С.1.
11. Земское самоуправление – ключ к спасению России (выдержки из публицистических статей и выступлений) / Сост. В.Коробейников. – М., – 1996. – 34 с.
12. Иван Шмелёв и его солнце мёртвых”: Из “Лит. коллекции” // Новый мир. – М., 1998. – № 7. – С.184-193.

13. Из Евгения Замятина: "Лит. коллекция" // Новый мир. – М., 1997. – №10. – С.186-201.
14. "Исторически и мировосприятно православие для нас на первом месте" // Москва. – М., 1995. – № 9. – С.157-161.
15. Исчерпание культуры?: Выступление на "круглом столе" Российской Академии наук // Моск. новости. – М., 1997. – 28 сент./ 5 окт. – № 39. – С.4-5.
16. К нынешнему состоянию России: Ст., написанная для газ. "Монд" // Рус. мысль. – Париж, 1996. – 5/11 дек. – № 4152. – С.8-9.
17. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках: В 10 т. – М.: Воениздат, 1993-1997. – Т.1-10.
18. Крохотки // Новый мир. – М., 1997. – № 1. – С.99-100; № 3. – С.70-71; № 10. – С.119-120.
19. Ленин в Цюрихе: Главы. – Paris: YMCA-Press, 1975. – 240, [1] с.
20. Лицемерие на исходе XX века // Аргументы и факты. – М., 1997. – № 40. – С.3.
21. На изломах: Двучастный рассказ // Новый мир. – М., 1996. – № 6. – С.3-25.
22. Научиться держать жизнь в собственных руках: Александр Солженицын отвечает на вопросы калужан // Общая газ. – М., 1998. – 4/10 июня. – № 22. – С.8.
23. Один вечер Александра Исаевича / Я.Юферова // Известия. – М., 1998. – 25 апр. – № 77. – С.2.
24. Окунаясь в Чехова: Из "Лит. коллекции" // Новый мир. – М., 1998. – № 10. – С.161-182.
25. Останкинские встречи с Солженицыным: После духовного обморока и разорения / Беседа с Н.А.Струве // Рус.мысль. – Париж, 1994. – 22 дек. – № 4058. – С.10-11.
26. "Петербург" Андрея Белого: Из "Лит. коллекции" // Новый мир. – М., 1997. – № 7. – С.191-196.
27. [Письмо Д.С.Лихачеву] // Лит. газ. – М., 1996. – 27 нояб. – № 48. – С.6. – Поздравление с 90-летием.
28. По минуте в день. – М.: Аргументы и факты, 1995. – 172, [1] с.
29. [Предисловие к рассказу П.П.Лаврёнова "Косиножка"] // Новый мир. – М., 1998. – № 1. – С.84.
30. Приёмы эпопей: Из "Лит. коллекции" // Там же. – С.172-190. – О кн. М.Алданова "Истоки" и В.Гроссмана "За правое дело" и "Жизнь и судьба".
31. Прусские ночи: Поэма. – Paris: YMCA-Press, 1974. – 64 с.

32. Публицистика: В 3 т. — Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1995-1997. — Т.1-3.
33. Пьесу в стихах легче вынести из лагеря: Как Александр Солженицын не стал артистом / Интервью взял Г.Заславский // Независимая газ. — М., 1995. — 1 февр. — № 17. — С.1.
34. Пьесы и киносценарии. — Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1981. — 588, [3] с.
35. Россия в обвале. — М.: Рус.путь, 1998. — 203, [3] с.
36. Сквозь чад: “Бодался телёнок с дубом”, отр. из шестого доп. — Paris: YMCA-Press, 1979. — 60 с.
37. “Смерть Вазир-Мухтара” Юрия Тынянова: Из “Лит. коллекции” // Новый мир. — М., 1997. — № 4. — С.191-199.
38. Солженицын о Чечне / Интервью с Н.Желноровой // Моск. новости. — М., 1995. — № 1/2. — С.1, 3.
Жёлтое колесо: Окончание беседы А.Солженицына с Н.Желноровой // Аргументы и факты. — М., 1995. — № 3. — С.1.
39. Традиции российской государственности и перспективы федерализма // Общая газ. — М., 1996. — 6/12 июня. — № 22. — С.3.
40. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. — М., 1998. — № 9. — С.47-125; № 11. — С.93-153.
41. Февральская революция — это грозное предупреждение судьбы / Беседу вел А.Кукес // Моск. новости. — М., 1997. — 28 сент./5 окт. — № 39. — С.4-5.
42. Хочу во всём разобраться сам // Лит. газ. — М., 1994. — 13 июля. — № 28. — С.1, 3.
43. Четыре современных поэта: Из “Лит. коллекции” // Новый мир. — М., 1998. — № 4. — С.184-195. — О С.Липкине, И.Лиснянской, Н.Коржавине и Л.Владимировой.

***

44. Русский словарь языкового расширения / Сост.А.И.Солженицын. — М.: Наука, 1990. — 272 с.

II. Работы об А.И.Солженицыне

1. Библиографии (в хронологическом порядке)

45. A. Solzhenitsyn selected bibliography: Dec. 1962 – oct. 1970 / Comp. by L.Havilant // Canadian Slavonic papers. – Toronto: Canadian assoc. of slavists, 1971. – Vol.13, N 2/3. – P.243-252.
46. Alexander Solzhenitsyn: An international bibliogr. of writings by a. about him / Comp. by D.M.Fiene. – Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1973. – XIX, 148 p.
47. Martin W. Alexander Solschenizyn: Eine Bibliographie seiner Werke. – Hildesheim; N.Y.: Olms, 1977. – 184 S.
48. Solzhenitsyn studies: A quarterly survey (Spring 1980) / Ed. by M.A.Nicholson. – Hamilton (N.Y.): Colgate Univ., 1980. – Vol.1, № 1. – 20 p.
49. Левитская Н.Г. Александр Солженицын: Библиогр. указ.: Авг. 1988-1990 / Сов. фонд культуры. Дом Марины Цветаевой; Предисл. Е.Ц.Чуковской. – М., 1991. – 126, [1] с.

2. Книги и брошюры

50. Август Четырнадцатого читают на родине: Сб. ст. и отзывов. – Paris: YMCA-Press, 1973. – 138, [3] с.
51. Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала “Новый мир” А.Т.Твардовского (1958-1970 гг.). – М.: Культурно-просветительский центр “Первопечатник”, 1996. – 439 с.
52. Бракман Р. Выбор в аду: Жизнеутверждение солженицынского героя. – Ann Arbor (Mich.): Эрмитаж, 1983. – 142 с.
53. Геллер М.Я. Александр Солженицын: (К 70-летию со дня рождения). – Л.: ОРІ, 1989. – 117 с.
54. Горлов А.М. Случай на даче. – Paris: YMCA-Press, 1977. – 201, [2] с.
55. Гуль Р.Б. Солженицын: Статьи. – Нью-Йорк: Мост, 1976. – 96 с.
56. Гуль Р.Б. Читая “Август Четырнадцатого” А.И.Солженицына. – Нью-Йорк: Rausen Publishers, 1971. – 30 с.
57. Жить не по лжи: Сб. материалов: Авг. 1973 – февр. 1974. Самиздат – Москва. – Paris, 1975. – 203, [2] с.
58. Зильберберг И.И. Необходимый разговор с Солженицыным. – [Англия], 1976. – 187, [1] с.
59. Коган Э. Соляной столп: Политическая психология А.Солженицына. – Париж: Поиски, 1982. – 228 с.

60. Краснов-Левитин А.Е. Два писателя. – Париж: Поиски, 1983. – 294 с.
61. Кремлевский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А.Солженицыне. – М.: Родина, 1994. – 619, [2] с.: ил.
62. Литвинова В.И. Жить не полжи: Методич. рекомендации по изучению творчества А.И.Солженицына / Хакасский гос.ун-т им. Н.Ф.Катанова. – Абакан, 1997. – 46, [1] с.
63. Лопухина-Родзянко Т.А. Духовные основы творчества Солженицына. – Frankfurt a/ М.: Посев, 1974. – 178, [2] с.
64. Медведев Ж.А. Десять лет после “Одного дня Ивана Денисовича”. – L.; Basingstoke: Macmillan, 1973. – XIV, 223 с.
65. Нива Ж. Солженицын. – М.: Худож. лит., 1992. – 189, [2] с.
66. Паламарчук П.Г. Солженицын: Путеводитель. – М.: Столица, 1991. – 93, [3] с.
67. Панин Д.М. Записки Сологдина. – Frankfurt a/М., 1973. – Кн.1. – 575 с.
68. Плетнев Р. А.И.Солженицын – 2-е изд., доп. – Paris: YMCA-Press, [1973]. – 171, [2] с.: карт.
69. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. – М.: Сов. Россия, 1990. – 413, [2] с.: ил.
70. Решетовская Н.А. Обгоняя время. – Омск: Омское бюро пропаганды худож. лит., 1991. – 152 с. – (Полит. мемуары).
71. Решетовская Н.А. Отлучение: Из жизни Александра Солженицына: Воспоминания жены. – М.: Мир кн., 1994. – 365, [2] с.
72. Решетовская Н.А. Разрыв. – Иркутск: МП “ЛИК” Восточно-Сибирск. кн. изд-ва, 1992. – 170, [2] с.
73. Ржевский Л.Д. Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына. – Frankfurt a/М.: Посев, 1972. – 165, [2] с.
74. Струве Н.А. Православие и культура. – М.: Христианское изд-во, 1992. – 337 с.
75. Супруненко П. Признание... ..Забвение. Судьба... – [Минеральные воды: Газ. “Кавказская здравница”], [1994]. – 86 с.: ил.
76. Фельштинский Ю.Г. Солженицын и социалисты. – Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1983. – 47 с.
77. Чалмаев В.А. Александр Солженицын: Жизнь и творчество: Кн для учащихся. – М.: Просвещение, 1994. – 285, [2] с.
78. Чуковская Л.К. Процесс исключения: Очерк лит. нравов. – М. Междунар. ассоц. деятелей культуры “Новое время” и журн. “Горизонт”, 1990. – 349 с.

79. Шмеман А., прот. О Солженицыне. – Montreal: The orthodox cathedral, 1976. – 54 с.
80. Шнеерсон М. Александр Солженицын: Очерки творчества. – Frankfurt a/M.: Посев, 1984. – 297 с.
81. Штурман Д.М. Городу и миру: О публицистике А.И.Солженицына. – Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. – 432 с.
82. Allaback S. Alexander Solzhenitsyn. – N.Y.: Warner books, 1979. – 222 p.
83. Barker F. Solzhenitsyn. – L.; Basingstoke: Macmillan press, 1977. – IX, 112 p.
84. Bienek H. Solschenizyn und andere: Essays. – München: Hanser, 1972. – 102 S.
85. Björkegren H. Alexander Solsjenitsyn: Biografi och document. – Stokholm: Wahlsröm & Widsrand, 1971. – 173 s.
86. Carpovich V.V. Solzhenitsyn's peculiar vocabulary: Russian-English glossary = Trudnye slova u Solzhenitsyna: Russko-angliiskii tolkovyi slovar'. – N.Y.: Technical Doctionaries co, 1976. – 335 p.
87. Carter S. The politics of Solzhenitsyn. – L.: Macmillan, 1977. – XII, 162 p.
88. Chaix-Rui I. A.Soljénitsyne, ou La descente aux enfers: Étude. – Paris: De Duca, 1970. – 154 p.
89. Clement O. L'esprit de Soljénitsyne. – Paris: Stock, 1974. – 384 p.
90. Curtis J.M. Solzhenitsyn's traditional imagination. – Athens (Ga): Univ. of Georgia press, 1984. – 214 p.
91. Daix P. Ce que je sais de Soljénitsyne. – Paris.: Seuil, 1973. – 236 p. – (Coll. Combats).
92. Drozda M. Babel – Lenov – Solženicyн. – Praha: Československý spisovatel, 1966. – 194 s. – (Dilna. Edice. Ridí A.M.Pisa; Sv.23).
93. Dunn J.E. "Ein Tag" vom Standpunkt eines Lebens: Ideelle Konsequenz als Gestaltungsfaktor im erzählerischen Werk von Alexander Isaevič Solženicyн. – München: Sanger, 1988. – 216 S. – (Slavistische Beiträge; Bd.232).
94. Edna Monica, sister. The mystery of love in Solzhenitsyn: A conference given to the novitiate on the vow of chastity. – Fairacres: SLG press, 1980. – 12 p.
95. Ericson E.E. Solzhenitsyn: The moral vision. – Grand Rapids (Mich.), 1980. – XV, 239 p.

96. Falkenstein H. Alexander Solschenizyn. – Berlin: Colloquium, [1975]. – 87 S. – (Köpfe des 20. Jahrhunderts; Bd.79).
97. Giordano C. Solženicyn, arcipelago di bugie. – Milano: Todariana, 1978. – 133 p. – (Luoghi saggistici).
98. Grazzini G. Solzhenitsyn / Transl. from the Italian by E. Mosbacher. – L.: Sphere, 1974. – 250 p.
99. Johnsson M. Alexander Soljenitsyn mellan Öst och Väst. – Stockholm: Timbro förl., 1985. – 218 s.
100. Kodjak A. Alexander Solzhenitsyn. – Boston: Twayne publishers a division of G.K.Hall & co, 1978. – 170 p.
101. Krasnov V. Solzhenitsyn and Dostoevsky: A study in the polyphonic novel. – Athens (Ga): Univ. of Georgia Press, 1980. – 226, [1] p.
102. Lefort C. Un homme en trop: Réflexions sur "L'Archipel du Goulag". – [Nouvelle éd.]. – Paris.: Seuil, 1986. – 255 p. – (Coll. Points; 184. Sciences humaines).
103. Lo Gatto E. Profilo della letteratura russa dalle origini a Solženicyn: Momenti, figure e opere. – Milano: Mondadori, 1975. – 528 p.
104. Lombardo-Radice L. Gli accusati: Franz Kafka, Michail Bulgakov, Aleksandr Solzenitsyn, Milan Kundera. – Bari: De Donato, 1972. – 413 p.
105. Lukács G. Solzhenityn. – L.: Merlin press, 1970. – 88 p.
106. Maccullin D. Is anyone taking any notice?: A book of photographs a. comments by D.Maccullin. With phrases drawn from the 1970 Nobel Lecture by Alexander Solzhenitsyn.- Cambrige (Mass.): MIT press, 1973. – 176 p.
107. Marion C. Qui a peur de Soljénitsyne? – Paris: Fayard, 1980. – 201 p.
108. Marsh R. Images of dictatorship: Stalin in literature. – L.; N.Y.: Routledge, 1989. – XIII, 267 p.
109. Martin A. Soljénitsyne le croyant: Lettre, discours, témoignages. – Paris: Albatros, 1973. – 171 p.
110. Moody C. Solzhenitsyn. – Edinburgh: Oliver a. Boyd, 1976. – [8], 206 p. – (The modern writers series).
111. Motiramani M. Die Funktion der literarischen Zitate und Anspielungen in Aleksandr Solženicyns Prosa (1962-1968). – Frankfurt a/M.: Lang, 1983. – VII, 206 S. – (Europäische Hochschulschriften. Reihe 16, Slawische Sprachen und Literaturen; Bd.25).

112. Neumann-Hoditz R. Alexander Solschenitzyn in Selbstzeugnissen und Bilddokumentation. – Reinbek bei Hamburg, 1974. – 155 S.
113. Nielsen N.C. Solzhenityn's religion. - Nachville; N. Y.: Nelson, 1975. – IX, 164 p.
114. Nivat G. Soljénitsyne. – Paris: Seuil, 1980. – 192 p. – (Écrivains de toujours; 104).
115. Nivat G. Sur Soljénitsyne: Essais. – Lousanne: L'Age d'Homme, 1974. – 204 p. – (Slavica).
116. Pirotta G. Verita come lusso: Lettera a Solženicyn. – Roma: Bulzoni, 1975. – 216 p.
117. Rothberg A. Aleksandr Solzhenitsyn: The major novels. – Ithaca (N.Y.): Cornell univ. press, 1971. – XVIII, 215 p.
118. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. – N.Y.; L.: Norton, 1984. – 1051 p.
119. Soljénitsyne / Ce cahier a été dirigé par G.Nivat et M.Aucouturier. – Paris: Les Éditions de l'Herne, 1971. – 519 p. – (Série slave; № 16).
120. Soljénitsyne. – [Paris]: Seuil, [1974]. – 88 p.
121. Soljénitsyne / Communications [par] M.Aucouturier [et al.]; Interventions [par] S.Allemand [et al.]. – Paris: Union générale d'éditions, 1974. – 312 p.
122. Soljénitsyne accuse / Avant-propos par A.Lenoux; Introd. et notes de L.Labedz; Tradit de l'anglais par G.Piquemal. – Paris: D.Wapler (éditeur), 1971. – 268 p.
123. Soljénitsyne, Poe, Beckett: Théories de la littérature. – [Paris]: Union générale d'éditions, 1976. – 315 p. – (Revue d'esthétique, 1976; № 2/3).
124. Solschenizyn: Eine Bild-Biographie. – Darmstadt, [1974]. – 93 S.
125. Solzhenitsyn: A collection of critical essays / Ed. by K.Feuer. – Englewood Cliffs; N.Y.: Prentice-Hall, 1976. – XII, 174 p. – (Twentieth century views).
126. Solzhenitsyn: A pictorial autobiography. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, [1974]. – 88 p.
127. Solzhenitsyn in exile: Crit. essays a. documentary materials / Ed. by J.B.Dumlop et al. – Stanford (Cal.): Hoover institution press, 1985. – VII, 414 p. – (Hoover press publ.; 305).
128. Die Sowjetunion, Solschenizyn und die westliche Linke / Herausgegeben von R.Dutschke und M.Wilke unter Mitarbeit von R.Crusius. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1975. – 317 S. – (Rororo aktuell; 1875).

129. Suchanek L. Aleksander Solżenicyn: Pisarz i publicysta. — Kraków: Univ. Jagelonski, 1994. — 147 s.
130. Timmerman H. Der “Fall Solshenitzyn” als Herausforderung an die Weltkommunisten. — Köln, 1974. — 21 S.
131. Trochimiak J. Sołżenicyn. — Warszawa: Wielka Polska, 1996. — 51, [1] s.
132. Ueber Solschenizyn: Aufsätze, Berichte, Materialien / Herausgegeben von E. Markstein und F.P. Ingold. — Darmstadt; Neuwied: Luchterhand, 1973. — 359 S.
133. Vilner J. Solzhenitsyn and the future. — Hicksvill; N.Y.: Exposition press, 1975. — 48 p.
134. Vita L. Solgenitsin; Martire della liberta — Messina: Battaglia Letteratia, 1974. — 29 p.

3. Статьи, тезисы докладов, интервью, письма

135. А.Н. (Немзер А.С.). “Звезда”, Санкт-Петербург, № 6 // Сегодня. — М., 1994. — 1 июля. — № 122. — С.16. — Рец. на журн.: Звезда. — СПб., 1994. — № 6 (номер почти полностью посвящен А.И. Солженицыну и его творчеству).
136. Авсеенко Н. Женские образы в романе Солженицына “В круге первом” // Современник. — Торонто, 1979. — № 43/44. — С.89-96.
137. Адамович Г.А. Солженицын // Рус. мысль. — Париж, 1969. — 20 марта. — Прил. — С.1.
138. Адамович Г.А., Газданов Г.И., Струве Н.А. О романе “Раковый корпус” А.Солженицына // Вестн. РХД. — Париж; Нью-Йорк; М., 1988. — № 154. — С.113-128.
139. Андреев Ю. Размышление о повести А.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” в контексте литературы начала 1960-х годов // Радуга. — Киев, 1991. — № 6. — С.109-117.
140. Анищенко Г. Пророк и отечество // Вестн. РХД. — Париж; Нью-Йорк; М., 1988. — № 154. — С.106-112.
141. Арон Р. О Солженицыне: Из кн. “Воспоминания” // Рус. мысль. — Париж, 1983. — 17 нояб. — № 3491. — С.13.
142. Архангельский А.Н. Архипелаг Солженицына: Великому русскому писателю 75 лет // Новое время. — М., 1993. — № 51. — С.40-42. ил.
143. Архангельский А.Н. ...И приветствую звоном щита // Новый мир. — М., 1996. — № 5. — С.218-219.

144. Архангельский А.Н. О символе бедном замолвите слово: “Малая” проза Солженицына: поэзия и правда // Лит. обозрение. – М., 1990. – № 9. – С.20-24.
145. Архангельский А.Н. Поэзия и правда // Солженицын А.И. [Избранное]. – М.: Мол. гвардия, 1991. – С.7-40.
146. Астафьев В.П. Не надо опять отбирать и делить. Царя бы выбрать культурного / Беседа с В.Г.Бондаренко // Общая газ. – М., 1996. – 18/24 янв. – С.11.
147. Астафьев В.П. Солженицын. Дорога домой: Виктор Астафьев размышляет о судьбе писателя, чьи книги вернулись на Родину / Беседу вел Е.Черных // Комс. правда. – М., 1989. – 25 окт. – С.4.
148. Афонский Г. Духовная природа человека в романах Солженицына // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1971. – 5 дек. – С.2.
149. Бабочкин Б.А. “...Исаичу еще будут стоять памятники на Руси...”: Несколько страниц из дневника Бориса Бабочкина / Публ. Н.Б.Бабочкиной // Семь дней. – М., 1993. – 12 дек. – № 49. – С.1.
150. Басинский П.В. Сюжеты без романа? // Лит. газ. – М., 1996. – 31 июля. – № 31. – С.4.
151. Баталин А. “Я возвращаюсь в Россию, которая меня не читала...”: Александр Солженицын в Иркутской области // Там же. – 1994. – 22 июня. – № 25. – С.3.
152. Белинков А.В. Солженицын и больные ракового корпуса // Новый журн. – Нью-Йорк, 1968. – № 93. – С.209-219.
153. Белинков А.В. Сталин у Солженицына: Из неизданной кн. “Судьба и книги Александра Солженицына” // Новый колокол. – Лондон, 1972. – № 1. – С.429-430.
154. Бёлль Г. Четыре статьи о Солженицыне // Иностранная лит. – М., 1989. – № 8. – С.228-237.
155. Бернштам М.С.Проклятый вопрос о цене идей // Дружба народов. – М., 1992. – № 4. – С.167-185.
156. Борисов В.М. У Солженицына в Вермонте / Беседу вела А.Н.Латынина // Лит. газ. – М., 1989. – 29 нояб. – С.5.
157. Борман А. Читая “Август Четырнадцатого” // Рус. мысль. – Париж, 1971. – 16 сент. – № 2860. – С.8.
158. Василевский А.В. Толстые журналы в октябре: Что бы мог написать Ю.Тынянов о романах Солженицына? // Неделя. – М., 1997. – № 40. – С.27.
159. Вейдле В.В. О Солженицыне // Вестн. РСХД. – Париж; Нью-Йорк, 1969. – № 91/92. – С.43-50.

160. Вейдле В.В. О Солженицыне // Вестн. РСХД. – Париж; Нью-Йорк; М., 1988. – № 154. – С.129-130.
161. Винокур Т.Г. О языке и стиле повести А.И.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” // Вопр. культуры речи. – М.: Наука, 1965. – Вып.6. – С.16-32.
162. Винокур Т.Г. С новым годом, шестьдесят вторым... // Вопр. лит. – М., 1991. – № 11/12. – С.48-69.
163. Владимов Г.Н. Быть писателем: Г.Владимов в Бостоне / Записала и подготовила И.Муравьева // Рус. мысль. – Париж, 1996. – 7/13 нояб. – № 4148. – С.11.
164. Владимов Г.Н. В. Президиум IV-го Всесоюзного съезда советских писателей (копия А.Солженицыну) // Смена. – СПб., 1989. – № 22. – С.11.
165. Владимов Г.Н. Режущая соринка в глазу // Моск. новости. – М., 1994. – 5/12 июня. – № 23. – С.1, 5А.
166. Владимов Г.Н. Только что же он сможет один...: К возвращению Солженицына // Рус. мысль. – Париж, 1994. – 2/8 июня. – № 4032. – С.1-2.
167. Вокруг письма Солженицына // Вестн. РСХД. – Париж; Нью-Йорк, 1972. – № 103. – С.145-159.
168. Волгин И.Л. Возвращение билета: Александр Солженицын как плюралист // Лит. газ. – М., 1995. – 13 дек. – № 50. – С.6.
169. Волкова Г.М. Маскарад зла и катарсис авторского голоса: “Архипелаг ГУЛаг” А.Солженицына в свете идей М.Бахтина // М.М.Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тезисы докладов III Саранских бахтинских чтений: В 2 ч. – Саранск, 1995. – Ч.2. – С.18-21.
170. Воробьев А. “Август Четырнадцатого” с военной точки зрения / Рус. мысль. – Париж, 1971. – 18 нояб. – № 2869. – С.7.
171. Газизова А.А. Конфликт временного и вечного в повести А.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” // Лит. в шк. – М., 1997. – № 4. – С.72-79.
172. Гашева Н.В. Черты кинематографичности “Архипелага ГУЛаг” А.Солженицына / Перм. гос. ун-т им. А.М.Горького. – Пермь, 1994. – 7 с. – Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 48889 от 2.02.94.
173. Геллер М.Я. Александр Солженицын: писатель на все времена / Рус. мысль. – Париж, 1981. – 21 мая. – № 3361. – С.11.
174. Геллер М.Я. Возвращение памяти: Вокруг Солженицына // Вестн. РСХД. – Париж; Нью-Йорк, 1974. – № 111. – С.90-107.

175. Геллер М.Я. Вчера и сегодня в “Красном Колесе” А.Солженицына // Обозрение. – Париж, 1985. – Ноябрь. – № 17. – С.11-19.
176. Геллер М.Я. Солженицын и Ленин // Вестн. РХД. – Париж, Нью-Йорк, 1976. – № 117. – С.170-177.
177. Герлинг-Грудзинский Г. Егор и Иван Денисович // Континент. – Мюнхен, 1978. – № 18. – С.203-211.
178. Глюксман А. Хайдеггер и Солженицын // Континент. – Мюнхен, 1988. – № 57. – С.223-224.
179. Год Солженицына: Анкета “ЛГ” / С.Лесневский, Л.Аннинский // Лит. газ. – М., 1991. – 27 февр. – № 8. – С.10.
То же / В.Максимов, Вл.Новиков // Там же. – 20 марта. – № 11. – С.10.
То же / Д.Лихачев., И.Роднянская // Там же. – 10 апр. – № 14. – С.10.
То же / А.Марков, Ж.Нива // Там же. – 24 апр. – № 16. – С.10.
То же / И.Волгин, А.Василевский // Там же – 8 мая. – № 18. – С.10.
То же / В.Солоухин, В.Страда // Там же. – 22 мая. – № 20. – С.10.
То же / Л.Сараскина, Б.Бугров, Ю.Нагибин // Там же. – 5 июня. – № 2. – С.10.
То же / И.Грекова, П.Горелов, В.Кардин // Там же. – 19 июня. – № 24. – С.10.
То же / Е.Старикова, А.Латынина, М.Окутюрье // Там же. – 3 июля. – № 26. – С.10.
То же / В.Казак, А.Немзер, Н.Струве, В.Турбин // Там же. – 17 июля. – № 28. – С.10-11.
180. Голубков М.М. Книга о Солженицыне // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1995. – № 1. – С.136-138.
181. Голубков М.М. А.И.Солженицын // История русской литературы XX века (20-90-е годы). Основные имена / МГУ им. М.В.Ломоносова. Филол. фак. – М., 1998. – С.420-447.
182. Гордиенко Т.В. Особенности языка и стиля рассказа А.И. Солженицына “Матрёнин двор” // Рус. словесность. – М., 1997. – № 3. – С.66-68.
183. Гребенщиков В. Генерал Самсонов // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1972. – 20 авг. – № 22713. – С.7.
184. Гребенщиков В. Матрёна, Фаддей и другие // Там же. – 1969. – 30 нояб.
185. Гродзенский С.Я. Миша // Звезда. – СПб., 1994. – № 6. – С. 59-64.

186. Грязневич В.И. Пророк чудак, интеллигент // Там же. – С.135-145.
187. Гуль Р.Б. Его “воплъ” услышан // Слово. – М., 1992. – № 1/6. – С.42-47.
188. Гуль Р.Б. Ленин и “Архипелаг ГУЛаг” // Новый журн. – Нью-Йорк, 1974. – Кн.115. – С.228-250.
189. Гуль Р.Б. А.Солженицын в СССР и на Западе: Бодался телёнок с дубом // Новый журн. – Нью-Йорк, 1975. – Кн.120. – С.233-256.
190. Гуль Р.Б. Солженицын и соцреализм // Гуль Р. Одвуконь. – Нью-Йорк: Мост, 1973. – С.80-95.
191. Гуль Р.Б. А.Солженицын, соцреализм и школа Ремизова // Новый журн. – Нью-Йорк, 1963. – Кн.71. – С.58-74.
192. Гуль Р.Б. 65-летие А.И.Солженицына // Там же. – 1984. – Кн.154. – С.5-7.
193. Гуральник Е.М. Воплощение авторского замысла в рассказе А.И.Солженицына “Захар-Калита” // Лит. в шк. – М., 1997. – № 4. – С.124-135.
194. Дубинин М.А. Солженицын и Л.Толстой // Рус. мысль. – Париж, 1972. – 24 февр. – № 2883. – С.6.
195. Елисеев Н.Л. “Август Четырнадцатого” Александра Солженицына на сквозь разные стекла // Звезда. – СПб., 1994. – № 6. – С.145-153.
196. Есть кому написать об Иосифе Бродском // Коммерсант daily. – М., 1996. – 1 февр. – С.13.
197. Желягин В. Солженицын и национальное возрождение // Посев. – Frankfurt a/M., 1988. – № 12. – С.4-8.
198. Живов В.М. Как вращается “Красное Колесо” // Новый мир. – М., 1992. – № 3. – С.246-249.
199. Завалишин В. Повесть о “мертвых домах” и советском крестьянстве: Об “Одном дне Ивана Денисовича” А.Солженицына // Грани. – Frankfurt a/M., 1963. – № 54. – С.133-150.
200. Зайонц М., Немзер А. В зале старинного замка: “Пир победителей” А. Солженицына: Постановка Б.Морозова. Худ. И.Сумбатшвили. Малый театр // Сегодня. – М., 1995. – 28 янв. – № 17. – С.12.: ил.
201. Зайцев Б.К. Письмо Солженицыну // Вестн. РСХД. – Париж; Нью-Йорк, 1969. – № 94. – С.97-99.
202. Залуцкая М. Герой-борец А.Солженицына в круге первом // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1970. – 27 янв.
203. Залуцкая М. Матрёна и ее двор // Там же. – 1969. – 28 сент. – С.5.

204. Залуцкая М. Солженицын и Достоевский // Там же. – 1972. – 23 апр. – С.2.
205. Залыгин С.П., Золотусский И.П. “Природа единственна и не революционна”: Диалог // Лит. газ. – М., 1992. – 28 окт. – № 14. – С.5.
206. Замятин на фоне эпохи / Публ. А.Н.Стрижева // Лит. учеба. – М., 1994. – Кн.3. – С.101-121.
207. Заславский Г. Чистая работа: “Пир победителей”, комедия в стихах. Пьеса Александра Солженицына, постановка Бориса Морозова // “Независимая газ. – М., 1995. – 27 янв. – № 14. – С.4.
208. Золотусский И.П. “Пройти безвредно между чудес и чудовищ” // Лит. обозрение. – М., 1990. – № 1. – С.4-8.
209. Золотусский И.П. Солженицын. Круг первый // Моск. новости. – М., 1990. – 26 авг. – № 34. – С.14.
210. Иванова А.И. Солженицын Александр Исаевич // Философы России XIX-XX столетий: Биографии, идеи, труды. – М.: Кн. и бизнес, 1995. – С.551-552.
211. Иоанн, архиеп. Сан-Францисский. Письмо Солженицына Патриарху // Рус. мысль. – Париж, 1972. – 27 апр. – № 2892. – С.5.
212. Калашникова С.М. Особенности хронотопа в романе А.И. Солженицына “Август Четырнадцатого” // М.М. Бахтин и проблемы современного гуманитарного знания: Материалы межвуз. науч. конф.: (27 сент. 1995, Ростов-на-Дону) // Ростовск. гос. ун-т; Каф. теории и истории мировой лит.; Фак. филол. и журналистики. – Ростов н/Д., 1995. – С.37-41.
213. Карелин Ф. По поводу письма о. Сергия Желудкова А.Солженицыну // Вестн. РСХД. – Париж; Нью-Йорк, 1972. – № 103. – С.160-172.
214. Карпович В.В. Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына // Грани. – Frankfurt a/M., 1974. – № 94. – С.236-263.
215. Карпович В.В. Некоторые черты языка Солженицына // Зап. рус. акад. группы в США = Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. – N.Y., 1972. – Т.6. – С.36-45.
216. Карпович В.В. Читая “Август Четырнадцатого” // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1971. – 26 дек. – № 22475. – С.5.
217. Катенши Ф.-Ж. Колесо цвета крови: К выходу французского перевода третьего тома третьего узла “Красного Колеса” // Рус. мысль. – Париж, 1998. – 12-18 февр. – № 4209. – С.7. – Перевод статьи из парижской газ. “Монд” от 30 янв. 1998 г.

218. Келер Л. “Раковый корпус” Солженицына: Высокое мастерство и предельная искренность // Возрождение. – Париж, 1969. – № 205. – С.57-69.
219. Келер Л. Торжество духа: О романе А. Солженицына “В круге первом” // Там же. – № 209. – С.71-86.
220. Киселев А. Варсонофьев и Н.Ф.Федоров // Новый журн. – Нью-Йорк, 1973. – Кн.110. – С.296-299.
221. Клейман Л. Заметки о “Раковом корпусе” А.Солженицына // Грани. – Frankfurt a/M., 1972. – № 83. – С.79-112.
222. Клейман Л. Человек и природа в произведениях А.Солженицына: (Некоторые аспекты темы) // Там же. – № 86. – С.117-137.
223. Клинг О.А. “...К лучшему в себе, к лучшему в себе...”: Попытка портрета Е.Б.Тагера с приложением его отзыва о “Раковом корпусе” и ответа А.И.Солженицына // Вопр. лит. – М., 1991. – № 11/12. – С.70-91.
224. Константинов Д. Духовные основы “Августа Четырнадцатого” // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1971. – 31 окт. – № 22419. – С.2.
225. Краснов В.Г. Воскрешение Столыпина // Грани. – Frankfurt a/M., 1986. – № 141. – С.154-185.
226. Краснов В.Г. Многоголосость героев в романе Солженицына “В круге первом” // Там же. – Frankfurt a/M. – 1977. – № 103. – С.155-175.
227. Кредов С. О пользе “гнусных вопросов”: Какая традиция связывает Гоголя с Солженицыным? // Рус. слово. XXI век. – М., 1994. – № 1. – С.1.
228. Кублановский Ю.М. “Август Четырнадцатого” Александра Солженицына: У истоков стиля // Рус. мысль. – Париж, 1983. – 20 окт. – № 3487. – С.12.
229. Кублановский Ю.М. Александр Солженицын: Последний день рождения на чужбине: Сегодня исполняется 75 лет классику советской антисоветской литературы // Независимая газ. – М., 1993. – 11 дек. – С.1: ил.
230. Кублановский Ю.М. В ожидании слова // Северо-Восток: Прил. к “Сибирск. газ.” – Новосибирск, 1991. – № 3. – С.14.
231. Кублановский Ю.М. Возвращение // Комс. правда. – М., 1990. – 18 февр. – С.4.
232. Кублановский Ю.М. Воскрешение истории // Кн. обозрение. – М., 1990. – 12 окт. – С.10.
233. Кублановский Ю.М. Зрячая любовь: О новых публикациях Солженицына // Труд. – М., 1995. – 20 мая. – С.3.

234. Кублановский Ю.М. "...И всё мне переосветилось" // Москва. — М., 1992. — № 5/6. — С.190-191.
235. Кублановский Ю.М. "Используя известную классификацию Данте" // Новый мир. — М., 1995. — № 9. — С.233-236.
236. Кублановский Ю.М. Ко всем нам // Лит. газ. — М., 1990. — 14 февр. — С.7.
237. Кублановский Ю.М. Кто есть кто: Еще раз о возвращении Солженицына // Русь. — Владимир, 1995. — № 1. — С.68.
238. Кублановский Ю.М. "Март Семнадцатого": Хроника исторической катастрофы // Грани. — Frankfurt a/M., 1987. — № 144. — С.183-199.
239. Кублановский Ю.М. На руинах утопии // Лит. газ. — М., 1990. — 7 нояб. — № 45. — С.4.
240. Кублановский Ю.М. Неостывающее слово: О публицистике Александра Солженицына // Труд. — М., 1996. — 28 марта. — С.7.
241. Кублановский Ю.М. О Всероссийской мемуарной библиотеке // Кн. обозрение. — М., 1990. — 8 июня. — С.10.
242. Кублановский Ю.М. Образ императрицы в "Красном Колесе" А.Солженицына // Вестн. РХД. — Париж; Нью-Йорк; М., 1988. — № 154.-С.150-174.
243. Кублановский Ю.М. Последний день рождения на чужбине // Независимая газ. — М., 1993. — 11 дек. — № 238. — С.1.
244. Кублановский Ю.М. Привкус счастья и бедствия / Интервью взяла Е.Якович // Лит. газ. — М., 1990. — 14 февр. — С.7.
245. Кублановский Ю.М. Провиденциальность писателя // Стрелец. — Париж; Нью-Йорк, 1985. — № 8. — С.21-22.
246. Кублановский Ю.М. Прыжок в Россию // Начало. — М., 1992. — № 21. — С.5.
247. Кублановский Ю.М. "С того берега" о Солженицыне // Новый мир. — М., 1993. — № 11. — С.242-245.
248. Кублановский Ю.М. Солженицын — городу и миру // Посев. — Frankfurt a/M., 1988. — № 12. — С.14-16. — (Солженицын — голос России).
249. Кублановский Ю.М. Солженицын при демократии // Труд. — М., 1997. — 26 февр. — № 37. — С.1, 6: портр.
250. Кублановский Ю.М. Спасение через слово // Новый мир. — М., 1996. — № 6. — С.227-232.
251. Кублановский Ю.М. Стиль и историософия "Красного Колеса" А.И.Солженицына // Стрелец. — Париж; Нью-Йорк, 1989. — № 1. — С.283-293.

252. Кублановский Ю.М. Хроника, роман, эпос... // Кн. обозрение. — М., 1989. — 20 окт. — № 42. — С.4-5.
253. Кублановский Ю., Дюжева Н. Полтора часа с Солженицыным // Рус. мысль. — Париж, 1983. — 15 дек. — № 3495. — С.4: ил.
254. Курбатов В. Пока мы не ответим // Москва. — М., 1993. — № 5. — С.131-132. — (Из дневника критика).
255. Лаврёнов П.П. Национальный характер в рассказе А.Солженицына “Матрёнин двор” // Вестн. Белорус. ун-та им. В.И.Ленина. Сер.4, Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. — Минск, 1992. — № 3. — С.15-18.
256. Лавров В. Лицо // Нева. — М., 1993. — № 12. — С.255-263.
257. Лакшин В.Я. Булгаков и Солженицын: К постановке проблемы // Лакшин В.Я. Берега культуры. — М.: МИРОС, 1994. — С.263-269.
258. Лакшин В.Я. Возвращение Солженицына // Там же. — С.307-324.
259. Лакшин В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги // Новый мир. — М., 1964. — № 1. — С.223-245.
То же. // Лакшин В.Я. Берега культуры. — М., МИРОС, 1994. — С.270-307.
260. Лалакин Н. Солженицын в Мильцеве // Лалакин Н. Память благовеста: Докум. повесть. — М.: Современ. писатель, 1993. — С.135-157.
261. Латынина А.Н. Двадцать лет спустя: Солженицын снова в России // Лит. газ. — М., 1994. — 1 мая. — № 22. — С.3.
262. Латынина А.Н. Красный директор и молодой банкир в условиях дикого рынка // Там же. — 1996. — 17 июля. — № 29. — С.4.
263. Латынина А.Н. Крушение идеократии: От “Одного дня Ивана Денисовича” к “Архипелагу ГУЛаг” // Лит. обозрение. — М., 1990. — № 4. — С.3-8.
264. Латынина А.Н. Кто с Солженицыным? // Взгляд: Сб. — М.: Сов. писатель, 1991. — Вып.3. — С.106-126.
265. Латынина А.Н. Отложенные замыслы: Параллельные жизнеописания: версия Солженицына // Лит. газ. — М., 1995. — 5 июля. — № 27. — С.4.
266. Латынина А.Н. После сражения с дубом: 20 лет Александр Солженицын работал над мемуарами, публикацию которых начал “Новый мир” // Там же. — 1998. — 9 сент. — № 36. — С.1, 9. — В текст ст. включено интервью с Н.Д.Солженицыной.
267. Латынина А.Н. Солженицын и мы // Новый мир. — М., 1990. — № 1. — С.241-258.

268. Латынина А.Н. У Солженицына в Вермонте / Беседа с В.Борисовым // Лит. газ. – М., 1989. – № 48. – С.5.
269. Левицкий С. Под знаменем добра и справедливости // Посев. – Frankfurt a/M., 1975. – № 6. – С.56-59.
270. Левицкий С. Этика Солженицына // Новый журн. – Нью-Йорк, 1971. – Кн.102. – С.111-123.
271. Лекманов О.А. “От железной дороги подале, к озёрам...”: О том, как устроено пространство в рассказе А.И.Солженицына “Матрёнин двор” // Рус. мысль. – Париж, 1998. – 7/13 мая. – № 4221. – С.13.
272. Лерт Р.Б. Хотим ли мы вернуться в XVI век? // Лерт Р.Б. На том стою: Публикации “самиздата”. – М.: Моск. рабочий, 1991. – С.32-54.
273. Лерт Р.Б. Этика и история в романе “Август Четырнадцатого” // Там же. – С.136-165.
274. Лесневский С.С. “Будь гражданин...” // Кн. обозрение. – М., 1990. – 28 сент. – С.3.
275. Лесневский С.С. “Одно слово правды весь мир перетянет” // Там же. – 1989. – 11 авг. – № 32. – С.8.
276. Лесневский С.С. Судьба сгорела между строк / Беседу вела Л.Фомина // Моск. правда. – М., 1989. – 4 окт. – С.3.
277. Линьков Р. Митрополит Иоанн против Александра Солженицына // Смена. – СПб., 1994. – 6 июля. – С.2.
278. Липовецкий М.Н. Приветная песнь совка: О Солженицыне по канонам соцреализма // Лит. газ. – М., 1994. – 5 окт. – № 40. – С.4.
279. Лифшиц М.А. О повести А.И.Солженицына “Один день Ивана Денисовича” // Вопр. лит. – М., 1990. – № 7. – С.74-75.
280. Лифшиц М.А. О рукописи А.И.Солженицына “В круге первом” // Там же. – С.75-83.
281. Лосев Л.В. Великолепное будущее России: Заметки при чтении “Августа Четырнадцатого” А.Солженицына // Континент. – Мюнхен, 1984. – № 42. – С.289-320.
282. Лосев Л.В. Поэзия и правда у Солженицына // Эхо = Echo. – Paris, 1986. – № 4. – С.234-253.
283. Лосев Л.В. Солженицынские евреи // Стрелец. – Париж; Нью-Йорк, 1989. – № 1. – С.294-311.
284. Лурье Я.С. Александр Солженицын – эволюция его исторических взглядов // Звезда. – СПб., 1994. – № 6. – С.117-125.
285. Любимов Б.Н. Жить не полжи // Сов. экран. – М., 1989. – № 13. – С.13.: ил.

286. Любимов Б.Н. Март семнадцатого в “Марте Семнадцатого” // Любимов Б.Н. Действо и действие. – М.: Шк. “Языки рус. культуры”, 1997. – Т. 1. – С.386-390.
287. Любимов Б.Н. Мирозерцание Солженицына // Там же. – С.391-395.
288. Любимов Б.Н. Плотность творчества и объем жизни: Феномен публицистики Александра Солженицына // Кулиса НГ.: Прил. к “Независимой газ.” – М., 1998. – Февр. – № 3.
289. Любимов Б.Н. Предсказывающий историю: Царственное слово // Любимов Б.Н. Действо и действие. – М.: Шк. “Языки рус. культуры”, 1997. – Т.1. – С.359-380.
290. Любимов Б.Н. Смысл жизни // Там же. – С.381-185.
291. Любимов Б.Н. Солженицын – драматург: Заметки критика // Театр. жизнь. – М., 1989. – № 14. – С.12-13.: портр.
292. Любимов Б.Н. Царственное слово // Сегодня. – М., 1995. – 8 февр. – № 24. – С.9.
293. Мамантов И.А. Религиозные мотивы у Солженицына // Новый журн. – Нью-Йорк, 1974. – Кн.114. – С.220-224.
294. Маркштайн Э. О повествовательной структуре “Архипелага ГУЛаг” // Филол. зап. – Воронеж, 1993. – Вып.1. – С.91-101.
295. Медовой И. Солженицын и мы: (К 75-летию А.И.Солженицына) // Культура. – М., 1993. – 11 дек. – С.1.
296. Миркович Е. Писатель-летописец // Посев. – Frankfurt a/M., 1988. – № 2. – С.2-4.
297. Можаяев Б.А. Возвращение гражданина и причуды пошлости // Можаяев Б.А. Затмение: Рассказы. Очерки. – М.: Труд, 1995. – С.419-430.
298. Можаяев Б.А. Каинова печать и нательный крест: Письмо в ред. // Аргументы и факты. – М., 1990. – 26 янв. – С.5.
299. Можаяев Б.А. Мы еще помужествуем // Лит. газ. – М., 1993. – 15 дек. – № 50. – С.3.
300. Можаяев Б.А. “О чем шумите вы, народные витии?” // Можаяев Б.А. Затмение: Рассказы. Очерки. – М.: Труд, 1995. – С.410-419.
301. Можаяев Б.А. Пустоплясы // Лит. газ. – М., 1992. – 15 июля. – № 29. – С.3.
302. Можаяев Б.А. Серьезное время // Век XX и мир. – М., 1989. – № 1. – С.4-7.
303. Муромский В.П. История литературной полемики вокруг повести “Один день Ивана Денисовича” // Лит. в shk. – М., 1994. – № 3. – С.26-30.

304. Назаров М. Два кредо: Этика и эстетика у Солженицына и у Бродского // Вестн. РХД. – Париж; Нью-Йорк; М., 1988. – № 154. – С.175-192.
305. Неймирок А. “Россию жалко...”: (О романе А.Солженицына “Август Четырнадцатого”) // Грани. – Frankfurt a/M., 1971. – № 82 – С.173-182.
306. Некрасов В.П. Исаичу // Континент. – Мюнхен, 1978. – № 18. – Спец. прил. – С.3-5.
307. Немзер А.С. Взгляд на русскую прозу в 1995 г. // Сегодня. – М., 1995. – 23 дек. – С.7.
308. Немзер А.С. Герои нашего времени из андерграунда // Известия. – М., 1998. – 30 янв. – № 17. – С.6.
309. Немзер А.С. Дарование и поручение // Сегодня. – М., 1993. – 11 дек. – № 93. – С.14: ил.
310. Немзер А.С. Две стратегии: “Наши плюралисты” на новом витке // Независимая газ. – М., 1992. – 4 июня. – С.5,7.
311. Немзер А.С. Имя, ставшее словом: Солженицын. “Звезда”, № 6 // Сегодня. – М., 1994. – 28 окт. – С.10.
312. Немзер А.С. Любовь к истине как писательский стиль // Там же. – 27 мая. – № 98. – С.9.
313. Немзер А.С. На валу истории: Заметки о творчестве А.И.Солженицына: К выходу в свет “Апреля Семнадцатого” и отечественной публикации “Бодался телёнок с дубом” // Независимая газ. – М., 1992. – 26 февр. – № 38. – С.5.
314. Немзер А.С. Непредусмотренный голос // Там же. – 19 нояб. – С.7.
315. Немзер А.С. Облачно с прояснениями: Заметки о критике-90 // Лит. обозрение. – М., 1991. – № 2. – С.26-37.
316. Немзер А.С. Прозревая Россию: Заметки о “Марте Семнадцатого” // Там же. – 1990. – № 12. – С.19-27. – (Читаем Солженицына).
317. Немзер А.С. Рождество и Воскресение: О романе Александра Солженицына “В круге первом” // Там же. – № 6. – С.31-37.
318. Немзер А.С. Сегодня и о сегодняшнем // Сегодня. – М., 1995. – 22 нояб. – № 221. – С.10.
319. Немзер А.С. Современный диалог с Гоголем // Новый мир. – М., 1994. – № 5. – С.208-225.
320. Нива Ж. Весьма разумная утопия Александра Солженицына // Рус. мысль. – Париж, 1990. – 19 окт. – № 3850. – С.9: портр.
321. Нива Ж. От одной “глыбы” к другой // Вестн. РХД. – Париж; Нью-Йорк; М., 1988. – № 154. – С.131-136.

322. Нива Ж. Писатель в России утратил венец философа / Беседа с Ю.Коваленко // Известия. — М., 1994. — 26 янв. — С.14.
323. Нива Ж. Поэма о “разброде добродетелей” // Континент. — М.; Париж, 1993. — № 75. — С.286-295.
324. Нива Ж. “Пророки живут в своих отечествах!” — утверждает профессор Женевского университета Жорж Нива / Г.Анджапаридзе, А.Шуплов, Д.Ильичёв // Кн. обозрение — М., 1993. — 14 мая. — № 19. — С.22.
325. Нива Ж. Слово и взгляд у Солженицына // Континент. — Мюнхен, 1978. — № 18. — С.309-338.
326. Нива Ж. Солженицын двадцать лет спустя // Рус. мысль. — Париж, 1982. — 2 сент. — № 3428. — С.7: ил.
327. Нива Ж. Солженицын и мы // Обозрение: Аналитич. журн. “Рус. мысли”. — Париж, 1985. — Ноябрь. — № 17. — С.3-10.
328. Нива Ж. Солженицын и Россия: Пер. с фр. // Рус. мысль. — Париж, 1992. — 3 янв. — № 3911. — С.9: ил.
329. Нива Ж. Страна остро нуждается в дебатах // Там же. — 1995. — 27 апр./3 мая. — № 4075. — С.8.
330. Новиков Вл.И. Раскрепощение: Воспоминания читателя // Знамя. — М., 1990. — № 3. — С.210-216.
331. Новиков Вл.И. С чужого “я” начнется литература XXI века // Новиков Вл.И. Заскок. — М.: Кн. сад, 1997. — С.175-179.
332. Новиков Вл.И. Табель читабельности // Общая газ. — М., 1994. — № 32. — С.10.
333. Оболенский С. “Ткань истории” у Солженицына // Возрождение. — Париж, 1971. — Июль. — № 239. — С.151-159.
334. Одабашьян П.С. Духовный мир героев А.И.Солженицына // Грани. — Frankfurt a/M., 1978. — № 89/90. — С.246-268.
335. Орлицкий Ю.Б. “Крохотки” А.Солженицына в контексте русской “малой прозы” // Рус. классика 20 в.: Пределы интерпретации: Сб. материалов науч. конф. — Ставрополь, 1995. — С.83-86.
336. Орловская-Бальзамо Е. Ипполит Тэн и Александр Солженицын: точки соприкосновения: Глава из неизд. кн. “Солженицын перед судом истории” / Пер. Г.Шумиловой // Новое лит. обозрение. — М., 1995. — № 13. — С.338-347.
337. Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн / Пер. с фр. Д.Румянцевой // Новый мир. — М., 1996. — № 7. — С.195-211.
338. Паламарчук П.Г. Возвращение // Грани. — Frankfurt a/M., 1992. — № 166. — С.297-302.

339. Паламарчук П.Г. Второе действие “Красного Колеса”: Эпопея Солженицына окончена. Колесо катится дальше // Лит. Россия. – М., 1991. – 4 окт. – № 40. – С.10-12.
340. Паламарчук П.Г. Умышленны ли искажения // Там же. – 1989. – 24 нояб. – № 47. – С.6.
341. Паламарчук П.Г. Читать Александра Солженицына! // Наш современник. – М., 19. – № 12. – С.119-121.
342. Панин Д.М. Возражения Солженицыну // Современник. – Торонто, 1979. – № 43/44. – С.199-203.
343. Пашин Н. Язык и структура “Августа Четырнадцатого” // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1971. – 21 нояб. – С.2.
344. Плетнев Р. “Август Четырнадцатого” // Рус. мысль. – Париж, 1971. – 18 нояб. – № 2869. – С.7.
345. Подгорная С. Коллективный труд о Солженицыне // Грани. – Frankfurt a/M., 1972. – № 84. – С.212-215.
346. Померанцев К.Д. В начале был “Один день Ивана Денисовича” // Рус. мысль. – Париж, 1978. – 14 дек. – № 3234. – С.9: портр.
347. Померанцев К.Д. “Двадцатый век” Роя Медведева // Там же. – 1976. – 2 сент. – № 3115. – С.6.
348. Померанцев К.Д. Добро и зло у Солженицына // Новый журн. – Нью-Йорк, 1969. – Кн. 95. – С.149-158.
349. Померанцев К.Д. Слушая Солженицына // Рус. мысль. – Париж, 1978. – 27 июля. – № 3214. – С.6: портр.
350. Померанцев К.Д. Солженицын – знамение нашего времени // Континент. – Мюнхен, 1978. – № 18. – Спец. прил. – С.6-12.
351. Померанцев К.Д. Солженицын и его мир // Рус. мысль. – Париж, 1969. – 20 марта. – Прил. – С.1.
352. Померанцев К.Д. Солженицын и Маркс // Там же. – 1982. – 18 марта. – № 3404. – С.10.
353. Померанцев К.Д. “Чем грозит Западу плохое понимание России” // Там же. – 1980. – 30 окт. – № 3332. – С.4.
354. Поремский В. Две перспективы // Посев. – Frankfurt a/M., 1974. – № 6. – С.31-37.
355. Поспеловский Д.В. Вольные мысли о сборнике “Из-под глыб” // Грани. – Frankfurt a/M., 1975. – № 97. – С.174-222.
356. Поспеловский Д.В. Загадка Н.И.Ульянова // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1971. – 15 авг. – № 22342. – С.2.
357. Потапов В. Звезда, река, загадка...: Заметки об “Августе Четырнадцатого” // Лит. обозрение. – М., 1990. – № 11. – С.18-22. – (Читаем Солженицына).

358. Потапов В. Сеятель слово сеет: (О Солженицыне на возврате дыхания и сознания) // Знамя. — М., 1990. — № 3. — С.204-209.
359. Рак И. “Озабоченный правдой” // Литература: Ежегод. прил. к газ. “Первое сент.” — М., 1996. — Март. — № 9. — С.1-2: портр. — (Новое в школьных программах).
360. Рак И. Русский словарь языкового расширения // Нева. — Л., 1991. — № 8. — С.189.
361. Ранчин А.М. Летопись Александра Солженицына // Стрелец. — Париж; М.; Нью-Йорк: Третья волна, 1995. — № 1. — С.176-192.
362. Ржевский Л.Д. Мастерство Солженицына // Наша страна. — Буэнос-Айрес, 1969. — 27 мая. — С.4.
363. Ржевский Л.Д. Образ рассказчика в повести “Один день Ивана Денисовича” // Ржевский Л.Д. Прочтение творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы. — N.Y.: Univ. press, 1970. — С. 237-252.
364. Ржевский Л.Д. Солженицын — художник и “Архипелаг ГУЛag” // Записки рус. акад. группы в США = Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. — N.Y., 1974. — Т. 8. — С. 59-62.
365. Ржевский Л.Д. Творческое слово у Солженицына // Ржевский Л.Д. Прочтение творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы. — N.Y.: Univ. press, 1970. — С. 219-235.
366. Роднянская И.Б. Уроки четвертого узла // Роднянская И.Б. Литературное семилетие. — М.: Кн. сад, 1995. — С.6-16.
367. Русланов С. (Краснов В.Г.) Эпигон Великого Инквизитора: К портрету Сталина в романе А.И.Солженицына “В круге первом” // Грани. — Frankfurt a/M., 1974. — № 92/93. — С.279-294.
368. Рутыч Н.Н. Военная интеллигенция в творчестве Солженицына // Рутыч Н.Н. Думская монархия. — СПб.: Logos, 1993. — С. 76-84.
369. Рутыч Н.Н. Журнал боевых действий: О кн. А.И.Солженицына “Бодался телёнок с дубом” // Посев. — Frankfurt a/M., 1975. — № 11. — С.58-61.
370. Рутыч Н.Н. Исторические взгляды Солженицына: К выходу романа “Август Четырнадцатого” // Там же. — 1971. — № 8. — С.57-59.
371. Рутыч Н.Н. Новая тотальная стратегия: По страницам кн. А.Солженицына “Ленин в Цюрихе” // Рутыч Н.Н. Думская монархия. — СПб.: Logos, 1993. — С.96-109.
372. Рутыч Н.Н. О “Ленине в Цюрихе” // Посев. — Frankfurt a/M., 1976. — № 8. — С.38-45.
373. Рутыч Н.Н. От Воротынцева к Столыпину // Рутыч Н.Н. Думская монархия. — СПб.: Logos, 1993. — С.68-75.

374. Рутыч Н.Н. Сталин в современной литературе // Посев. — Frankfurt а/М., 1980. — № 2. — С.48-54.
375. Рутыч Н.Н. Страх перед Воротынцевым?: По поводу критики романа Солженицына “Август Четырнадцатый” // Там же. — 1972. — № 6. — С.46-49.
376. Сараскина Л.И. Код Солженицына // Россия. — М., 1996. — № 1. — С.56-57: ил.
377. Сараскина Л.И. Один год из жизни Александра Исаевича: Встреча Солженицына с Отечеством сложилась непросто // Век. — М., 1995. — 8/14 сент. — № 35. — С.11.
378. Сараскина Л.И. “Россия опять собирается с мыслями”: О поздней публицистике Ф.М.Достоевского и А.И.Солженицына // Звезда. — СПб., 1994. — № 6. — С.109-116.
379. Сараскина Л.И. Театр Александра Солженицына // Современная драматургия. — М., 1995. — № 3/4. — С.203-212.
380. Светов Ф.Г. Разделение...: (После “Очерков литературной жизни” А.Солженицына “Бодался телёнок с дубом”) // Вестн. РХД. — Париж; Нью-Йорк, 1977. — № 121. — С.195-236.
381. Седуро В. Не в уровень и с любовью, а в свете морального суда: Сталин в изображении А.Солженицына // Рус. мысль. — Париж, 1978. — 6 апр. — № 3198. — С.4.
382. Седуро В. Солженицын и традиции полифонического романа Достоевского // Современник. — Торонто, 1977. — № 32-36.
383. Семикоз Ю. [Предисловие к публикации фрагментов “Русского словаря языкового расширения”] // Кн. обозрение. — М., 1990. — 30 марта. — № 13. — С.5.
384. Сендеров В.А. К 70-летию Александра Солженицына: (Ответы на вопросы анкеты журнала “Выбор”) // Вестн. РХД. — Париж; Нью-Йорк; М., 1988. — № 154. — С.99-105.
385. Слово о Солженицыне / В.А.Солоухин, И.Р.Шафаревич, В.Н.Крупин, Л.И.Бородин, В.Г.Распутин // Наш современник. — М., 1990. — № 1. — С.58-67.
386. Смирнов В. “Красное Колесо”. Радиоверсия // Приазовский край. — Ростов, 1997. — 25 дек. — № 51. — С.1.
387. Сокольский А. Волнующие темы романа Солженицына “В круге первом” // Новое рус. слово. — Нью-Йорк, 1971. — 5 сент. — № 22363. — С.2.
388. А.И.Солженицын во Франции // Вестн. РХД. — Париж; Нью-Йорк, 1975. — № 115. — С.258-263.

389. Солженицына Н.Д. "...Каждому, кому дорога Россия" / Интервью вел Ю.М.Кублановский // Рус. мысль. – Париж, 1983. – 22 дек. – № 3496. – С.10.
390. Солженицына Н.Д. Мы снова наконец на своем месте // Лит. газ. – М., 1995. – 5 апр. – № 14. – С.6.
391. Солженицына Н.Д. На своей земле / Беседа с К.Кедровым // Известия. – М., 1992. – 25 мая. – № 121. – С.7.
392. Солженицына Н.Д. Писатель должен быть силой объединяющей, а не разъединяющей / Беседа с К.Кедровым // Там же. – 23 июля. – № 168. – С.3.
393. Солженицына Н.Д. Солженицыны / Беседа с Н.Желноровой // Аргументы и факты. – М., 1997. – № 50. – С.3,6; № 51. – С.9-10.
394. Солоухин В.А. Российский вечер в Вермонте // Лит. газ. – М., 1993. – 15 дек. – № 50. – С.3.
395. Спиваковский П.Е. "Архипелаг ГУЛag" // Энциклопедия литературных произведений. – М.: Вагриус, 1998. – С.25-27.
396. Спиваковский П.Е. История, душа и "эго" // Лит. обозрение. – М., 1996. – № 1. – С.48-50.
397. Спиваковский П.Е. Лексическое "расширение" в эпосе А.И.Солженицына "Красное Колесо" // Социальные и гуманитар. науки. Отеч. лит. Сер. 6, Языкознание: РЖ / ИНИОН РАН. – М., 1994. – № 4. – С.54-64.
398. Спиваковский П.Е. "Матрёнин двор" // Энциклопедия литературных произведений. – М.: Вагриус, 1998. – С.284.
399. Спиваковский П.Е. "Один день Ивана Денисовича" // Там же. – С.330.
400. Спиваковский П.Е. Полифония трансцендентальных миров: (Некоторые особенности художественной структуры эпоса А.И.Солженицына "Красное Колесо") // Филол. науки. – М., 1997. – № 2. – С.34-46.
401. Спиваковский П.Е. Символическое осмысление жизненной реальности в эпических произведениях А.И.Солженицына 1950-1980-х гг. (на примере мотива руки) // Актуальные проблемы современного литературоведения: Материалы межвузовск. науч. конф. – М.: Изд-во МГОПУ, 1988. – Вып. 2. – С.78-82.
402. Спиваковский П.Е. "Странные слова" Александра Солженицына // Социальные и гуманитар. науки. Зарубежная лит. Сер.7, Литературоведение: РЖ / ИНИОН РАН. – М., 1994. – № 1. – С.37-43.
403. Сталин и Солженицын // Посев. – Frankfurt a/M., 1969. – № 12. – С.1.

404. Столыпин А.П. Столыпин и Николай II в “Августе Четырнадцатого” // Там же. – 1984. – № 3. – С.58-60.
405. Столяров К.А. Дело капитана Солженицына: Факты и комментарии // Столяров К.А. Палачи и жертвы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. – С.331-360.
406. Страда В. Новая Россия Солженицына: Полит. реализм, органически спаянный с глубокой нравственностью // Рус. мысль. – Париж, 1990. – 12 окт. – № 3849. – С.8.
407. Страда В. Почему Солженицын против “имперского дурмана” // Лит. газ. – М., 1990. – 7 нояб. – № 45. – С.4.
408. Страда В. Три измерения Солженицына // Вече. – Мюнхен, 1983. – № 12. – С.121-127.
409. Страда В. “Феномен Солженицына” и новая Россия // Лит. газ. – М., 1992. – 8 янв. – № 2. – С.4.
410. Струве Г.П. Кое-что о новом романе Солженицына // Новое рус. слово. – Нью-Йорк, 1971. – 12 сент. – № 22370. – С.2; 19 сент. – № 22377. – С.2.
411. Струве Г.П. Об одном источнике “Августа Четырнадцатого”: Солженицын и генерал Франсуа // Там же – 3 окт. – № 22391. – С.2, 4.
412. Струве Н.А. В ленинском духе: О выступлении проф. Е.Эткинда в Дании, март 1988 // Вестн. РХД – Париж; Нью-Йорк, 1988. – № 153. – С.136-139.
413. Струве Н.А. К возвращению Солженицына в Россию: От ред. // Вестн. РХД. – Париж; Нью-Йорк, 1994. – № 169. – С.3-4.
414. Струве Н.А. Реставрируя будущее / Беседу вел С.Власов // Гермес. – М., 1994. – № 6. – С.12.
415. Сурганов В. Один в поле воин // Лит. обозрение. – М., 1990. – № 8. – С.5-13. – (Читаем Солженицына).
416. Суриков В. О Солженицыне – читая “Август” // Там же. – 1994. – № 7/8. – С.3-14.
417. Тарасова Н. По гоголевским заветам: О новом рассказе А.Солженицына // Посев. – Frankfurt a/M., 1963. – 27 сент. – № 39. – С.7-8.
418. Таубер Е. “Матрёнин двор” А.Солженицына и “Живые мощи” И.Тургенева // Грани. – Frankfurt a/M., 1964. – № 55. – С.229-232.
419. Твардовский А.Т. Вместо предисловия // Новый мир. – М., 1962. – № 11. – С.8-9.
420. Телицына Т.В. Образность в “Архипелаге ГУЛаг” А.И.Солженицына // Филол. науки. – М.: Высш. шк., 1991. – № 5. – С.14-24.
421. Темпест Р. Герой как свидетель: Мифопоэтика Александра Солженицына // Звезда. – СПб., 1993. – № 10. – С.181-191.

422. Темпест Р. К проблеме героического мировоззрения: (Солженицын и Ницше) // Там же. — 1994. — № 6. — С.93-108.
423. Томашевская З.Б. И сей день не без завтрашнего // Там же. — № 6. — С.73-81.
424. Травин Д.Я. Авторитарный тормоз для “Красного Колеса” // Там же. — № 6. — С.125-135.
425. Тростников В.Н. О Гарвардской речи А.Солженицына // Вестн. РХД. — Париж; Нью-Йорк, 1979. — № 128. — С.358-361.
426. Ульянов Н.И. Загадка Солженицына // Новое рус. слово. — Нью-Йорк, 1971. — 1 авг. — № 22328. — С.2.
427. Фельштинский Ю. “Красное Колесо” — книга будущего: Эссе // Стрелец. — Париж; Нью-Йорк, 1988. — № 12. — С.5.
428. Филиппов Б.А. Еще о партийности: Заметки о сов. лит. // Рус. мысль. — Париж, 1976. — 22 янв. — № 3087. — С.8.
429. Франк В.С. Солженицын и Толстой // Посев. — Frankfurt a/M., 1971. — № 7. — С.54-57.
430. Фридлендер Г.М. О Солженицыне и его эстетике // Рус. лит. — СПб.: Наука, 1993. — № 1. — С.92-99.
431. Харрис Д.Г. “Архипелаг ГУЛаг” Солженицына и “литература достоверности” // Русская литература XX века: Исслед. амер. ученых. — СПб.: Петро-РИФ, 1993. — С.476-499.
432. Чудакова М.О. Облик и мысль великого соотечественника: Телефильм о Солженицыне // Культура. — М., 1992. — 17 окт. — № 24. — С.3.
433. Чудакова М.О. Путь к себе: Лит. ситуация. — 1989 / Беседа с Е.Канчуковым // Лит. обозрение. — М., 1990. — № 1. — С.33-38.
434. Чудакова М.О. Сквозь звезды к терниям: Смена лит. циклов // Новый мир. — М., 1990. — № 4. — С.242-262.
435. Чуковская Е.Ц. Вернуть Солженицыну гражданство СССР // Кн. обозрение. — М., 1988. — 5 авг. — № 32. — С.15.
436. Чуковский К.И. Литературное чудо // Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. — М.: Согласие, 1977. — Т.2:1952-1962. — С.768-769.
437. Шаламов В.Т. Письма А.Солженицыну // Знамя. — М., 1990. — № 7. — С.62-89.
438. Шаховская З.А. О правде и свободе Солженицына // Слово. — М., 1990. — № 3. — С.82.
439. Шилиев Е. Лагерный язык по произведениям Солженицына // Новый журн. — Нью-Йорк, 1969. — Кн. 95. — С.232-247.

440. Шкловский Е.А. Чем жив человек: О повести “Раковый корпус” // Лит. обозрение. — М., 1990. — № 7. — С.10-14.
441. Шмелев А.Д. Об орфографических воззрениях Солженицына // Рус. речь. — М., 1993. — № 5. — С.119-121.
442. Шмеман А., прот. Зрячая любовь // Вестн. РСХД. — Париж; Нью-Йорк, 1971. — № 100. — С.141-152.
443. Шмеман А., прот. “На злобу дня”: О Солженицыне и его обвинителях // Вестн. РХД — Париж; Нью-Йорк, 1979. — № 130. — С.237-246.
444. Шмеман А., прот. О духовности, церковности и мифах: Ответ на письмо о Солженицыне // Вестн. РСХД. — Париж; Нью-Йорк, 1972. — № 106. — С.245-258.
445. Шмеман А., прот. О молитве Александра Солженицына / Предисл. прот. И.Свиридова // Рус. мысль. — Париж, 1994. — 15/21 сент. — № 4044. — С.16: ил.
446. Шмеман А., прот. О Солженицыне // Вестн. РСХД. — Париж; Нью-Йорк, 1970. — № 98. — С.72-87.
447. Шмеман А., прот. Ответ Солженицыну // Вестн. РХД. — Париж; Нью-Йорк, 1976. — № 117. — С.121-135.
448. Шмеман А., прот. Сказочная книга // Вестн. РСХД. — Париж; Нью-Йорк, 1973. — № 108/110. — С.169-173.
449. Шнеерсон М. Будущее в прошедшем: “Март Семнадцатого” А.Солженицына // Посев. — Frankfurt а/М., 1987. — № 11. — С.55-60.
450. Шнеерсон М. Великое противостояние душ // Грани. — Frankfurt а/М., 1982. — № 126. — С.83-139.
451. Шнеерсон М. Главы, напечатанные петитом: Из наблюдений над “Красным Колесом” А.Солженицына // Там же. — 1987. — № 143. — С.86-108.
452. Шнеерсон М. Голос Шухова в произведениях Солженицына: К 25-летию “Одного дня Ивана Денисовича” // Там же. — № 146. — С.106-133.
453. Шнеерсон М. Документальная правда и художественный вымысел: Из наблюдений над “Красным Колесом” А.Солженицына // Стрелец. — Париж; Нью-Йорк, 1987. — № 1. — С.20-27.
454. Шнеерсон М. Жить не по лжи // Новое рус. слово. — Нью-Йорк, 1988. — 9 дек. — С.4: ил. — (А.И.Солженицыну — 70 лет).
455. Шнеерсон М. Загадка Богрова // Посев. — Frankfurt а/М., 1987. № 9. — С.43-48.

456. Шнеерсон М. Зов к раскаянию: Перечитывая “Архипелаг ГУЛаг” // Новый американец. – Нью-Йорк, 1980. – 5/11 нояб. – № 39. – С.8-9.
457. Шнеерсон М. “И книги пусть текут..”: О собр. соч. А.Солженицына // Посев. – Frankfurt a/M., 1985. – № 9. – С.56-58.
458. Шнеерсон М. “Крохотки” Александра Солженицына // Рус. мысль. – Париж, 1982. – 30 сент. – № 3432. – С.10.
459. Шнеерсон М. По журнальным страницам // Стрелец. – Париж; Нью-Йорк, 1986. – № 6. – С.18-19.
460. Шнеерсон М. По разным дорогам – в одном направлении // Грани. – Frankfurt a/M., 1994. – № 174. – С.126-163.
461. Шнеерсон М. “Помочь миру в его раскалённый час”: О полит. выступлениях Солженицына // Новый американец. – Нью-Йорк, 1981. – 31 окт. / 6 нояб. – № 89. – С.12-15.
462. Шнеерсон М. “Правило последних вершков”: О романе А.Солженицына “В круге первом” // Грани. – Frankfurt a/M., 1983. – № 129. – С.18-49.
463. Шнеерсон М. Солженицын и наше поколение // Новый американец. – Нью-Йорк, 1981. – 29 авг./5 сент. – № 81. – С.14-15: портр.
464. Штурман Д.М. Блуд на крови: Письмо драматургу Шатрову // Лит. Россия. – М., 1991. – 5 апр. – № 14. – С.8-9.
465. Штурман Д.М. Время и слово // Посев. – Frankfurt a/M., 1991. – № 1. – С.81-92. – (Как нам обустроить Россию).
466. Штурман Д.М. Остановимо ли Красное Колесо?: Размышления публициста над заключительными Узлами эпопеи А.Солженицына // Новый мир. – М., 1993. – № 2. – С.144-171.
467. Штурман Д.М. Публицистика в “Континенте” № 42-45 // Посев. – Frankfurt a/M., 1986. – № 4. – С.56-61.
468. Штурман Д.М. Россия прошлого и будущего: Докл. на конф. “Александр Солженицын. Старая и новая Россия”. Неаполь, сент. 1991 // Рус. мысль. – Париж, 1991. – 29 нояб. – № 3906. – С.12: портр.
469. Штурман Д.М. “С кем вы, мастера культуры?” // Голос зарубежья. – Мюнхен, 1981. – № 20. – С.31-42; № 21. – С.23-36.
470. Штурман Д.М. “...Солженицын, единственное оружие которого – Слово, бескомпромиссно непримирим к насилию”: Беседа. Нью-Йорк – Иерусалим, окт. 1988 / А.Глезер // Стрелец. – Париж; Нью-Йорк, 1988. – № 12. – С.14-15.

471. Штурман Д.М. Солженицын и некоторые его читатели // *Время и мы*. – Тель-Авив, 1988. – № 100. – С.215-224.
472. Штурман Д.М. Солженицын о Ленине в Цюрихе // *Двадцать два*. – Рамат-Ган (Израиль), 1984. – № 38. – С.168-182; № 39. – С.158-172.
473. Штурман Д.М. Солженицын: Россия прошлого и будущего // *Смена*. – СПб., 1992. – 12 июня. – С.1, 3.
474. Штурман Д.М. Солженицыну 70 лет // *Голос зарубежья*. – Мюнхен, 1988. – № 51. – С.2-5.
475. Штурман Д.М. Стукачи и гонг справедливости // *Время и мы*. – Тель-Авив, 1979. – № 42. – С.133-149.
476. Штурман Д., Титкин С. [Приветствие к 70-летию] // *Новое рус. слово*. – Нью-Йорк, 1988. – 9 дек. – С.4.
477. Шурмак Г. Новые рассказы Александра Солженицына // *Грани*. – Frankfurt a/M., 1996. – № 182. – С.284-293.
478. Щедрина Н.М. Авторская оценка романа “Красное Колесо” в публицистике А.Солженицына // *Критика и публицистика в системе духовной культуры*. – Тюмень, 1992. – С.67-69.
479. Щедрина Н.М. Концепция истории в романе А.Солженицына “Красное Колесо” // *Русская литература конца XX века (80-90-е годы)*. Пути развития прозы и драматургии. – Уфа, 1994. – С.90-115.
480. Щедрина Н.М. Стилиевые особенности романа А.Солженицына “Красное Колесо” // *Актуальные проблемы современной филологии*. – Уфа, 1995. – С.83.
481. Щедрина Н.М. Философский “спор” А.Солженицына с Л.Толстым в романе “Красное Колесо” // *Классика и современный литературный процесс*. – Орск, 1992. – С.43-45.
482. Щедрина Н.М. Форма авторской иронии в исторических произведениях М.Алданова, А.Солженицына // *Русское художественное слово: Многообразие литературоведческих и лингвометодических методов*. – СПб., 1996. – С.68-71.
483. Щедрина Н.М. Формы выражения авторского сознания в романе А.Солженицына “Красное Колесо” // *Поэтика русской и зарубежной литературы: Сб. ст.* – Уфа: Гилем, 1998. – С.193-206.
484. Щедрина Н.М. Функции “хронотопа” в романе А.Солженицына “Красное Колесо” // *Поэтика русской прозы XX века: Межвузовск. науч. сб.* – Уфа, 1995. – С.81-99.
485. Ямпольская Е. “Пир победителей” в Малом театре // *Известия*. – М., 1995. – 27 янв. – № 16. – С.2.

486. Atkinson D.G. Solzhenitsyn's heroes as Russian historical types // Russian rev. – N.Y., 1971. – № 1. – P.1-16.
487. Belinkov A. The writer as Russia's conscience // Time. – N.Y., 1968. – Sept. 27. – P.24-31.
488. Boldyreff C.W. Solzhenitsyn: The conscience of Russia // Transactions of the Association of Russian–American scholars in USA. – N.Y., 1972. – Vol.6. – P.29-35.
489. Bosquet A. Soljénitsyne et la Sainte Russie // Gazette de Lausanne. – Lausanne, 1972. – 14-15 Oct.
490. Cesereanu R. Soljenișin – ucenic al lui Dante // Steaua. – Buc., 1992. – A.43, № 10. – P.16-17.
491. Constant S. Great Russian realist // Sunday telegraph. – L., 1968. – Sept. 29.
492. Daix P. Introduction à Une journée d'Ivan Denisovich // Lettres Françaises. – Paris, 1969. – № 967. – P.1, 6.
493. Drozda M. Románové umění Aleksandra Solženicyna // Plamen. – Praha, 1969. – № 4. – S.76-81.
494. Dunlop J.B. Solzhenitsyn's sketches // Transactions of the Association of Russian–American scholars in USA. – N.Y., 1972. – Vol.6. – P.21-28.
495. Durden-Smith J. One man against the state // Moscow times. – M., 1995. – Nov. 14. – № 838. – P.1.
496. Glenny M. Alexander Solzhenitsyn and the epic tradition: Introducing “August 1914” // Harpers magazine. – N.Y., 1972. – Aug. – P.50-52.
497. Glenny M. “No regime loves great writers” // Life. – N.Y., 1972. – June 23. – P.42-44.
498. Glenny M. Solzhenitsyn: no compromise // Times saturday rev. – L., 1968. – Sept. 21.
499. Grebenschikov V. Les cercles inferaux chez Soljénitsyne et Dante // Candian Slavonic papers. – Toronto, 1971. – Vol.13, № 2/3. – P.147-162.
500. Herling G. De Tchékov Soljénitsyne // Preuves. – Paris, 1963. – № 148. – P.46-49.
501. Kisseleff N. Literary and themes in “The First Circle” // Canadian Slavonic papers. – Toronto, 1971. – Vol.13, № 2/3. – P.219-232.
502. Koehler L. Alexander Solzhenitsyn and Russian literary tradition // Russian rev. – Syracuse (N.Y.), 1967. – № 2. – P.176-185.
503. Luplow R. Narrative style and structure in “One day in the life of Ivan

- Denisovich" // *Russian literature triquarterly*. – Ann Arbor (Mich.), 1971. – № 1 (Fall). – P.399-412.
504. Maccarty M. *The Tolstoy connection* // *Saturday rev. Books*. – L., 1972. – Sept. 16. – P.70-82, 90-92, 96.
505. Melnikow G. A.I. Solzhenitsyn // *Canadian Slavonic papers*. – Toronto, 1971. – Vol.13, № 2/3. – P.125-129.
506. Nivat G. *Au tocsin de l'histoire* // *Quinzaine littéraire*. – Paris, 1970. – 1 nov. – P.12-14.
507. Nivat G. *Études et miniatures* // *Monde (Monde des Livres)*. – Paris, 1970. – 23 oct. – P.18.
508. Nivat G. Soljénitsyne: "La justice est la conscience de l'humanité" // *J. de Genève. Samedi Lit.* – Geneve, 1971. – 29 mai.
509. Obolensky A.P. Solzhenitsyn in the mainstream of Russian literature // *Canadian Slavonic papers*. – Vol.13, № 2/3. – P.131-138.
510. Pervushin N.V. Preliminary remarks on the literary craft of Solzhenitsyn // *Canadian Slavonic papers*. – Toronto, 1971. – Vol.13, '2/3. – P.141-146.
511. Rea N. Nerzhin: A Sartrean Existential Man // *Ibid.* – P.209-216.
512. Rus V.J. One day in the life of Ivan Denisovich: A point of view analysis // *Ibid.* – P.165-178.
513. Shapiro I.H. Alexander Solzhenitsyn: One day in the life of Ivan Denisovich // *Slavic review*. – Stanford (Cal.), 1963. – Vol.22, № 2. – P.375-377.
514. Shapiro L. One day in the life of Ivan Denisovich // *New statesman*. – L., 1963. – Febr. 1.
515. Strada V. Gli ideali di Solženitsyn // *Rinascità*. – Roma, 1969. – 14 mar.
516. Strada V. In difesto di Solženitsyn // *Europa letteraria*. – Roma, 1964. – № 26. – P.5-13.
517. Strada V. La polemica sul Nobel a Solženicyn // *Rinascità*. – Roma, 1970. – 16 ott. – P.19.
518. Unbegaun B.O. The "Language of Ultimate Clarity" // *Melbourne Slavonic Studies*. – Melbourne, 1971. – № 5/6. – P.91-94.
519. Whitehorn A.J. *What Men Live By: An Analysis of Solzhenitsyn's writings* // *Canadian Slavonic papers*. – Toronto, 1971. – Vol.13, № 2/3. – P.235-241.
520. Windle K. *Symbolism and Analogy in Solzhenitsyn's Cancer Ward* // *Ibid.* – P.193-206.

521. Zamoyska H. "Le Pavillon des cancéreux" d'Alexandre Soljénitsyne // Monde. – Paris, 1968. – 24 août. – Suppl. au № 7344. – P.VI.
Zamoyska H. Le couronnement d'une grande oeuvre // Ibid. – 2 nov. – Suppl. au № 7404. – P.V. – S/seconde partie du "Pavillon des cancéreux".
522. Zamoyska H. Soljénitsyne // Table ronde. – Paris, 1969. – № 253. – P.141-145.
523. Zamoyska H. Soljénitsyne et la grande tradition // Ibid. – 1963. – № 185. – P.61-81.
524. Zamoyska H. Une descente en enfer: "Le Premier cercle" // Monde. – Paris, 1969. – 18 janv. – Suppl. au № 7470. – P.I-II.
525. Zavalishin V. Solzhenitsyn, Dostoevsky and Leshenkov-Klychkov // Bull. of the Inst. for the study of the USSR. – München, 1963. – Nov. – P.40-48.
526. Žekulin G. Aspects of peasant life as portrayed in contemporary soviet literature // Canadian Slavonic studies. – Toronto, 1967. – Vol.16, № 1. – P.552-565.
527. Žekulin G. Solzhenitsyn's Play: The Candle in the Wind: (The Which is in Thee) // Canadian Slavonic papers. – Toronto, 1971. – Vol.13, № 2/3. – P.179-192.

4. Диссертации

528. Лаврёнов П.П. Проблемы русского национального характера и творчестве А.И.Солженицына: Нравственно-философский аспект: Дис. ... – канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И.Ленина. – М., 1992.
529. Субботина М.В. Метафорические отношения между ключевыми словами публицистического текста: (На материале публицистики Ф.Абрамова, В.Распутина, А.Солженицына): Дис. ... – канд. филол. наук / МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 1992.
530. Щедрина Н.М. Исторический роман в русской литературе последней трети XX века (пути развития, концепция личности, поэтика): Дис. ... д-ра филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И.Ленина. – М., 1996.
531. Carpovich V.V. Lexical peculiarities of the Solzhenitsyn's language: (Neologisms and Dahl's vocabulary). – Ph. D., New York Univ., 1973.
532. Dovhiy W. Dostoevsky's "House of the Dead" and Solzhenitsyn's "One day in the life of Ivan Denisovich": Studies in extreme reality. – M.A., Univ. of Toronto, 1965.

533. Krasnov V.G. Polyphony of "The First circle": A Study in the Solzhenicyn's Affinity with Dostoevskij. – Ph.D., Univ. of Washington (Seattle), 1974.
534. Perelmuter J. The Language of Solzhenitsyn's "Odnen' Ivana Denisovica". – M.A., McGill Univ, 1967.

Спиваковский П.Е.

Феномен А.И.Солженицына: новый взгляд: (К 80-летию со дня рождения) / ИНИОН РАН.— М., 1998.— 135 с.

Книга посвящена анализу художественного творчества А.И.Солженицына.

Павел Евсеевич Спиваковский

**ФЕНОМЕН А.И.СОЛЖЕНИЦЫНА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД
(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

ЛР №020990 от 15.05.95 г.

Сдано в набор 20.10.98 г.

Формат 60x84/16

Усл.-печ. л. 8,15

Тираж 1000 экз.

(1-й завод 500 экз.)

Печать офсетная

Уч. изд.л. 8,0

Подписано в печать 10.12.98 г.

Бум.кн.-журн. Свободная цена

Заказ № 3

ИНИОН РАН, Москва, Нахимовский пр-т, д.51/21

